



ИЗВЕСТИЯ

**ВОЛГОГРАДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**



ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

**№1 (01)
2023**



ИЗВЕСТИЯ

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
СОЦИАЛЬНО - ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№1(01)

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023 г.

ОСНОВАН
в 2023 г.

Учредитель:
Федеральное
государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный
социально-педагогический университет»

Издатель:
ВГСПУ.
Научное издательство
ВГСПУ «Перемена»

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций

ПИ № ФС77-84741
от 17 февраля 2023 г.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

- КАРАСИК В.И. Сюжетная символика нарратива о путеше-
ствии в прошлое..... 4
- ДЬЯКОВА А.А. Суггестивный потенциал цитирования
текста закона в массмедийном дискурсе..... 13
- ВОЛКОВА Я.А., ПТУКЯН А.Р. Речевая интенция как ба-
зовый параметр деструктивного текста..... 19
- БОБЫРЕВА Е.В. Дискурсивная специфика эмоциональ-
ного концепта «страх» 24
- АВИЛОВА А.А., КРАСАВСКИЙ Н.А. О социолекте бло-
геров (на материале английских сетевых дневников) 32
- ДМИТРИЕВА О.А., ВАНЮШИНА Н.А. Зумбомбинг как
объект лингвистического исследования..... 37
- ХУ ЮЙПИНЬ. Коммуникация и коммуникативное пове-
дение как объект изучения в гуманитарных науках 42
- МОСЕЙКО А.А. Compliments и оскорбления в русском
коммуникативном поведении..... 51
- СОЛОДОВНИКОВА Н.Г., ГРЕБНЕВА Е.А. Асимметрия
эмоциональности и эмотивности..... 55
- МЕЩЕРЯКОВА Ю.В., ШЕВЧЕНКО Т.Ю. Методология
перевода безэквивалентной лексики..... 61
- РУССКИЙ ЯЗЫК.
ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ**
- БРЫСИНА Е.В., СУПРУН В.И. Становление и развитие
русской лингвогеографии и лингвокартографии 68

Главный редактор

Н.А. Красавский,
д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия

Е.В. Брысина
С.Г. Воркачев
А.Х. Гольденберг
Л.В. Жаравина
В.И. Карасик
А.А. Кораблёв
О.А. Кравченко
Л.П. Крысин
М.Ч. Ларионова
О.А. Леонтович
Г.Б. Мадиева (Казахстан)
В.М. Мокиенко
Н.Н. Панченко
С.В. Перевалова
Л.Н. Савина
В.И. Супрун
Н.Е. Тропкина
А.А. Фокин
Ван Цзиньлин (КНР)
Э.Ф. Шафранская

Научно-редакционный совет

А.М. Коротков
Н.А. Красавский
М.В. Великанов

МОСКВИН В.П. Фрикативный [γ] в современном русском языке: функциональный анализ78

ДЕКАТОВА К.И. Структурно-семантические особенности политических фразеологизмов-онимов.....87

ФЕНЬКИНА Л.Н., ЧЕРНИЦЫНА Т.В. Мифопоэтика дома в прозе С.Т. Аксакова и Б.П. Екимова (лексико-семантический аспект в описании быта и речи героев).....94

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

МАКАРОВА О.С. Концепты «Macht» и «Glück» в концептосфере Ф. Ницше..... 100

ЧЖАН ШУИ. Отражение китайских суеверий в пословицах 104

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ И МЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

ТАБАЧНИКОВА О.М. Шестов и Фрейд: литература в философском и психоаналитическом дискурсе..... 110

ТРОПКИНА Н.Е., ВАН ТЯНЬЦЗЯО. Пространственные образы Дальневосточного региона в поэме С.М. Третьякова «Рычи, Китай!» 118

КОВАЛЬЧУК О.Н. Мифопоэтика змеборчества в рассказе В. Быкова «На восходе солнца» 123

ПЕРЕВАЛОВА С.В. Повесть В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» в историко-культурном контексте XIX–XX вв..... 128

ЛЕОНОВ И.С. Региональный текст в творчестве протоиерея Николая Агафонова..... 134

РЯСОВ Д.Л., ШЕЛЕНКО М.А. Конфликты и характеры в пьесах саратовского драматурга Дмитрия Борисова «Великий предтеча» и «Пленные души» 139

ХРОНИКА И РЕЦЕНЗИИ

ДМИТРИЕВА О.А., ВАНЮШИНА Н.А. Объединяя города и страны: IV Международная научная онлайн-конференция «Русский язык в поликультурной образовательной среде»..... 145

*Перевод на английский язык
А.С. Караваевой.*

Сведения об авторах.....	148
Information about authors.....	151
Состав редакционной коллегии	154
Состав научно-редакционного совета.....	154

Подписано в печать
10.03.2023

Формат 60×84/8.
Бум. офс. Уч.-изд. л. 15,4
Тираж 1000 экз.

Адрес издателя, редакции:
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27,
ВГСПУ.

Великанову М.В.
☎(8442)60-28-86
E-mail: philolog-izvestia@mail.ru

Отпечатано в типографии
ИП Миллер Андрей Георгиевич
400005, Волгоград,
пр. им. В.И. Ленина, 27.
Заказ № 10/03/1

Выход в свет
24.03.2023

Цена свободная



© Волгоградский государственный
социально-педагогический
университет, 2023

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ, ПРИКЛАДНАЯ И СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ЛИНГВИСТИКА

В.И. КАРАСИК
Москва

СЮЖЕТНАЯ СИМВОЛИКА НАРРАТИВА О ПУТЕШЕСТВИИ В ПРОШЛОЕ

Рассматривается сюжет как один из объектов лингвокультурологии на материале нарратива «Путешествие в прошлое», используемого в произведениях научной фантастики для того, чтобы критически взглянуть на настоящее. Выделены типы путешествий, противопоставляемые по признакам цели (исследовательская экспедиция, развлекательная экскурсия, возвращение к идеалу, карательный поход), контролируемости (намеренное и ненамеренное попадание в иную эпоху), связи с актуальной реальностью (полное либо частичное погружение в иной мир).



Ключевые слова: лингвокультурология, сюжет, ценность, символ, путешествие в прошлое.

В лингвокультурологии как одном из ведущих направлений антропологической лингвистики в качестве единиц исследования обычно рассматриваются концепты, скрипты и типажи. Концепты понимаются как ментальные образования, в составе которых выделяется понятийное, образное и ценностное содержание, т. е. признаки, релевантные для узнавания и объяснения соответствующих фрагментов бытия, перцептивные и метафорические характеристики этих объектов и заложенные в содержании этих квантов переживаемого знания нормы мировосприятия и поведения [10; 16; 17; 24; 26; 27]. Скрипты (или сценарии, речеповеденческие тактики, бихевиоремы) – это динамические ментальные образования, имеющие стереотипную природу и отражающие принятые в том или ином сообществе последовательности действий и поступков [6; 7; 14; 22]. Типажи понимаются как обобщенные узнаваемые модельные личности, в поведении которых выражены ценности, нормы и традиции определенного общества [1; 5; 11; 13; 36]. Представляется, что названная триада единиц может быть дополнена лингвокультурными сюжетами, трактуемыми как нарративные авторские изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов, раскрывающие идейное содержание текста и представляющие собой намеренно преобразованные фабулы [8; 23]. В сюжетах отражаются ценности, нормы и традиции той или иной лингвокультуры, соотносимые с ценностной картиной мира автора, эпохи и этнокультурного сообщества [12].

Путешествие является одним из распространенных приемов раскрытия характеров в произведениях художественной литературы, поскольку дает возможность описать поведение героев в новых ситуациях и соотнести их реакцию на новые обстоятельства с привычным мироощущением. Осмысление путешествий как феномена культуры неоднократно привлекало к себе внимание философов и филологов [2; 3; 15; 18; 25; 33–35]. Разновидностью путешествий выступают перемещения во времени, путешествия в прошлое и будущее. Эта тема активно разрабатывается в научной фантастике – художественной литературе и кинематографии – и получает освещение в лингвистических и философских исследованиях под рубрикой «хронофантастика». Научная фантастика

как жанр художественного творчества неоднократно привлекала к себе внимание исследователей [4; 20; 21; 28–32].

В данной работе рассматривается нарратив о перемещении в прошлое. Предполагается, что в таких перемещениях герои получают не только живые впечатления о нравах обитателей иных эпох, но и возможность внести изменения в цепь событий и тем самым повлиять на мировой порядок, включая и свое собственное существование. Такие сюжеты могут быть осмыслены в аксиологическом плане как комбинации определенных символов, находящихся в сложном единстве. В качестве материала для анализа рассматривались произведения зарубежных и отечественных писателей-фантастов.

Следует отметить, что переходы в иную реальность в полной мере соответствуют философской концепции пессимизма, представлению о множественности миров, из которых актуальная реальность – всего лишь один из вариантов бытия. Отсюда и возможность путешествий в иные воображаемые миры. Такая концепция принципиально противоположна идее контрфактичности, на которой строится обиходное сознание: есть только данный мир, объективно существующий, а все иные варианты – не более чем допущения. Заслуживают внимания наблюдения читателей и критиков о пессимизме как ключевой идее хронофантастики. Так, блогер, выступающий под ником Борис Невский, говорит о том, что центр популярности литературы о попаданцах приходится в наши дни именно на Россию, хотя эти сюжеты популярны и на Западе. Выделяются два модуса попаданчества: в собственном виде и в иной оболочке (вспомним культовый фильм «Аватар»). Отмечено, что, хотя героем подобных путешествий может быть обычный человек, здравый смысл подсказывает: действовать в непривычных условиях такой персонаж будет недолго, и сюжет прервется, не успев развернуться. Поэтому подобный герой должен резко превосходить по своим способностям тех обитателей чужой эпохи, с которыми он столкнется. Такое положение дел соответствует сюжетной архаике, зафиксированной в древних мифах и легендах: герой одерживает победы над врагами благодаря чудесной защите (как неуязвимые Ахилл или Зигфрид) или волшебному оружию, которого нет у соперников. При этом носители культуры не испытывают неудобства по поводу неравенства участников таких сражений, т. е. нечестного соревнования. Комментируя востребованность этого сюжета, критик Василий Владимирский замечает: «Популярность “попаданческой прозы” – результат коммерческой эксплуатации “комплекса неудачника”, убежденности немалого количества людей в том, что реализовать их скрытый потенциал мешают лишь внешние обстоятельства» (URL: <https://www.mirf.ru/book/knigi-pro-poradancev-problemy-shtampu>). Иначе говоря, стремление большого числа наших современников уйти от проблем сегодняшнего дня в вымышленный мир фантастики, фэнтези, компьютерных игр свидетельствует о неверии в собственные силы, о признании своего поражения в жизненной борьбе, и это должно насторожить. Филология вряд ли может претендовать на универсальный индикатор человеческой души, однако наблюдения филологов, сделанные на основе анализа коммуникативной практики, являются весьма достоверным материалом для диагностики эпохи. Обратим внимание на основные пороки нашего времени, акцентированные в интернет-общении и подчеркнутые В.В. Дементьевым: агрессия, «звездная болезнь», «бегство от жизни» и аутизм [12, с. 34].

Наряду с попаданцами, героями путешествий в прошлое оказываются люди, желающие получить удовольствие от встречи с экзотикой, которой уже нет в настоящем, либо понять нечто очень важное из личного общения с известными личностями, либо исправить историю. В качестве примера, иллюстрирующего путешествие ради удовольствия, уместно привести рассказ Р. Брэдли «И грянул гром». Герой ищет новых ощу-

щений и отправляется в сафари на охоту на динозавров, живших на земле 60 миллионов лет назад. Поездка очень дорогая, гарантий благополучного возвращения нет, механическим устройством, обеспечивающим такое перемещение, является Машина времени. Вместе с охотником летят четыре человека – руководитель тура и его помощники. Участникам этого сафари строго запрещено вносить какие-либо изменения в окружающий мир, поскольку в результате таких изменений нарушится весь порядок событий на земле. На этой охоте можно убивать лишь тех зверей, которые и так через несколько минут погибнут по той или иной причине. Охотники находятся на металлической тропе, которая парит над землей на высоте 6 дюймов. Сходить с этой тропы нельзя. Герой выбрал охоту на тираннозавра, хищного ящера, достигавшего в длину 12 метров и в высоту 3 с половиной метров. Увидев это чудовище, охотник испугался, побежал с тропы в Машину времени, а его спутники успели сразить животное. И после этого сверху на ящера упал огромный острый сук дерева. Вернувшись в Машину, они увидели незадачливого охотника и заставили его пойти к туше ящера, извлечь пули и сфотографироваться. Когда экспедиция вернулась в свой мир, ее участники увидели, что там произошли какие-то изменения, все было почти таким же, как до отправления, но все же иным. Перед этой поездкой на сафари в Америке прошли выборы, результат был известен. Но, вернувшись, путешественники узнали, что победил другой кандидат. Взглянув на свою обувь, главный герой увидел раздавленную зеленую бабочку.

На комке было отливающее зеленью, золотом и чернью пятно – бабочка, очень красивая... мертвая.

– Из-за такой малости! Из-за бабочки! – закричал Экельс.

Она упала на пол – изящное маленькое создание, способное нарушить равновесие, повалились маленькие костяшки домино... большие костяшки... огромные костяшки, соединенные цепью неисчислимых лет, составляющих Время. Мысли Экельса смешались. Не может быть, чтобы она что-то изменила. Мертвая бабочка – и такие последствия? Невозможно!

Смерть этой бабочки привела к цепи событий, изменивших мир. Руководитель тура стреляет в заказчика путешествия. Рассказ завершается фразой «И грянул гром!» – названием этого произведения. Словосочетание «эффект бабочки» стало символом, обозначающим непоправимое изменение событий в прошлом.

Английский писатель-фантаст Джон Уиндем осмыслил такое положение дел в ином ключе:

Но со временем историки стали сверять результаты и обнаружили удивительные вещи. Оказалось, например, что еще до нашей эры один греческий ученый по имени Герон Александрийский демонстрировал простейшую модель паровой турбины; Архимед использовал зажигательную смесь вроде напалма при осаде Сиракуз; Леонардо да Винчи рисовал парашюты, когда неоткуда было еще прыгать с ними; Лейв Счастливый открыл Америку задолго до Колумба; Наполеон интересовался подводными лодками. Есть множество других подозрительных фактов. В общем стало ясно, что кое-кто очень легкомысленно использовал машину и вызывал хроноклазмы.

– Что вызывал?

– Хроноклазмы, то есть обстоятельства, не соответствующие данной эпохе и возникающие от того, что кто-то действовал необдуманно. Ну, насколько нам известно, к серьезным бедствиям это не привело, хотя возможно, что естественный ход истории несколько раз нарушался, а люди пишут теперь разные очень умные труды, объясняя, как это произошло, но каждому ясно, какими серьезными опасностями это может быть чревато. Представьте, к примеру, что кто-то неосторожно подал Наполеону идею о двигателе внутреннего сгорания в дополнение к идее подводной лодки. Кто знает, к чему это могло бы привести!

В этом рассказе («Хроноклазм») речь идет о том, как гостья из будущего (2136 год) пришла к герою, жившему в XX в., и способствовала тому, что он изобрел подводную

радиосвязь. Вывод ясен: великие открытия, опережающие свое время, происходят из-за подобных перемещений. Конечно, наш современник улыбнется, прочитав это.

Евангельская история относится к числу важнейших нарративов человечества. Ее суть, как известно, сводится к повествованию о божественном посланце, который принес себя в жертву, взяв на себя все грехи людей, чтобы спасти род человеческий и направить его на путь добра. В этом нарративе выделяются значимые фрагменты: политическая обстановка в древней Иудее, которая была в то время римской провинцией, предсказание о рождении чудесного спасителя, который станет царем, истребление новорожденных мальчиков, бегство его семьи в Египет, возвращение юноши в родные края, исцеление неизлечимых больных, которых он спас, его проповеди, его арест, допрос, избивание, его казнь на кресте и чудесное воскресение. Этот сюжет неоднократно был осмыслен в художественной литературе. В романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» повествование о финальных днях Христа показано с позиций Воланда, т. е. дьявола, этот нарратив не является рассказом о путешествии в прошлое, хотя из повествования можно сделать вывод о том, что перемещение в иные миры недоступно людям.

В повести М. Муркока «Се человек» герой, слабохарактерный и страдающий многими комплексами неудачник, попадает на машине времени в 28 год нашей эры. Машина сломалась, вернуться в свою эпоху не получится. Герой общается с сектой ессеев, ждущих прихода мессии, и они принимают его за посланца Бога. Он отправляется в Назарет, чтобы найти семью Иисуса, его мать Марию и его отца плотника Иосифа. Вместо спасителя он находит в этой семье своего ровесника – уродливого имбецила и принимает решение выдать себя за Христа. Он в точности следует описаниям последних дней жизни Спасителя, въезжает в Иерусалим на осле, произносит проповеди, приказывает одному из своих учеников пойти с доносом к римлянам, выдерживает побои и умирает на кресте. Оставив в стороне многочисленные описания жизненных неудач и унижений, которым подвергался герой в своей реальной жизни до перемещения в прошлое, отметим, что основная идея этой повести может быть сформулирована как признание самопожертвования суицидальным поступком. Повесть начинается с описания игры, в которую предложил своим товарищам сыграть главный герой, девятилетний мальчик, его привязывают к стене, как к распятию, – оказалось, что это очень больно. Но дети не отпускают его. Он имитирует обморок. Дети вызывают учителя.

– Мы играли, сэр... – сказал Ян Томпсон, – ...в Иисуса. Карл был Иисусом. Мы играли так и раньше, сэр. Мы привязали его к забору. Это была его идея, сэр.

– Немного незрелая, – пробормотал мистер Мэтсон и вздохнул, пощупав лоб Карла.

По принципу рондо реальным распятием заканчивается и повесть. В этом повествовании теряется предназначение жертвоприношения как очищения.

Рассказ И.И. Варшавского «Петля гистерезиса» посвящен этому же сюжету, но реализован в иной – сатирической – тональности. Советский кандидат исторических наук отправляется на машине времени в тридцатый год нашей эры в древнюю Иудею в научную пятидневную командировку, цель которой – собрать материал, опровергающий существование Иисуса Христа. Он встречается с рыбаками на берегу Тивериадского озера, творит чудеса (не тонет в воде в своем синтетическом хитоне, угощает сотрапезников водкой, которую они считают водой, превратившейся в вино, затем воскрешает якобы умершую дочь одного из жителей с помощью противошоковой сыворотки). В своих проповедях он обличает сущность религиозного верования с позиций научного атеизма:

– Видите ли, – обратился он к Иоанну, – философия Христа очень реакционна. Она – порождение рабовладельческого строя. Отказ от борьбы за свои человеческие права приводил к узаконению взаимоотношений между рабом и его господином.

Эта проповедь представляет собой набор пропагандистских штампов. Толпы восторженных людей следуют за этим человеком. Римские власти арестовывают его и распинают на кресте. Но по истечении пяти суток этот путешественник возвращается в свой мир в соответствии с законом взаимосвязи событий на временной оси, автор иронично называет эту связь «петля гистерезиса» (реакция физического тела отстает от вызывающих ее внешних условий). В этом рассказе фактически речь идет о том, что на самом деле Христа не было. Сатирический эффект текста состоит в использовании стратегии травестирования, сниженном пародийном изложении событий, о которых обычно говорят в высоком стилистическом регистре [19, с. 768]. Вместо чудес мы видим обиходное бытовое применение тех или иных предметов. Автор насмешливо описывает жителей древней эпохи. Вместе с тем нельзя не заметить, что естественная логика развития событий приводит героя к гибели. Символика этого сюжета заключается в неотвратимости казни для того, кто пытается спасти человечество.

Ироническое описание путешествия в прошлое показано в повести Е.Ю. Лукина «Бытiе наше дырчатое». Герой с товарищами отправляется на машине времени в исходную точку развития событий для того, чтобы уничтожить род человеческий. Видна прямая аллюзия к рассказу Р. Брэдли:

Морщинистое рыльце просветлело, голубенькие глазенки увлажнились.
– Всех бабочек там потопчу... – мечтательно выдохнул Аксентийч.

Разочарованный неудачник отправляется в прошлое, чтобы найти там Еву, от которой произошло человечество, и убить ее. В этом путешествии его сопровождают водитель Машины времени и несколько сопровождающих лиц. Еву он не убивает, но отправляет в иную эпоху, однако вместо человечества появляется раса иных существ, гораздо хуже людей и по виду, и по поведению. Один из попутчиков говорит герою:

– Чем больше курочишь прошлое, тем хуже в настоящем. Жизнь, она, брат, завсегда только с первого раза и выходит. Вот, скажем, поскользнулся ты на гололеде, палец свихнул. Ага, прикидываешь, а вернись-ка я в тот день и ледышку эту обойду... Начнешь обходить – ногу сломаешь. Ну и так далее... Пока шею не свернешь.

Такая не очень оптимистическая философия радикально противоречит принципу исправления мира в иудаизме («тикун олам») и скорее соответствует буддийской идее отказа от вторжения в естественную цепь событий. В литературе этого жанра ярко представлены философские символы, связанные с пониманием смысла жизни. Заслуживает внимания тонкое наблюдение С.Г. Воркачева о том, что «в афористике присутствуют элементы карнавализации этой идеи» [9, с. 182]. Произведения научной фантастики в этом плане сближаются с афористикой, поскольку фантастика – это критическое осмысление нашего несовершенного реального мира. Цитируемая повесть насыщена горькими афоризмами, например: *Из каждого безвыходного положения есть выход в еще более безвыходное...*

Путешественники в прошлое иногда стремятся встретиться с героями минувших эпох для того, чтобы осудить их. Показателен рассказ Д.А. Биленкина «Проба личности». Советские школьники отправляются в прошлое для встречи с Фаддеем Булгариным, российским писателем, фельетонистом, издателем и, кстати, основоположником фантастического романа в русской литературе. Известно, что он был агентом царской охранки и героем многих эпиграмм. Итак, школьники решили допросить этого человека, смоделированного компьютерной программой:

Как все остальное, компьютер и его моделировал по рисункам, запискам, воспоминаниям той эпохи, воссоздал облик, душевный склад, характер мыслей, наделил фантом самостоятельной, насколько это вообще возможно, жизнью доподлинного Фаддея Венедиктовича, так что фигура у конторки могла слушать, думать, говорить и чувствовать, как сам Булгарин.

Ребята хотят понять, почему он вел себя таким образом. Булгарин объясняет:

– Случалось, пенял достопочтенному Александру Сергеевичу, звал, некоторым образом, к достойному служению царю и отечеству. Не понят был, оскорблен эпиграммами, поношением литературных трудов моих, недостойным намеком на прошлое супруги, но зла – упаси боже! – не сохранил, ту эпиграммку сам напечатал, рыдал при безвременной кончине Александра Сергеевича... Заносчив был покойный, добрых советов не слушал, ронял свое величие поэта, так все мы, грешные, ошибаемся! Господи, отпусти ему прегрешения, как я их ему отпустил...

Школьники ведут допрос вполне профессионально:

– В своих «Воспоминаниях» вы писали: «Лучше спустить с цепи голодного тигра или гиену, чем снять с народа узду повиновения властям и закону... Все усилия образованного сословия должны клониться к просвещению народа насчет его обязанностей к богу, к законным властям и законам... Кто действует иначе, тот преступает перед законами человеческими...» Вот это и есть та идея, ради которой вы, терпя унижения, трудились так ревностно?

Ребята обвиняют своего гостя и в зависти, и во взяточничестве, и в холопстве. Он пытается оправдаться, но в конце разговора падает перед ними на колени. И школьники, остолбенев от ужаса, выключают прибор, с помощью которого они вели этот разговор. Финал ясен: Булгарин не считает себя виновным, этот допрос ни к чему новому школьников не привел. Вывод, вытекающий из этого повествования, в значительной мере пессимистичен: вряд ли стоит прикасаться к персонажам ушедших эпох. Грань между исправлением зла и садистским желанием причинить боль преступнику быстро исчезает, как доказано в известном эксперименте Стэнли Мильграма, когда добровольные следователи, которые должны были применять электрошок в общении с допрашиваемыми, в большинстве случаев доводили своих жертв до смерти. Тот факт, что крики жертв были имитацией, на суть дела не влияет. Встреча с прошлым оказывается зеркалом, в котором путешественники видят себя.

В ряду таких путешествий, впрочем, выделяется возвращение к идеальной картине мира. Таков рассказ Р. Шекли «Лавка миров». Действие разворачивается в апокалиптическом мире, пережившем ядерную войну. В развалинах, наполненных ядовитым пеплом и полчищами крыс, есть некая лавка, хозяин которой за большую плату делает клиентам укол и подвергает их воздействию своего прибора, благодаря чему они могут переместиться в ту ситуацию, которая соответствует их сокровенному желанию. Ценой такого путешествия является не только большая плата за него, но и сокращение жизни на 10 лет. Аллюзия к наркотикам очевидна. И вот герой возвращается к себе домой, в тот мир, в котором он жил раньше. Он все время помнит о своем разговоре с владельцем лавки, и тем временем происходят всякие события в его ежедневной жизни:

...зимой из-за короткого замыкания начался пожар в пустой спальне для гостей. Пожарники потушили огонь. Ущерба особого не было, и никто не пострадал. Но о Томпкинсе пришлось на время забыть. В первую очередь нужно было заняться ремонтом спальни, ведь Уэйн очень гордился своим старинным домом. Из-за международной обстановки конъюнктура была неопределенной. По бирже ползли слухи – а как там русские, арабы, греки, китайцы... И потом – межконтинентальные ракеты, атомные бомбы, спутники... Уэйн проводил на работе целые дни, а иногда оставался и по вечерам. У Томми началась свинка. Нужно было перекрыть крышу. Вскоре пришла пора позаботиться и о весеннем спуске на воду парусника.

Так прошел год. Герой очнулся в лавке. Он отдал хозяину сверток, в котором были армейские сапоги, нож, два мотка медной проволоки и несколько банок мясных консервов. Хозяин сказал, что этого вполне достаточно. Значимы следующие строки:

Этот год в прошлом стоил ему всего состояния да десяти лет жизни в придачу. Был ли это сон? Все равно, он стоил этого!

Основная идея этого рассказа выражена предельно четко: самым дорогим для нас является наше обыденное существование, ценность которого мы можем осознать, только лишившись его, подобно тому, как мы осознаем ценность дыхания или отсутствия боли. Символика этого нарратива построена на контрасте реального и потерянного миров.

Подведем основные итоги.

Путешествие в прошлое как художественный прием, используемый в произведениях научной фантастики, дает возможность критически взглянуть на настоящее. Такие путешествия распадаются на определенные типы, противопоставляемые по признакам цели (исследовательская экспедиция, развлекательная экскурсия, возвращение к идеалу, карательный поход), контролируемости (намеренное и ненамеренное попадание в иную эпоху: в первом случае такое перемещение называется хроноопера, во втором случае – попаданчество), связи с актуальной реальностью (полное либо частичное погружение в иной мир, примером второго является квази-спиритический сеанс). Символика таких сюжетов весьма разнообразна, к важным образам относятся раздавленная в прошлом бабочка, замещение Христа, расправа с первыми людьми на Земле, допрос известного исторического персонажа, возвращение в навсегда потерянный привычный мир.

Список литературы

1. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
2. Белкова Ю.В. Системные и ассоциативные характеристики семантического поля «путешествие» (на материале французского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2011.
3. Боброва Е.А. Опыт лингвистического исследования концепта «путешествие» в англоязычной культуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2006.
4. Бочкова О.С. Категории модальности, пространства и времени в жанре научной фантастики (на материале русско- и англоязычных текстов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2006.
5. Валайбоб А.В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013.
6. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ. М., 1996.
7. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. М., 1999.
8. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. ст. и прим. В.М. Жирмунского. Л., 1940.
9. Воркачев С.Г. Что есть человек и что польза его: идея смысла жизни в лингвокультуре. Волгоград, 2011.
10. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: моногр. Волгоград, 2014.
11. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009.
12. Дементьев В.В. Речевые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи. Саратов, 2016.
13. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типы России и Франции XIX века: моногр. Волгоград, 2007.
14. Донец П.Н. К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вопр. языкознания. 2004. № 6. С. 93–99.
15. Католин Л.Н. Кибернетическое путешествие. М., 1967.
16. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. М., 2019.
17. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: моногр. М., 2008.
18. Лю Цзюань. Концепт «путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.
19. Москвин В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. Ростов н/Д., 2007.

20. Неелов Е.М. Волшебно-сказочные корни научной фантастики. Л., 1986.
21. Олянич А.В., Рыльщикова Л.М. Лингвосомиотическая креативность в пространстве научной фантастики: пролегомены к определению // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2016. Т. 15. № 4. С. 237–244.
22. Савицкий В.М. Этноспецифика культурных кодов // Этническая культура. 2020. № 3(4). С. 40–44.
23. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. М., 2009.
24. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: моногр. Волгоград, 2004.
25. Стародубцева Е.А. Лингво-когнитивное моделирование культурных схем «Путешествие» / «Travel»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2008.
26. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
27. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж, 2008. Вып. 1. С. 8–20.
28. Тамарченко Е.Д. Социально-философский жанр современной научной фантастики (типологическая характеристика): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1969.
29. Тельпов Р.Е. Особенности языка и стиля прозы братьев Стругацких: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
30. Тимошенко Т.В. Феномен времени в научной фантастике // Изучение времени: концепции, модели, подходы, гипотезы и идеи: сб. науч. тр. / под ред. В.С. Чуракова. Шахты, 2005. С. 47–53.
31. Фрумкин К.Г. Философия и психология фантастики. М., 2004.
32. Цветков Е.В. Научная фантастика как способ конструирования социальной реальности (социально-философские аспекты): автореф. дис. ... канд. фил. наук. Архангельск, 2009.
33. Черепанова Н.В. Путешествие как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Томск, 2006.
34. Шадрина М.Г. Эволюция языка «путешествий»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
35. Шачкова В.А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестн. Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 3. С. 277–281.
36. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чужак»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2005.

* * *

1. Asadullaeva A.V. Istoricheskij kriminal'nyj lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij pirat»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2011.
2. Belkova Yu.V. Sistemnye i associativnye harakteristiki semanticheskogo polya «puteshestvie» (na materiale francuzskogo yazyka): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Yaroslavl', 2011.
3. Bobrova E.A. Opyt lingvisticheskogo issledovaniya koncepta «puteshestvie» v angloyazychnoj kul'ture: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2006.
4. Bochkova O.S. Kategorii modal'nosti, prostranstva i vremeni v zhanre nauchnoj fantastiki (na materiale rusko- i angloyazychnyh tekstov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saratov, 2006.
5. Valyajbob A.V. Lingvokul'turnyj tipazh «amerikanskij pervoprohodec»: simvolicheskie harakteristiki: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2013.
6. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie / per. s angl. M., 1996.
7. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. V poiskah novyh putej razvitiya lingvostranovedeniya: koncepciya rechapovedencheskih taktik. M., 1999.
8. Veselovskij A.N. Istoricheskaya poetika / red., vstup. st. i prim. V.M. Zhirmunskogo. L., 1940.
9. Vorkachev S.G. Chto est' chelovek i chto pol'za ego: ideya smysla zhizni v lingvokul'ture. Volgograd, 2011.
10. Vorkachev S.G. Voploshchenie smysla: conceptualia selecta: monogr. Volgograd, 2014.
11. Gulyaeva E.V. Lingvokul'turnyj tipazh «amerikanskij advokat»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2009.
12. Dement'ev V.V. Rechezhanrovyje kommunikativnye cennosti v novyh i novejsih sferah ruskoj rechi. Saratov, 2016.

13. Dmitrieva O.A. Lingvokul'turnye tipazhi Rossii i Francii XIX veka: monogr. Volgograd, 2007.
14. Donec P.N. K voprosu ob issledovatel'skoj edinice mezhkul'turnoj kommunikacii // Vopr. yazykoznanija. 2004. № 6. S. 93–99.
15. Katolin L.N. Kiberneticheskoe puteshestvie. M., 1967.
16. Karasik V.I. Yazykovaya spiral': cennosti, znaki, motivy. M., 2019.
17. Krasavskij N.A. Emocional'nye koncepty v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: monogr. M., 2008.
18. Lyu Czyuan'. Koncept «puteshestvie» v kitajskoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004.
19. Moskvina V.P. Vyrazitel'nye sredstva sovremennoj russkoj rechi. Tropy i figury. Terminologicheskij slovar'. Rostov n/D., 2007.
20. Neelov E.M. Volshebno-skazochnye korni nauchnoj fantastiki. L., 1986.
21. Olyanich A.V., Ryl'shchikova L.M. Lingvosemioticheskaya kreativnost' v prostranstve nauchnoj fantastiki: prolegomeny k opredeleniyu // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie. 2016. T. 15. № 4. S. 237–244.
22. Savickij V.M. Etnospecifika kul'turnyh kodov // Etnicheskaya kul'tura. 2020. № 3(4). S. 40–44.
23. Silant'ev I.V. Syuzhetologicheskie issledovaniya. M., 2009.
24. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty i metakoncepty: monogr. Volgograd, 2004.
25. Starodubceva E.A. Lingvo-kognitivnoe modelirovanie kul'turnyh skhem «Puteshestvie» / «Travel»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kursk, 2008.
26. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. M., 1997.
27. Sternin I.A. Opisanie koncepta v lingvokonceptologii // Lingvokonceptologiya / nauch. red. I.A. Sternin. Voronezh, 2008. Vyp. 1. S. 8–20.
28. Tamarchenko E.D. Social'no-filosofskij zhanr sovremennoj nauchnoj fantastiki (tipologicheskaya charakteristika): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Doneck, 1969.
29. Tel'pov R.E. Osobennosti yazyka i stilya prozy brat'ev Strugackih: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2008.
30. Timoshenko T.V. Fenomen vremeni v nauchnoj fantastike // Izuchenie vremeni: koncepcii, modeli, podhody, gipotezy i idei: sb. nauch. tr. / pod red. V.S. Churakova. Shahty, 2005. S. 47–53.
31. Frumkin K.G. Filosofiya i psihologiya fantastiki. M., 2004.
32. Cvetkov E.V. Nauchnaya fantastika kak sposob konstruirovaniya social'noj real'nosti (social'no-filosofskie aspekty): avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. Arhangel'sk, 2009.
33. Cherepanova N.V. Puteshestvie kak fenomen kul'tury: avtoref. dis. ... kand. fil. nauk. Tomsk, 2006.
34. Shadrina M.G. Evolyuciya yazyka «puteshestvij»: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2003.
35. Shachkova V.A. «Puteshestvie» kak zhanr hudozhestvennoj literatury: voprosy teorii // Vestn. Nizhegor. un-ta im. N.I. Lobachevskogo. 2008. № 3. S. 277–281.
36. Yarmahova E.A. Lingvokul'turnyj tipazh «anglijskij chudak»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2005.



Subject plot symbolism of the narrative about a voyage to the past

The paper deals with a subject plot treated as an object of language and culture studies on the material of a narrative “A voyage to the past”. This plot is often used in science fiction to critically analyze the present situation. Several types of such voyages have been singled out. They may be contrasted according to their objective (a research expedition, a recreational journey, a recovery of the ideal, a punitive campaign), controllability (a deliberate or accidental entering a different epoch), connection with actual reality (a complete or partial penetration into another world).

Key words: *language and culture studies, subject plot, value, symbol, voyage to the past.*

А.А. ДЬЯКОВА
Волгоград

СУГГЕСТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦИТИРОВАНИЯ ТЕКСТА ЗАКОНА
В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

Рассматривается суггестивный потенциал различных приемов цитирования как вида вторичной репрезентации текста закона в массмедийном дискурсе. Установлено, что способность воздействовать на эмоционально-оценочное восприятие содержания текста-оригинала адресатом реализуется путем сочетания цитирования и комментария.



Ключевые слова: *суггестивность, речевое воздействие, цитирование, комментарий, закон, массмедийный дискурс.*

Изучение суггестии как вида воздействия и суггестивности как качества речевых произведений (текстов) вызывает большой интерес у ученых (И.А. Авдеенко, В.М. Бехтерев, В.В. Вундт, Н.В. Гончаренко, О.С. Иссерс, М.Л. Линецкий, Б.Д. Парыгин, К.И. Платонов, Б.Ф. Поршнев, Ф. Прель, Б. Сидис, Е.Г. Толкунова, В.А. Часов, И.Ю. Черепанова, Е.В. Шелестюк и др.).

Суггестия (от лат. *suggestio* – «намеки, внушение») – собирательный термин, которым обозначаются различные формы эмоционально окрашенного вербального (словесного) и невербального воздействия на человека с целью создания у него определенного состояния (в том числе побуждения к определенным действиям) [12]. Это понятие является междисциплинарным, оно используется в психологии, философии и лингвистике. Суггестия представляет собой воздействие, которое в большинстве случаев не замечается теми, кто ему подвергается.

Суггестивность (англ. *suggestive* – «наводящий на размышления») – понятие лингвистическое, оно означает качество текста, которое предполагает внушение адресату определенного эмоционально-оценочного отношения к предмету речи. Суггестивность текста подразумевает те формальные, структурные и семантические характеристики его компонентов, которые воздействуют на подсознание читателя посредством активизации эмоций, образных, тематических, ритмических, звуковых ассоциаций, пробуждения бессознательных установок и образов [18, с. 171].

На суггестии основано речевое воздействие манипулятивного типа [5, с. 152]. Существуют универсальные суггестивные тексты, с давних пор бытующие во всех национальных культурах. К ним относят заговоры, молитвы, заклинания, мантры и т. п., т. е. особым образом сконструированные краткие тексты с четким ритмом, имеющие отношение к магической обрядности или религиозному сознанию. В таких текстах направленность на убеждение или внушение является обязательным требованием жанра.

Однако в той или иной степени суггестия имеет место и в текстах иных жанров, реализующих манипулятивную функцию. Манипулирование адресатом с помощью таких текстов потенциально, успешность реализации цели адресанта зависит не только от выбора способа построения текста и используемых в нем языковых средств (или средств регулятивности) [4, с. 81–84; 6, с. 97–100; 7, с. 127–130; 8, с. 165–166], но и от характера адресата, его склонности критически оценивать сообщаемое, способности осуществлять контрсуггестию [2, с. 129; 7, с. 131; 8, с. 166–167; 10, с. 86]. По словам И.Ю. Черепановой, познав суггестивные законы языка, его носитель сможет научиться защищаться от воздействия, управлять своим состоянием [16, с. 8]. Осуществление контрсугге-

сти предполагает высокую степень рефлексии носителя языка, анализ и рациональную оценку получаемой информации.

Поскольку процесс познания всегда субъективен, рациональное восприятие информации сопровождается эмоциональным. В психике человека *emotio* и *ratio* неразрывно связаны [17]. Эмоциональная реакция накладывает отпечаток на осмысление содержания текста. Процесс эмоционального заражения является автоматическим, неинтенциональным и неуправляемым. Поэтому в широком смысле *суггестивным* признается любой текст, оказывающий на читателя эмоциональное воздействие, заставляющий сопереживать или размышлять об идеях, предложенных автором. Таким образом, суггестивный текст, вызывая у читателя определенные эмоции, способен внушать ему определенные идеи. И чем выше эмотивный потенциал текста, тем сильнее его воздействие на читательскую аудиторию.

В связи с этим важной задачей автора текста манипулятивного типа становится обеспечение аффективной эмпатии, при которой восприятие эмоционального состояния субъекта речи вызывает у адресата идентичное эмоциональное состояние. При этом цитирование как манипулятивная тактика обеспечивает «рациональную» поддержку, поскольку в массовом сознании укрепилось представление о нем как об одном из наиболее авторитетных, вызывающих доверие способов доказательства. По этой причине цитирование является одним из наиболее убедительных способов аргументации.

Целью настоящей статьи стало выявление приемов цитирования, используемых в качестве средства суггестивного воздействия при вторичной репрезентации текстов законов в дискурсе массмедиа. В качестве материала исследования мы использовали тексты медийного дискурса в жанрах информационной заметки и информационной статьи, представляющие собой варианты вторичной репрезентации исходных текстов юридического дискурса, не обладающих суггестивностью. Для того чтобы наглядно показать принципы использования цитирования как средства суггестивности, мы провели сопоставительный анализ текстов, созданных на основе широко обсуждавшегося в СМИ законопроекта № 955380-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции”». Оригинальный текст законопроекта был представлен на сайте Системы обеспечения законодательной деятельности [11]. Суггестивность многочисленных вторичных вариантов его воспроизведения отражает неоднозначное отношение к исходному тексту и демонстрирует два вектора его интерпретации: нейтральный либо негативный. В текстах первого типа цитирование не обладает суггестивностью, поскольку представляет собой совокупность выдержек из текста-оригинала (не всегда с использованием кавычек как маркера цитаты) или косвенное цитирование путем пересказа с сохранением основных текстообразующих концептов исходного текста. Такие тексты не входят в предмет описания в данной статье.

Моделируя эмоционально-оценочное восприятие содержания текста-оригинала, авторы вторичных текстов второго типа представляют его как имеющее негативное значение для жизни общества. По нашим наблюдениям, для реализации интенции воздействия авторы вторичных текстов могут применять разнообразные приемы цитирования. Однако все они имеют общий признак – наличие комментария. Это объясняется тем, что без соответствующего контекстуального окружения прямое цитирование сохраняло бы эмотивную тональность текста-оригинала (нейтральную), в то время как сочетание цитирования как способа рационально-логической аргументации и оценочного комментария создает эффект синергии, основанный на синтезе таких видов речевого воздействия, как убеждение и внушение. Как отмечает А.М. Цуладзе, «при умелом обращении цитата, вырванная из контекста и сопровождаемая требуемым автору комментарием, может быть истолкована совершенно произвольно» [15, с. 73]. Приведенное замечание исследователя сделано по поводу политического дискурса, однако оказывается справедливым и для массмедийного дискурса.

Итак, на основе анализа текстового материала (орфография и пунктуация текстов, приводимых ниже в качестве примеров, сохранены) мы выявили следующие приемы цитирования текста, обладающие суггестивным потенциалом.

1. Сопровождение точной цитаты комментарием, моделирующим эмоционально-оценочное восприятие цитируемого фрагмента адресатом: *Но вот среди здравых причин, по которым полиция может вскрыть автомобиль самовольно, есть и весьма примечательная: предлагается, что полиция сможет вскрывать автомобиль «для задержания лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступления (или граждан, на которых потерпевшие или очевидцы указывают как на совершивших преступление), для пресечения преступления».* Формулировка – просто блестящая. Скажем, вы не так припарковались, кто-то недоволен. Он звонит в 102 и сообщает, что он видел в вашем автомобиле что-то подозрительное... И все, автомобиль вскрывают. Или просто у вас есть враги, которые позвонят в полицию и сообщат ложные сведения. Так как санкции суда не нужно, разрешения прокурора тоже, которые могли бы проверить доказательную базу и обоснованность таких обвинений, то приезжает наряд полиции и вскрывает автомобиль – так получается, исходя из этой формулировки (URL: <https://zen.yandex.ru/media/tochkazzreniya/gosduma-rassmotrit-nashumevshii-zakon-o-rasshirenii-polnomochii-policii-5ebc93e9cb9468454715c592>).

В данном примере цитата окружена контекстом, в котором активно употребляются слова с эмоционально-оценочными (в основном отрицательными) коннотациями («здравых», «самовольно», «примечательная», «блестящая», «недоволен», «подозрительное» и т. д.). Использование эмотивной лексики направлено на то, чтобы вызвать у адресата чувства, связанные с потребностью каждого человека в защищенности его имущества. В таком контексте прилагательное «блестящий», с помощью которого характеризуется цитируемая формулировка закона, воспринимается как негативно окрашенное. Данная оценка закрепляется с помощью тактики вызова негативных ассоциаций путем создания образа-ситуации в последующем комментарии.

2. Фрагментарное цитирование. Данный прием состоит в использовании какой-либо части цитаты, отдельных цитатных вкраплений в основной текст [1, с. 35], например: *Законопроект предусматривает право полицейского «с обнаженным огнестрельным оружием» применить его при задержании, если преследуемое лицо попытается не только прикоснуться к оружию, но и «совершить иные действия, дающие основания расценить их как угрозу нападения на сотрудника полиции»* (URL: <https://www.interfax.ru/russia/705418>).

Подобное цитирование предоставляет автору массмедийного текста свободу в комбинировании цитатных вкраплений, обеспечивающем нужное направление интерпретации содержания исходного текста адресатом. Отметим, что в массмедийном дискурсе цитатные вкрапления отнюдь не всегда содержат имена текстообразующих концептов текста-оригинала; в связи с этим при вторичной репрезентации содержания текста-оригинала, осуществляемой с помощью фрагментарного цитирования, смысловые доминанты текста могут быть смещены: *Например, сейчас личный досмотр проводится «при наличии данных» о том, что граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, наркотики и т. д. (п. 16 ст. 13 Закона). В скором времени вас могут раздеть, если у полиции возникнут лишь «основания полагать» что-то нехорошее* (URL: <https://moe-online.ru/opinion/14961>).

Помимо смещения смысловых доминант в данном примере мы можем наблюдать реализацию тактики предвосхищения событий (другое ее название – «намеренное опережение событий») с использованием дейктического актуализатора – личного местоимения «вы», указывающего на адресата. В результате читателям внушается мысль о том, что негативные последствия принятия законопроекта в будущем могут коснуться каждого из них.

Фрагментарное цитирование является частотным приемом в текстах воздействующего типа, однако, как было отмечено выше, для усиления прагматического эффекта оно используется обычно вместе с комментарием, например: *В нынешней редакции закона полиция без каких-либо оговорок обязана «оформлять документы о дорожно-транспортном происшествии», в предлагаемой – лишь «в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации». А исключений таких теперь много. Очевидно, что права автомобилистов урезаны* (URL: <https://moe-online.ru/opinion/14961>).

Формирование негативной оценочной реакции в данном примере обеспечивается тем, что в подытоживающей фразе комментария используется сочетание слов «права» и «урезаны» и вводного слова «очевидно», обозначающего максимальную степень уверенности в сообщаемом. Вывод о том, что автомобилисты могут утратить некоторые права, делается на основе цитатного вкрапления «в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации», которое предваряется модальной частицей «лишь», вносящей в контекст оттенок ограничения.

Или другой пример: *Первое, на что необходимо обратить внимание – это предложение дополнить закон нормой о том, что «сотрудник полиции не подлежит преследованию за действия, совершенные при выполнении обязанностей, возложенных на полицию, и в связи с реализацией прав, предоставленных полиции». Фактически – это заранее выписанная полиции индульгенция. Если закон будет принят, добиться наказания сотрудника полиции, например за жестокое избивание участников протестных акций, будет практически невозможно* (URL: <https://advokat-rostovdon.ru/izmenenija-v-zakon-o-policii/>).

В приведенном примере реализуется тактика апеллирования к витальным ценностям (жизнь, здоровье, безопасность). Кроме того, комментарий к цитате направлен на активацию в сознании массовой аудитории негативных ассоциаций, связанных с концептом «индульгенция».

3. Усечение цитаты, которое заключается в сокращении цитаты в каком-либо месте, неполное представление цитируемого фрагмента. Как и предыдущие приемы, усечение цитаты, как правило, сопровождается комментарием: *В ее пункте 2 слова «проверять документы» предлагается заменить словами: «требовать от граждан в случае их обращения назвать свои фамилию, имя и отчество, проверять документы (...), принимать меры по идентификации указанных лиц». Иначе говоря, если это положение пройдет, то теперь к сотруднику полиции без паспорта подходить не имеет смысла* (URL: <https://lenta.ru/articles/2020/04/23/newpolice/>).

В данном случае подытоживающий комментарий о том, что гражданин, не имеющий при себе паспорта, не сможет при необходимости обратиться к сотруднику полиции, некорректен. Обращение к исходному тексту законопроекта «О внесении изменений в Федеральный закон “О полиции”» и соотнесение его с текстом действующего закона показывает, что формулировка п. 2 ч. 1 ст. 13, определяющей права полиции, начинающаяся со слов «проверять документы» («2) *проверять документы, удостоверяющие личность граждан, если имеются данные, дающие основания подозревать их в совершении преступления или полагать, что они находятся в розыске, либо если имеется повод к возбуждению в отношении этих граждан дела об административном правонарушении, а равно если имеются основания для их задержания в случаях, предусмотренных федеральным законом; проверять у граждан, должностных лиц, общественных объединений и организаций разрешения (лицензии) и иные документы на совершение определенных действий или на осуществление определенного вида деятельности, контроль (надзор) за которыми возложен на полицию в соответствии с законодательством Российской Федерации*» [14]), на самом деле дополняется фразой «требовать от граждан в случае их обращения назвать свои фамилию, имя и отчество», кото-

рая должна быть размещена перед текстом действующей формулировки. Соответственно, в итоговой формулировке предлагается закрепить право сотрудника полиции требовать от обратившихся к нему граждан представиться («назвать свои фамилию, имя и отчество»), а не предъявить документы, удостоверяющие личность.

Другой пример: *Вот как это видят авторы законопроекта: «Полиция имеет право проводить оцепления (блокирование) территорий, жилых помещений, строений и других объектов по решению руководителя территориального органа или лица, его замещающего. (...) В границах оцепления (блокирования) полиция может осуществлять личный осмотр граждан, находящихся при них вещей (предметов, механизмов, веществ), осмотр транспортных средств, и перевозимых грузов...» Проще говоря, любой начальник отдела полиции может своей властью оцепить любую территорию, от площади до рынка или лесного массива, и буквально раздеть догола любого находящегося внутри человека (или разобрать до винтика автомобиль)* (URL: <https://advokat-rostovdon.ru/izmeneniya-v-zakon-o-policii/>).

Приведенный контекст создает в сознании массового адресата образ ситуации произвола полиции при проведении оцепления («своей властью», «буквально раздеть догола», «разобрать до винтика автомобиль») и демонстрирует реализацию ряда манипулятивных тактик: 1) обобщение с помощью повторения местоимения «любой» («любой начальник отдела полиции», «любая территория», «любой находящийся внутри человек»); 2) создание комплексной эквивалентности с помощью вводного словосочетания «проще говоря»; 3) умолчание о конкретных, указанных в законе условиях, при которых проводятся оцепление и осмотр граждан, транспортных средств, перевозимых грузов. В результате у адресата возникает ощущение социальной несправедливости, которая может быть закреплена законодательно.

Итак, цитирование в массмедийном дискурсе нередко используется в качестве средства воздействия, способного моделировать эмоционально-оценочное восприятие текста закона и обеспечивать коммуникативно-прагматический эффект, который послужит адресату стимулом и ориентиром для дальнейших действий. Однако говорить о суггестивном потенциале цитирования можно только при условии сопровождения цитаты комментарием, создающим контекст для ее восприятия и определяющим направление интерпретации. Суггестивный потенциал цитирования имеет шанс на реализацию в том случае, если адресат не настолько заинтересован в овладении содержанием текста оригинала, чтобы ознакомиться с ним для проверки корректности цитирования.

Представленное в настоящей статье описание приемов цитирования с целью суггестивного воздействия не претендует на полноту и завершенность. Набор таких приемов определяется жанром вторичного текста, дискурсивными условиями его функционирования, варьирующимися параметрами коммуникации. Комплексное исследование суггестивности при вторичной репрезентации социально значимых текстов имеет важное практическое значение и требует разноаспектного изучения широкого спектра вторичных текстов.

Список литературы

1. Варченко В.В. Цитатная речь в медиатексте. М., 2007.
2. Волкова Я.А., Панченко Н.Н. Новостной текст: жанровое перевоплощение // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2021. Т. 20. № 2. С. 121–132.
3. Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М., 2000.
4. Дьякова А.А. Основные характеристики функциональных типов текстов юридического дискурса, адаптированных к условиям медийного дискурса // Lingua Mobilis. 2011. № 6(32). С. 79–86.
5. Дьякова А.А. Преобразование информации в адаптированных текстах воздействующего типа // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 4(137). С. 152–156.

6. Дьякова А.А. Регулятивность текстов законов, адаптированных к условиям медийного дискурса [Электронный ресурс] // Грани познания. 2015. № 1(35). С. 95–100. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1423837751.pdf> (дата обращения: 02.05.2022).
7. Дьякова А.А. Средства реализации категории суггестивности при вторичной репрезентации содержания текста // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2020. № 7(150). С. 125–131.
8. Ионова С.В. Текстовое пространство СМИ: теоретические и эмпирические аспекты исследования // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 2: Языкознание. 2012. № 1(15). С. 163–168.
9. Копнина Г.А. Речевое манипулирование. М., 2008.
10. Пригарина Н.К. Способы манипулятивного воздействия в судебной защитительной речи // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: IX Междунар. науч.-практ. конф.: сб. ст. / ред. кол. И.С. Бессарабова, Е.В. Гуляева, И.С. Никитина, Н.И. Сеткова. Волгоград, 2015. Т. 9. С. 82–86.
11. О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции»: проект Федерального закона № 955380-7 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/955380-7> (дата обращения: 28.09.2022).
12. Суггестия [Электронный ресурс] // Энциклопедия практической психологии. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/suggestiya> (дата обращения: 10.10.2022).
13. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры // Динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX в. СПб., 2002.
14. О полиции: федер. закон Рос. Федерации от 7 февр. 2011 г. № 3 [Электронный ресурс]: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 28 янв. 2011 г.: одобрен Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 2 февр. 2011 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 28.09.2022).
15. Цуладзе А.М. Политические манипуляции, или Покорение толпы. М., 1999.
16. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М., 1999.
17. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. Волгоград, 2008.
18. Шелестюк Е.В. Текстовые категории аргументативности, суггестивности и императивности как отражение способов речевого воздействия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2008. № 30. С. 170–175.

* * *

1. Varchenko V.V. Citatnaya rech' v mediatekste. М., 2007.
2. Volkova Ya.A., Panchenko N.N. Novostnoj tekst: zhanrovое perevoploshchenie // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie. 2021. T. 20. S. 121–132.
3. Docenko E.L. Psihologiya manipulyacii: fenomeny, mekhanizmy i zashchita. М., 2000.
4. D'yakova A.A. Osnovnye harakteristiki funkcional'nyh tipov tekstov yuridicheskogo diskursa, adaptirovannyh k usloviyam medijnogo diskursa // Lingua Mobilis. 2011. № 6(32). S. 79–86.
5. D'yakova A.A. Preobrazovanie informacii v adaptirovannyh tekstah vozdeystvuyushchego tipa // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2019. № 4(137). S. 152–156.
6. D'yakova A.A. Regul'yativnost' tekstov zakonov, adaptirovannyh k usloviyam medijnogo diskursa [Elektronnyj resurs] // Grani poznaniya. 2015. № 1(35). S. 95–100. URL: <http://grani.vspu.ru/files/publics/1423837751.pdf> (data obrashcheniya: 02.05.2022).
7. D'yakova A.A. Sredstva realizacii kategorii suggestivnosti pri vtorichnoj reprezentacii so-dержaniya teksta // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2020. № 7(150). S. 125–131.
8. Ionova S.V. Tekstovoe prostranstvo SMI: teoreticheskie i empiricheskie aspekty issledovaniya // Vestn. Volgogr. gos. un-ta. Ser. 2: Yazykoznanie. 2012. № 1(15). S. 163–168.
9. Kopnina G.A. Rechevoe manipulyrovaniye. М., 2008.
10. Prigarina N.K. Sposoby manipulyativnogo vozdeystviya v sudebnoj zashchitel'noj rechi // Menyayushchayasya kommunikaciya v menyayushchemsya mire: IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: sb. st. / red. kol. I.S. Bessarabova, E.V. Gulyaeva, I.S. Nikitina, N.I. Setkova. Volgograd, 2015. T. 9. S. 82–86.
11. O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon «O policii»: proekt Federal'nogo zakona № 955380-7 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/955380-7> (data obrashcheniya: 28.09.2022).
12. Suggestiya [Elektronnyj resurs] // Enciklopediya prakticheskoy psihologii. URL: <https://www.psychologos.ru/articles/view/suggestiya> (data obrashcheniya: 10.10.2022).

13. Smetanina S.I. Media-tekst v sisteme kul'tury // Dinamicheskie processy v yazyke i stile zhurnalistiki konca XX v. SPb., 2002.
14. O policii: feder. zakon Ros. Federacii ot 7 fevr. 2011 g. № 3 [Elektronnyj resurs]: prinyat Gos. Dumoj Feder. Sobr. Ros. Federacii 28 yanv. 2011 g.: odobren Sovetom Federacii Feder. Sobr. Ros. Federacii 2 fevr. 2011 g. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (data obrashcheniya: 28.09.2022).
15. Culadze A.M. Politicheskie manipulyacii, ili Pokorenie tolpy. M., 1999.
16. Cherepanova I.Yu. Dom koldun'i. Yazyk tvorcheskogo Bessoznatel'nogo. M., 1999.
17. Shahovskij V.I. Lingvisticheskaya teoriya emocij. Volgograd, 2008.
18. Shelestyuk E.V. Tekstovye kategorii argumentativnosti, suggestivnosti i imperativnosti kak otrazhenie sposobov rechevogo vozdejstviya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2008. № 30. S. 170–175.

Suggestive potential of citation of law text in mass media discourse

The article deals with the suggestive potential of the various citation techniques as the type of the secondary representation of the text of the law in the mass media discourse. It is established that the ability to influence the emotional and evaluative perception of the content of the original text by the addressee is realized by the combination of citation and commentary.

Key words: *suggestion, speech impact, citation, commentary, law, mass media discourse.*

Я.А. ВОЛКОВА, А.Р. ПТУКЯН
Москва

РЕЧЕВАЯ ИНТЕНЦИЯ КАК БАЗОВЫЙ ПАРАМЕТР ДЕСТРУКТИВНОГО ТЕКСТА

Рассматривается речевая интенция как один из важнейших параметров деструктивного текста. На примере четырех моделей интенции Р. Гиббса анализируются понятие речевой интенции и ее роль в процессе коммуникации. Показывается, что интенция реализуется в содержательных элементах текста. На примере русскоязычных медийных текстов анализируется содержательный компонент деструктивной интенции, выявляются средства ее языковой реализации.

Ключевые слова: *речевая интенция, деструктивность, деструктивный текст, параметры текста.*

В последние десятилетия существенно расширилась сфера деструктивного общения, под которым понимается «тип общения, направленного на сознательное преднамеренное причинение собеседнику морального и физического вреда и характеризуемого чувством удовлетворения от страданий жертвы и сознанием собственной правоты» [4, с. 33]. Однако противоречивая природа человека находит выражение не только в его действиях, включая действия коммуникативные, но и в текстах, ибо именно тексты являются языковой проекцией любой человеческой деятельности. Представляется очевидным, что возрастающая частота использования деструктивных стратегий и тактик в устной коммуникации не могла не отразиться на характере коммуникации письменной.

В последние месяцы на фоне нарастающей политической и социальной напряженности происходит усиление деструктивности текстов, в особенности медийных. Создается впечатление, что все то, что десятилетиями считалось неправильным, неприличным и непристойным в медийном дискурсе, сейчас стало приемлемым и заменило собой привычные коммуникативные нормы. Можно сказать, что деструктивный текст оформился в особый вид медийного текста, что, в свою очередь, требует его параметризации и детального изучения.

При изучении деструктивного общения ранее нами были выделены пять параметров, позволяющих описать ситуацию деструктивного общения в дискурсе: интенциональный, эмоциональный, ситуативный, прагматический и оценочный [4]. Представляется, что прагматический и оценочный аспекты проблематично выявить применительно к тексту, т. к. требуется как минимум поиск текстов обратной связи и анализ контекстов рефлексии (в том числе и количественный). Однако интенциональный параметр – важнейший параметр деструктивного общения – останется таковым и при анализе текстов. Деструктивная интенция лежит в основе любого деструктивного текста, определяет его содержательный компонент и языковое наполнение. Таким образом, задачей настоящей статьи является рассмотрение речевой интенции как базового понятия деструктивного текста на примере медийных текстов.

Для анализа роли интенции в процессе коммуникации важно понять, как формируется речевое высказывание. Рассмотрим это на примере модели речевого высказывания, сформулированной А.А. Леонтьевым, которая включает пять этапов [8, с. 71]:

- 1) мотивационно-прагматический этап (источником речевого высказывания является непосредственно мотив или намерение);
- 2) этап замысла (формируется смысловая схема высказывания, определяется, что нужно сказать);
- 3) этап внутреннего программирования (осуществляется структурирование внешней и внутренней форм высказывания);
- 4) лексико-грамматический этап (происходит языковое оформление мысли);
- 5) этап реализации высказывания (осуществляется произношение или его графическая актуализация).

Таким образом, интенция находится у истоков любого речевого высказывания и является ключевым этапом любого общения. Для построения правильного хода общения важно правильно понять намерение говорящего, т. к. прямое значение слов не всегда очевидно. Ключевое различие между словом и его интерпретацией заключается в том, что слово часто очень тонко выражает значение. Поэтому важно убедиться, что перифразировка этого значения точна [3, с. 16]. Именно определение точного смысла выражения необходимо для правильного понимания собеседника.

Интенция соотносится с целью, которую говорящий стремится достичь с помощью языковых средств. Обычно выражение интенции в процессе коммуникации организуется таким образом, чтобы они были понятны слушающему. Понятность для слушающего интенции говорящего является целью говорящего, и он использует такие известные ему языковые средства, которые, по его предположению, дадут желаемый результат. Коммуникативная стратегия речи предполагает выделение фактов и их изложение в определенной последовательности. Это вынуждает говорящего адекватно организовать речь, определяет выбор и использование языковых средств. Интенция возникает на основе личных потребностей говорящего и реализуется теми средствами, которые наиболее подходят для данной ситуации. Говорящий в процессе своего высказывания трижды демонстрирует свое намерение [5, с. 102]:

- 1) он стремится вызвать у собеседника определенную реакцию;
- 2) говорящий хочет, чтобы собеседник понял его намерения;
- 3) он хочет, чтобы это намерение стало основой для ответа собеседника.

Таким образом, важно понимать, что постановка цели и интенция взаимосвязаны. При этом мотив всегда остается главным элементом в порождении высказывания. Следовательно, обнаруживается некий внутренний мотиватор, который отражается в сознании говорящего [7, с. 130]. Необходимо подчеркнуть, что интенция скрыта или замаскирована так, чтобы реципиент не мог распознать истинный мотив говорящего. Таким образом, за лестью может скрываться желание добиться лояльности, а за упреком – деструктивная интенция. Однако только раскрывая интенцию собеседника, можно добиться взаимопонимания.

Очень важно различать запланированные действия и запланированный результат. Запланированный результат – это состояния и события, желаемые и предпочитаемые говорящим, а запланированные действия связаны с определенными процессами, находящимися в пределах возможностей говорящего [1, с. 45]. Рассмотрим четыре модели интенции, выделенные Р. Гиббсом [9].

1. Кодовая модель общения. Это языковая коммуникация в форме обмена идеями посредством кода. Кратко кодовая модель может быть описана следующим образом: роли участников – отправитель и получатель, сообщение содержит информацию об определенном событии или «мысль» говорящего, которую он намеренно доносит до слушателя; у них обоих есть код (знаковая система языка), который условно соотносится со звуками и значениями языка. Согласно этой модели, интенция не является частью процесса кодирования и декодирования и, следовательно, не может рассматриваться в рамках кодовой модели общения.

2. Простая модель интенциональности. В данной модели проявляется интенция обоих коммуникантов. Однако каждый участник общения выражает свои намерения и имеет свою индивидуальную картину мира, которую он использует в качестве концептуальной основы, а в диалоге мнения и намерения коммуникантов независимы друг от друга. Другой причиной нарушения корректного общения может быть незаинтересованность или невовлеченность участников коммуникации в общение [2, с. 48]. Важно подчеркнуть, что такая модель предполагает невозможность сотрудничества в диалоге.

3. Модель перспективного заимствования. Согласно этой модели, говорящий осознает мировоззрение и интенцию собеседника. Эта модель предполагает интерактивность в диалоге и определенное уважение к мнению собеседника. Однако говорящий не раскрывает слушателю собственную интенцию, а лишь подстраивается под собеседника. Кроме того, выбор одним из участников общения данной модели предполагает невозможность использования данной модели собеседником.

4. Диалогическая модель. Эта интенциональная модель подразумевается не как нечто, навязываемое в процессе диалога, а как определенное соглашение, которое создается в процессе этого диалога. Имеется в виду некоторый консенсус, достигнутый в процессе общения. Таким образом, изначально участники имеют свою собственную интенцию, а к концу диалога приходят к общему знаменателю. Эта модель также предполагает интерактивность и уважение в диалоге. При этом грань между уступкой и компромиссом неочевидна, что может повлиять на дальнейший ход коммуникации.

Анализ подхода Р. Гиббса позволяет сделать вывод, что любая из предложенных им моделей интенции предполагает определенный характер поведения коммуникантов в процессе общения. При этом необходимо понимать, что любое проявление интенции в первую очередь связано с самим субъектом, т. к. именно желание добиться чего-то посредством общения является тем мотивом, который подталкивает к началу этого общения. Описанные модели условны, однако важно отметить, что участники общения не всегда строго придерживаются одной и той же ранее выбранной интенциональной модели. Учитывая сложный характер языков, культур и народов, а также все многообразие условий различных коммуникативных ситуаций, встречающихся в языке, вряд ли возможно определить единственную универсальную и общепринятую модель, которая по-

дошла бы к любому стечению обстоятельств. Более правдоподобной была бы гипотеза о сочетании разных типов интенции, образующих определенную схему, которую можно было бы распространить на разные типы взаимодействия людей в возникающих ситуациях. Таким образом, в зависимости от обстоятельств участники коммуникации выбирают определенную коммуникативную стратегию, которая позволит в полной мере реализовать исходную интенцию сообщения.

Модели Р. Гиббса также позволяют увидеть, что интенция не является неким ментальным действием, оторванным от реальности. Она реализуется в содержательных элементах сообщения или текста, при этом с точки зрения выражения речевой интенции возможности устного сообщения значительно шире, чем возможности письменного текста. Например, просодические компоненты коммуникации, в частности интонация, способны придавать высказыванию значения, отличные от тех, которые выражены лексическими компонентами данного высказывания. Такую же роль в оценке речевой интенции играют и невербальные компоненты коммуникации, которые гораздо точнее и быстрее передают эмоциональное и «интенциональное» состояние говорящего. Однако в письменных текстах читателям приходится полагаться на содержательные компоненты текста для обнаружения авторских интенций, что, с одной стороны, упрощает их интерпретацию (например, если г-н Мединский называет преподавателей факультета журналистики «тварями», то трудно ошибиться в оценке его речевой интенции как деструктивной) (URL: <https://govoritmoskva.ru/news/336974/>). С другой стороны, у интерпретатора всегда есть возможность оправдать использование оскорбительной лексики благородными интенциями или тем, что фраза была «вырвана из контекста». Например, ныне бывший посол Украины в ФРГ А. Мельник в мае 2022 г. назвал канцлера ФРГ О. Шольца “eine beleidigte Leberwurst” («обиженной печеночной / ливерной колбасой») за то, что тот заявил, что не поедет в Киев после того, как там отказались принять федерального президента Франка-Вальтера Штайнмайера (URL: <https://ria.ru/20220503/ukraina-1786617745.html>; <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/ukraine-krieg-botschafter-andrij-melnyk-nennt-kanzler-olaf-scholz-beleidigte-leberwurst-a-e8ad90fa-2184-47f2-8e4f-cb050457199c>). Идиома “eine beleidigte Leberwurst” трактуется в немецком языке следующим образом: “umgangssprachlich: aus nichtigem Anlass beleidigt tun, schmollen” (URL: <https://www.duden.de/rechtschreibung/Leberwurst>). С учетом народной этимологии данного выражения, которая связана со сказкой о лопнувшей от обиды в котле у мясника печеночной колбасе, оно может быть истолковано как оскорбительное, учитывая политический и социальный статус адресата высказывания. Однако, несмотря на то, что мировые СМИ достаточно однозначно оценили данный текст как оскорбительный, сам О. Шольц призвал «не придавать такое большое значение каждому слову», обосновав это необходимостью сосредоточиться на помощи Украине (URL: <https://ria.ru/20220515/ukraina-1788659003.html>). Таким образом, деструктивное воздействие данного текста было нивелировано самим адресатом.

С точки зрения контекста интерес представляет анализ речевых интенций в текстах твитов. Твиттинг как относительно новый жанр медийного дискурса отличают «выраженная адресность, контекстность, ситуативность, интерактивность, лаконичность, гибридность, конвергентность» [6]. Твит реализуется в широком вертикальном контексте и узком языковом контексте, что позволяет снять с интерпретатора возможный упрек в вырывании слова / фразы из контекста. На наш взгляд, интересно, что известные личности, включая политических деятелей и медийных персон, не гнушаются использованием нецензурной лексики в своих твитах (см., например, твиты Е. Ройзмана). В лингвистических исследованиях доказанным считается тот факт, что использование нецензурной лексики не всегда имеет интенцию оскорбить собеседника (см., например, работы В.И. Жельвиса), но подобное «взламывание табу» крайне негативно влияет на общественное сознание: если публичным персонам можно браниться, оскорблять и исполь-

зовать в адрес оппонента нецензурную лексику в публичных социальных медиа, то почему этого нельзя делать непубличным людям? Деструктивные интенции достаточно четко прочитываются в текстах твитов. В качестве примера можно процитировать ответ уже упомянутого выше дипломата А. Мельника американскому предпринимателю И. Маску в «Твиттере» на его предложение о мире между Россией и Украиной: *Fuck off is my very diplomatic reply to you@elonmusk* (URL: <https://twitter.com/MelnykAndrij/status/1576977000178208768>). В данном примере наблюдается нарушение не только лингвистических, но и дипломатических табу – фактически дипломат не выполняет свои профессиональные обязанности, публично оскорбляя человека, так или иначе пытающегося найти мирное решение сложной проблемы.

Таким образом, интенция является первым и основным параметром деструктивного текста. Деструктивная интенция имеет соответствующие средства языкового выражения, к которым относятся стилистически сниженная, обценная, негативно-окрашенная эмоционально-оценочная лексика, а также контекстуально-оскорбительная лексика. Приведенный список может быть дополнен различными стилистическими приемами, акцентирующими деструктивные намерения автора, использованием *ты*-общения, не соответствующего статусу адресата, использованием форм повелительного наклонения для реализации побуждения к причинению вреда объекту. Однако наличие вербализованной деструктивной интенции является хоть и важнейшим, но не единственным параметром деструктивного текста. Провести полную параметризацию деструктивного текста предстоит в ходе дальнейших исследований.

Список литературы

1. Агапова С.Г., Экизян А.Х. Модели интенций в языке // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 42–50.
2. Александров Е.П., Борисова А.А. Интенциональные модели взаимодействующих субъектов в структуре средств массовой коммуникации // Вестн. Таганрог. ин-та управления и экономики. 2006. № 2. С. 45–50.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
4. Волкова Я.А. Деструктивное общение в когнитивно-дискурсивном аспекте. Волгоград, 2014.
5. Журавлева Н.Н. Интенция как важнейший фактор речевого взаимодействия (на материале польского языка) // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. 2006. № 4(2). С. 100–106.
6. Кобрин Н.В. Твиттинг – новый социокоммуникативный жанр интернет-коммуникации [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9-3(63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvitting-novyuy-sotsiokommunikativnyy-zhanr-internet-kommunikatsii> (дата обращения: 06.11.2022).
7. Куцевич Ю.А. Интенция в философии и лингвистике // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 11-12(60). С. 128–132.
8. Шпильная Н.Н. Интенции реплицирования, реализуемые в диалоге // Филологический класс. 2022. № 27(2). С. 68–76.
9. Gibbs R. Intentions in the Experience of Meaning. Cambridge: Cambridge University Press, London, 1999.

* * *

1. Agapova S.G., Ekizyan A.H. Modeli intencij v yazyke // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2015. № 5. S. 42–50.
2. Aleksandrov E.P., Borisova A.A. Intencional'nye modeli vzaimodejstvuyushchih sub#ektov v strukture sredstv massovoj kommunikacii // Vestn. Taganrog. i-ta upravleniya i ekonomiki. 2006. № 2. S. 45–50.
3. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. M., 1996.
4. Volkova Ya.A. Destruktivnoe obshchenie v kognitivno-diskursivnom aspekte. Volgograd, 2014.

5. Zhuravleva N.N. Intenciya kak vazhnejshij faktor rechevogo vzaimodejstviya (na materiale pol'skogo yazyka) // Vesn. Belarus. dzyarzh. un-ta. 2006. № 4(2). S. 100–106.

6. Kobrin N.V. Tvitting – novyj sociokommunikativnyj zhanr internet-kommunikacii [Elektronnyj resurs] // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 9-3(63). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tvitting-novyy-sotsiokommunikativnyy-zhanr-internet-kommunikatsii> (data obrashcheniya: 06.11.2022).

7. Kucevich Yu.A. Intenciya v filosofii i lingvistike // Aktual'nye voprosy obshchestvennyh nauk: sociologiya, politologiya, filosofiya, istoriya. 2016. № 11-12(60). S. 128–132.

8. Shpil'naya N.N. Intencii replicirovaniya, realizuemye v dialoge // Filologicheskij klass. 2022. № 27(2). S. 68–76.



Speech intention as the basic parameter of the destructive text

The article deals with the speech intention as one of the most important parameters of the destructive text. On the basis of four models of the intention by R. Gibbs the author analyzes the concept of the speech intention and its role in the process of the communication. It is demonstrated that the intention is implemented in the content-based elements of the text.

Based on the Russian-language media texts there is analyzed the content-based component of the destructive intention, there are revealed the means of its language implementation.

Key words: *speech intention, destructiveness, destructive text, text parameters.*

Е.В. БОБЫРЕВА

Волгоград

ДИСКУРСИВНАЯ СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО КОНЦЕПТА «СТРАХ»

Описана дискурсивная специфика эмоционального концепта «страх».

Выявлены особенности актуализации анализируемого концепта в политическом, религиозном, медицинском и бытийном типах дискурса. Определены основные компоненты концепта «страх», реализуемые в указанных типах дискурса, установлены причины преваляирования данных компонентов в анализируемых дискурсивных сферах.



Ключевые слова: *дискурс, эмоциональный концепт, страх, религиозный дискурс, бытийный дискурс, политический дискурс, медицинский дискурс.*

Страх относится к категории базовых эмоций, оттенки которой передаются в любом языке посредством многочисленных лексических единиц, фиксирующих отличия данного переживания (ср.: *страх, ужас, тревога, трепет, опасение*).

Исследования эмотивности языка в целом и особенностей выражения эмоции страха в частности проводились в рамках лингвокультурологии, психолингвистики, концептологии, эмотиологии [12; 19; 26; 27; 29; 36]. Различные характеристики и особенности проявления эмоций изучались психологами К. Изардом [16], С. Кьеркегором [20], К. Юнгом [33]; лингвистами Л.Г. Бабенко [3], Н.А. Красавским [17, с. 162–168], В.И. Шаховским [29] и др.; лингвокультурологами Н.Д. Арутюновой [2], В.А. Масло-

вой [23], А.Г. Барановым [4], В.В. Красных [18]; специалистами по когнитивной лингвистике Е.С. Кубряковой [19], Н.Н. Болдыревым [8, с. 360–369], Дж. Лакоффом [34], Ч. Филлмором [30] и др.

Концепт «страх» становился объектом рассмотрения в работах А.М. Булатовой [9], И.А. Волостных [11], Е.С. Михалевой [24] и др. Сопоставительное рассмотрение анализируемого концепта в различных языках проводилось в исследованиях Н.В. Аблецовой [1], Е.Ю. Бутенко [10], Л.В. Воронина [13], С.В. Зайкиной [15] и др. Несмотря на значительную разработанность рассматриваемой проблемы, вопросам *дискурсивной спецификации эмоций*, в частности эмоции страха, не уделялось достаточного внимания. Материалом исследования послужили примеры актуализации концепта «страх» в различных типах дискурса. При проведении анализа использовались методы семантического, компонентного, контекстуального анализа, а также элементы статистического анализа.

Начнем с дефиниции интересующей нас эмоции. Под страхом понимается «сильный испуг, сильная боязнь» [25, с. 710], «опасение, тревожное состояние» [14, с. 336]. Страх выступает в качестве одной из первооснов религиозного мировоззрения, лежащего в основе любой культуры. В качестве основы религии страх выделялся еще древнеримским поэтом Публием Стацием. Первоначально это был страх перед смертью, болезнями, несчастьями; затем появился страх перед некой сверхъестественной силой – Богом, а вместе со страхом возникла и вера в возможность спасения.

В наиболее общем виде различают страхи биологические (связанные с угрозой жизни человека), социальные (связанные с угрозой социальному статусу человека в процессе его жизнедеятельности в обществе), экзистенциальные (страх смерти, страх, вызванный определенными размышлениями о жизни, предназначении человека и т. п.). Биологические страхи носят естественный, природный характер; при существовании социальных страхов в центре также стоит человек, но уже как часть определенной общности, например религиозной.

По мнению С. Кьеркегора, социальные страхи связаны так или иначе со свободой выбора: «Чем шире свобода выбора у индивида, тем более он способен к творчеству и тем более вероятны сопутствующие ему переживания страха и беспокойства» [20, с. 31]. По мнению К. Изарда, любой страх порождается «неизвестностью, неопределенностью, неуверенностью» [16, с. 112]; однако важна, на наш взгляд, причина подобной неуверенности. Вместе с тем С. Томпкинс считает, что «страх ограничивает стремление человека к неизвестному» [35, с. 36].

Существуют три главные причины возникновения страха: ситуация, угнетающе действующая на психику человека; внутренние ощущения человека от конкретной ситуации; вербальный акт угрозы одного человека другому. С. Кьеркегор выделяет эмоциональный «страх-боязнь» (вызываемый конкретными объективными обстоятельствами) и «страх-тоску» (неопределенный безотчетный страх) – страх метафизический [20]. При этом религиозный страх будет занимать в данной классификации промежуточное положение, т. к., с одной стороны, страх в религиозном дискурсе действительно уподоблен тоске, поскольку отсутствует объективная причина страха, с другой – в сознании верующего постоянно присутствует мысль о будущем «суде Божьем» и неизбежно приближающемся моменте возможной расплаты за совершенные в этой жизни грехи.

Следовательно, страх религиозный – это нечто среднее между боязнью и тоской в понимании С. Кьеркегора. Именно данная особенность составляет основу религиозного страха.

Религиозная философия постулирует наличие двух видов страха: а) благотельного – спасительного «страха Божьего», страха собственного несовершенства, который укрепляет человека и придает ему силы; б) разрушительного – опасного для человека, «страха раба».

В любой мировой культуре существуют социальные области, регулируемые страхом наказания, и области, регулируемые страхом стыда. Согласно Ю.М. Лотману, «страх стыда – высшая форма отрицания страха» [22, с. 95].

Главная социальная функция страха – регулировать отношения в обществе. М. Фуко отмечает, что «страх выступает инструментом политической власти, поскольку основывается на запретах и подкрепляется страхом наказания – а разработка запретов и наказаний обязанность власти» [31, с. 134].

Признавая универсальную природу концепта «страх», нельзя не отметить, что практически в любом языке он имеет определенную дискурсивную специфику.

«Религиозный страх занимает промежуточное положение между биологическими и социальными страхами» [6, с. 95]. В религиозном дискурсе компоненты (объекты) страха распределяются следующим образом:

– страх перед Богом как высшей сущностью: *Я трепещу пред лицом Его, размышляю и страшусь Его* (Иов 10: 23);

– страх наказания Божия: *Ведь страх – это наказание в себе самом, и мучаются им те, кто не проникся до конца любовью* (1Иоан. 4: 18);

– страх осуждения и немилости Божьей: *Упорство невежд убьет их, и беспечность глупцов погубит их. А слушающий меня будет жить безопасно и спокойно, не страшась зла* (Прит. 1: 32–33).

– страх возможных в будущем физических мучений (ад) [7, с. 27]: *Обратятся все нечестивые в ад, все народы, забывающие Бога* (Пс. 9: 18);

– страх осуждения и наказания за совершенные грехи [Там же]: *...тогда придет на вас ужас, как буря, и беда, как вихрь, принесется на вас; когда постигнет вас скорбь и теснота, тогда будут звать меня и не услышу; с утра будут искать меня и не найдут меня* (Прит. 1: 22–28).

Интересно отметить, что страх смерти оказывается отодвинут в религиозном дискурсе на второй план, поскольку существует вера в загробную жизнь, которая не только не страшит человека, но которая выступает целью жизни нынешней. Страх в религиозном дискурсе выступает неременным условием и движущей силой существования человека в целом: *Наставь меня, Господи, на путь Твой, и буду ходить в истине Твоей; утверди сердце мое в страхе имени Твоего* (Пс. 86: 11).

Только в религиозном дискурсе страх представляет собой созидательную силу: *Богатство и сила возвышают сердце, но выше того – страх Господень: в страхе Господнем нет недостатка, и нет надобности искать при нем помощи* (Сирах. 40: 26–27); *Страх Господень – как благословенный рай, и облакает его всякою славою* (Сирах. 40: 28); *Страх Господень прибавляет дней, лета же нечестивых сократятся* (Прит. 10: 27).

Концепт «страх» в религиозном дискурсе, безусловно, содержит такие компоненты, как «опасение», «испуг», «тревога», но, на наш взгляд, применительно к данному дискурсу можно говорить, с одной стороны, о расширительном толковании страха, а с другой – о его узком понимании. Объясним подобное осмысление концепта «страх». В религиозном дискурсе наиболее актуальным является такой компонент, как «страх перед Богом, страх наказания Божия». В этом смысле интерпретация понятия «страх» несколько сужается, ограничивая, закрывая причину такой сильной эмоции человека – страхом спровоцировать, навлечь на себя нелюбовь Господа своим неверным поступком, греховной мыслью и т. д. Именно страх потерять расположение Бога и надежда на милость Божью являются движущими механизмами при соблюдении, беспрекословном исполнении заповедей Бога.

Концепт «страх» в религиозном дискурсе содержит в своей основе как биологические причины, обусловленные природой человека, которого пугают любые физические мучения [6, с. 95] (*Объяли меня муки смертные и потоки беззакония устрашили ме-*

ня (Пс. 17: 5)) или смерть (*Спаси меня от смерти, по милости Твоей, ибо в смерти нет помятования о Тебе; во гробе кто будет славить Тебя* (Пс. 6: 6)); так и причины социальные – страх перед Богом, приближающийся к благоговению: *По множеству милости Твоей, войду в дом Твой, поклонюсь святому храму Твоему в страхе Твоем; Служите Господу со страхом, и радуйтесь пред Ним с трепетом* (Пс. 5: 8), страх осуждения единоверцев и т. д.

Интересно отметить, что вершиной концепта «страх» в религиозном дискурсе может выступать «страх наказания Божья» или «страх перед возможными в будущем физическими муками» (ад). Один из указанных компонентов может занимать приоритетное положение в зависимости от степени религиозности (воцерковленности) человека. Для верующего человека на первом месте, естественно, будет стоять «страх наказания Божья», т. е. субъективный компонент – «боязнь не угодить кому-то, оскорбить, расстроить своим поведением» нивелируется. При этом страх физических мучений не исчезает (поскольку он просто не может исчезнуть в силу природы человека), а притупляется, будучи «перекрыт» страхом по поводу «немилости Бога к человеку». Для человека же, чья вера недостаточно тверда, на первое место выходит страх перед возможными физическими муками, т. е. концепт «страха» приобретает сугубо эгоцентрическую направленность.

Страх мобилизует человеческие силы для активной деятельности, помогает предупредить возможные ошибки, запрещает совершать неблагоприятные поступки (поскольку является сильной мотивацией для поиска более безопасной среды обитания), позволяет человеку моделировать свое поведение. При этом страх может сопровождаться как отрицательными (агрессия, ненависть), так и положительными (интерес, удивление) эмоциями.

Страх в религиозном дискурсе выступает правовым и морально-этическим регулятором, направляя поведение и всю жизнь человека в нужное русло. На первое место выходит не страх потери, включая и потерю жизни, а страх осуждения, порицания, страх совершаемой человеком ошибки, которая может привести к негативным последствиям.

В противоположность религиозному страху, обладающему созидательной природой, современные проявления страха имеют иную векторную направленность. Страх теряет морально-этическую природу, сохраняя природу биологическую; у современного человека наиболее сильными оказываются:

- страх болезни: *Кто-то сам решил, что больше не будет работать, кого-то из-за страха перед ковидом не пустили родственники* (Ведомости. 2021. 16 дек.);
- страх смерти: *... Однако это обусловлено тем, что граждане начали чаще делать компьютерную томограмму (КТ) из страха пневмонии и смерти, пояснил Стилиди* (Ведомости. 2021. 31 дек.).

При этом оказывается значительно усилен, если так можно выразиться, экономический компонент страха:

- страх потери работы: *В итоге, по данным ID Agent, эффективность целевых атак на компании с использованием фишинга и социальной инженерии – порядка 80%, при этом в 45% случаях открывшие опасное письмо или ссылку сотрудники компании не сообщают руководству о сделанном из страха лишиться премии или потерять работу* (Ведомости. 2022. 30 июля);
- страх потери финансовой стабильности: *Эксперты полагают, что предпринимателей на вывод капиталов из России толкает не столько жадность, сколько страх* (Ведомости. 12.05.2021); *Инвестиционное сообщество не готово к цифровому рублю. Все эти страхи должны купироваться масштабной деятельностью по информированию населения, тогда и рост доверия к цифровому рублю будет выше* (Ведомости, 2021. 10 мая).

В бытийном дискурсе, в отличие от религиозного, основными компонентами концепта «страх» выступают:

– страх всего неожиданного/необъяснимого: *Это был не страх, а какая-то легкая бессознательная тревога от непонимания того, что происходит* (Журнал практической психологии и психоанализа. 2013. № 2);

– страх «киного»: *Это ужасное состояние. Это страх и страдание матери, которая рыдает от беспомощности и страха, не понимая, что происходит и что принесут с собой новые власти* (Журнал практической психологии и психоанализа. 2013. № 2);

– страх изменений: *Меня волнует то, что у нас формируется ощущение незащищенности в нашей стране. Мы сидим на пороховой бочке. Но, в отличие от других, страха я не чувствую. Тем не менее, когда начинаешь задумываться, такие мысли появляются, что может магазин соседний взорваться или дом, в котором я живу, понимаете, это непредсказуемо, что ждет дальше* (URL: https://bd.fom.ru/report/cat/reg_ros/mos/dd001838).

Тогда как в религиозном дискурсе страх смерти максимально снижен, практически нивелирован, в медицинском дискурсе, напротив, на первое место выходят такие компоненты страха, как:

– страх болезни и смерти: *Также перенесшие COVID-19 замечают у себя приступы учащенного сердцебиения, что на фоне общей тревожности становится триггером для формирования панических атак, для которых характерны ощущения нехватки воздуха, сердцебиение, страх и появление холодного пота* (Ведомости. 2021. 27 нояб.).

И тесно связанный с указанными предыдущими:

– страх получения плохих новостей: *Коронавирус в России отступит не ранее, чем через полтора года. Только через полтора-два года мы сможем выдохнуть. Но это не означает, что эти полтора-два года нужно жить в страхе, ожидая чего-то ужасного* (Парламентская газета. 2021. 6 сент.);

– страх нового и необъяснимого: *Во всяком случае, некоторый отскок на рынках произошел, страхи оказались преждевременными по поводу нового штамма, но все равно мы должны исходить из того, что уже пережили в предыдущие полтора года»* (Ведомости. 2021. 7 дек.).

В сфере политического дискурса наряду с традиционным для данного типа дискурса страха потери власти появляются такие, как:

– страх потери влияния на людей: *Компания боится потерять способность честно конкурировать на рынке в более благоприятных экономических условиях* (Парламентская газета. 2022. 9 нояб.);

– страх потери лица, репутации: *У него, в отличие от его предшественника, нет страха перед оппонентами, он готов к диалогу* (Парламентская газета. 2022. 11 окт.).

В результате проведенного анализа установлено процентное соотношение различных видов страха в разных дискурсивных сферах. Так, в религиозном дискурсе 77% всех страхов приходится на страхи биологические (страх смерти – 5%, страх болезни – 13%, страх нового – 28%, страх необъяснимого – 31%) и 23% – на страхи социальные (страх любых изменений). В бытийном дискурсе процентное соотношение биологических и социальных страхов составляет 44% и 56%; в число биологических страхов попали страх смерти – 19%, страх болезни – 13%, страх нового – 8%, страх необъяснимого – 4%; к социальным страхам отнесены: страх потери работы – 22%, страх потери финансовой стабильности – 21%, страх изменений – 8%, страх потери власти / влияния на людей – 3%, страх проявления слабости – 1%, страх потери лица, репутации – 1%. Для медицинского дискурса оказалось характерным превалирование биологических страхов – 86% (страх смерти 31%, страх болезни – 42%, страх нового – 6%, страх необъяснимого – 7%); относительно страхов социальной природы – 14 % (страх изменений – 7%, страх проявления слабости – 7%). И, наконец, как показал проведенный

анализ, в политическом дискурсе биологические страхи оказались нерелевантной величиной, их удельный вес составил 5% (страх нового – 4% и страх необъяснимого – 1%). 95% переживания страха приходится на страх потери работы – 12%, страх потери финансовой стабильности – 19%, страх изменений в жизни – 10%, страх потери власти – 28%, страх проявления слабости (страх оказаться слабохарактерным, сдаться и подчиняться обстоятельствам и приказам других, неспособность отстоять свою точку зрения) – 14%, страх потери лица, репутации – 12%.

Обращает на себя внимание следующий установленный факт: в религиозном и медицинском дискурсе значительным оказывается удельный вес биологических страхов, в то время как в бытийном и политическом дискурсе чаще всего имеют место страхи социальные. Резюмируя, отметим, что исследование дискурсивных особенностей актуализации эмоционального концепта «страх» позволяет не только расширить знания о внутренней природе и особенностях актуализации рассматриваемого концепта, но и выявить ценностные установки и мотивацию участников различных типов дискурса, поскольку такая сильная эмоция, как «страх», возникает только при угрозе потери того, что действительно значимо для человека.

Источники примеров

База данных ФОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://bd.fom.ru> (дата обращения: 01.11.2022).
Ведомости [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

Парламентская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pnp.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

Список литературы

1. Аблецова Н.В. Языковая репрезентация концепта ANGST: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2005.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., 1999.
3. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989.
4. Баранов А.Г. Функционально-прагматическая концепция текста. Ростов н/Д., 1993.
5. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Брюссель, 1973.
6. Бобырева Е.В. Религиозный дискурс: ценности, жанры, языковые характеристики. Волгоград, 2007.
7. Бобырева Е.В. Эмоциональный аспект коммуникативной компетенции в религиозном дискурсе // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2014. № 10(95). С. 23–30.
8. Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание: междунар. межвуз. сб. науч. тр. Тамбов, 2002. С. 360–369.
9. Булатова А.М. Лексико-фразеологические средства репрезентации эмоционального концепта «страх» в немецком и русском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2015.
10. Бутенко Е.Ю. Концептуализация понятия «страх» в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2006.
11. Волостных И.А. Эмоциональные концепты «страх» и «печаль» в русской и французской языковых картинах мира: лингвокультурологический аспект: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Тамбов, 2007.
12. Воркачев С.Г. Семантизация концепта *любовь* в русской и испанской лексикографии (сопоставительный аспект) // Язык и эмоции: сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 125–133.
13. Воронин Л.В. Концепт «страх» в русском и немецком языках (контрастивный анализ на материале произведений М. Булгакова, К. Тухольского и их переводов на английский язык): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
14. Даль В.И. Толковый словарь: в 4 т. М., 1956.
15. Зайкина С.В. Эмоциональный концепт «страх» в английской и русской лингвокультурах (сопоставительный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2004.

16. Изард К. Психология эмоций. СПб., 2000.
17. Красавский Н.А. Обозначение и выражение ключевых эмоциональных концептов в новелле Артура Шницлера «Лейтенант Густль» // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. № 2(155). С. 162–168.
18. Красных В.В. «Свой среди чужих» – миф или реальность. М., 2003.
19. Кубрякова Е.С. О новых путях исследования значения (теория айсберга) // Проблемы семантического описания языка и речи: материалы докладов Междунар. науч. конф. Минск, 1998. С. 38–39.
20. Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1992.
21. Лакофф Дж. Мышление в зеркале классификаторов // Новое в зарубежной лингвистике: когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 31–50.
22. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 1994.
23. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре: моногр. Витебск, 2004.
24. Михалева Е.С. Концепт «страх» в рассказах А. Бирса: автореф. дис. канд. филол. наук. Мытищи, 2020.
25. Ожегов Е.И. Словарь русского языка. М., 1972.
26. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997.
27. Стернин И.А. Концепты и невербальность мышления // Филология и культура: междунар. науч. конф. Тамбов, 1999. С. 69–79.
28. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1998. С. 13–24.
29. Шаховский В.И. О Лингвистике эмоций // Язык и эмоции: сб. науч. тр. Волгоград, 1995. С. 3–15.
30. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М., 1988. С. 52–92.
31. Фуко М. Слова и вещи. СПб., 1994.
32. Целуйко В.М. Психология нетрадиционных религий в современной России. Волгоград, 2004.
33. Юнг К.Г. Структура психики и архетипы. М., 2015.
34. Lakoff G. Contemporary theory of Metaphor // Metaphor and Thought. Cambridge University Press, 1993. P. 206–249.
35. Tomkins S.S. Affect, imagery, consciousness // The positive affects. New York, Springer, 1962. Vol. 1. P. 33–41.
36. Wierzbicka A. Different Cultures, different Languages, different Speech Acts // Journal of Pragmatics, 1985. № 9. P. 145–178.

* * *

1. Ablecova N.V. Yazykovaya reprezentaciya koncepta ANGST: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Irkutsk, 2005.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir cheloveka. М., 1999.
3. Babenko L.G. Leksicheskie sredstva oboznacheniya emocij v russkom yazyke. Sverdlovsk, 1989.
4. Baranov A.G. Funkcional'no-pragmaticeskaya koncepciya teksta. Rostov n/D., 1993.
5. Bibliya: Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vethogo i Novogo Zaveta. Bryussel', 1973.
6. Bobyрева E.V. Religioznyj diskurs: cennosti, zhanry, yazykovye harakteristiki. Volgograd, 2007.
7. Bobyрева E.V. Emocional'nyj aspekt kommunikativnoj kompetencii v religioznom diskurse // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2014. № 10(95). S. 23–30.
8. Boldyrev N.N. Yazykovye mekhanizmy ocenочноj kategorizacii // Real'nost', yazyk i soznanie: mezhdunar. mezhvuz. sb. nauch. tr. Tambov, 2002. S. 360–369.
9. Bulatova A.M. Leksiko-frazeologicheskie sredstva reprezentacii emocional'nogo koncepta strah v nemeckom i russkom yazykah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2015.
10. Butenko E.Yu. Konceptualizaciya ponyatiya «strah» v nemeckoj i russkoj lingvokul'turah: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2006.

11. Volostnyh I.A. Emocional'nye koncepty «strah» i «pechal'» v russkoj i francuzskoj yazykovyh kartinah mira: lingvokul'turologicheskij aspekt: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk. Tambov, 2007.
12. Vorkachev S.G. Semantizaciya koncepta lyubov' v russkoj i ispanskoj leksikografii (sopostavitel'nyj aspekt) // Yazyk i emocii: sb. nauch. trudov. Volgograd, 1995. S. 125–133.
13. Voronin L.V. Koncept «strah» v russkom i nemeckom yazykah (kontrastivnyj analiz na materiale proizvedenij M. Bulgakova, K. Tuhol'skogo i ih perevodov na anglijskij yazyk): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2005.
14. Dal' V.I. Tolkovyj slovar': v 4 t. M., 1956.
15. Zajkina S.V. Emocional'nyj koncept «strah» v anglijskoj i russkoj lingvokul'turah (sopostavitel'nyj aspekt): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2004.
16. Izard K. Psihologiya emocij. SPb., 2000.
17. Krasavskij N.A. Oboznachenie i vyrazhenie klyuchevyh emocional'nyh konceptov v novelle Artura Shniclera «Lejtenant Gustl'» // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. № 2(155). S. 162–168.
18. Krasnyh V.V. «Svoj sredi chuzhix» – mif ili real'nost'. M., 2003.
19. Kubryakova E.S. O novyx putyax issledovaniya znacheniya (teoriya ajsberga) // Problemy semanticheskogo opisaniya yazyka i rechi: materialy dokladov mezhdunar. nauch. konf. Minsk, 1998. S. 38–39.
20. K'erkegor S. Strah i trepet. M., 1992.
21. Lakoff Dzh. Myshlenie v zerkale klassifikatorov // Novoe v zarubezhnoj lingvistike: kognitivnye aspekty yazyka. M., 1988. S. 31–50.
22. Lotman Yu.M. Besedy o russkoj kul'ture: byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). SPb., 1994.
23. Maslova V.A. Homo lingualis v kul'ture: monogr. Vitebsk, 2004.
24. Mihaleva E.S. Koncept «strah» v rasskazah A. Birsa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Mytishchi, 2020.
25. Ozhegov E.I. Slovar' russkogo yazyka. M., 1972.
26. Stepanov Yu.S. Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya. M., 1997.
27. Sternin I.A. Koncepty i neverbal'nost' myshleniya // Filologiya i kul'tura: mezhdunar. nauch. konf. Tambov, 1999. S. 69–79.
28. Teliya V.N. Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury // Frazeologiya v kontekste kul'tury. M., 1998. S. 13–24.
29. Shahovskij V.I. O Lingvistike emocij // Yazyk i emocii: sb. nauch. tr. Volgograd, 1995. S. 3–15.
30. Fillmor Ch. Frejmy i semantika ponimaniya // Novoe v zarubezhnoj lingvistike. Vyp. XXIII: Kognitivnye aspekty yazyka. M., 1988. S. 52–92.
31. Fuko M. Slova i veshchi. SPb., 1994.
32. Celujko V.M. Psihologiya netradicionnyh religij v sovremennoj Rossii. Volgograd, 2004.
33. Yung K.G. Struktura psihiki i arhetipy. M., 2015.



The discursive specific features of the emotional concept “fear”

The article deals with the discursive specific features of the emotional concept “fear”. There are revealed the specific features of the actualization of the analyzed concept in the political, religious, medical and existential types of the discourse. The author defines the basic components of the concept “fear” implemented in the considered types of the discourse. There are established the reasons of the prevalence of the components in the analyzed discursive spheres.

Key words: discourse, emotional concept, fear, religious discourse, existential discourse, political discourse, medical discourse.

**О СОЦИОЛЕКТЕ БЛОГЕРОВ
(на материале английских сетевых дневников)**

Рассмотрены понятия блога и блогера. Определены базовые характеристики социолекта блогеров англоязычных стран – Канады, США и Великобритании. Выявлены лексические и грамматические особенности социолекта современных англоязычных блогеров.



Ключевые слова: *блог, англоязычный блогер, текст, комментарий, социолект, лексические единицы, грамматические конструкции.*

В силу интенсивного развития коммуникационных технологий все более актуальными, судя по научным публикациям [2, с. 97–100; 3, с. 29–44; 6, с. 189–202; 7, с. 3–20 и др.], становятся лингвистические исследования, посвященные виртуальному общению людей, охватившему повсеместно современный социум. Марширующая семимильными шагами виртуальная коммуникация, прочно вошедшая в частную и общественную жизнь, – один из знаковых индикаторов начала нынешнего века. Данный социокультурный феномен внес значительные изменения как в содержание, так и в формы, каналы общения людей. Заметным трансформациям подверглись коммуникативные практики современного человека, свидетельством чего служит в особенности появление на наших глазах целого ряда новых речевых жанров (в том числе и гибридных), оказывающихся в настоящее время в поле зрения ученых, работающих в разных отраслях гуманитарного и социального знания.

Значительный интерес, на наш взгляд, представляет собой такой вид виртуальной коммуникации, как блог (т. е. сетевой дневник), недостаточно изученный, насколько нам известно, в современной отечественной филологии.

Блог является особым типом интернет-ресурса, который образуется на основе общности интересов в процессе социального взаимодействия людей, выражающегося в перекрестном чтении постов, их комментировании и обмене с другими пользователями, и позволяет сформировать социальную среду – блогосферу [5, с. 11]. Этот вид коммуникации порождает новую социальную общность – блогеров и, следовательно, их соответствующий социолект.

Следует отметить, что личные блоги дневникового типа более распространены в современном Интернете, чем какие-либо другие [8]. Их удельный вес, по подсчетам специалистов, составляет 70,4% [7, с. 3–20]. Данный факт объясняет наше решение обратиться к личным блогам дневникового типа как к эмпирической базе предпринятого исследования. Ее сформировали 650 контекстов из 245 постов и 405 комментариев блогеров. Их авторы – граждане Канады, США и Великобритании. Материал размещен на блог-портале LiveJournal. Хотелось бы заметить, что фактографическая база, оказавшаяся в фокусе нашего внимания, современна, следовательно, ее описание позволяет выявить специфику использования языка определенного профессионального сообщества на нынешнем этапе его развития.

Блогер – это пользователь Интернета, ведущий сетевой дневник, повествующий о событиях и фактах из собственной либо же из общественной жизни. Блогера, таким образом, можно рассматривать как языковую личность, чье речевое поведение (коммуникативные стратегии и реализующие их тактики и приемы, индивидуально-авторская стилистика) представляет собой большой интерес как для лингвистики, так и для смеж-

ных с ней научных дисциплин, в частности социологии, психологии, культурологии, этнологии. Под понятием языковой личности мы понимаем вслед за Ю.Н. Карауловым «многокомпонентный и многослойный набор языковых способностей, умений, готовностей к осуществлению речевых поступков разной степени сложности» [4, с. 32].

В представленной читателю статье решается следующая задача: выявить специфику социолекта современного англоязычного блогера, установить особенности использования им лексических единиц, равно как и грамматических конструкций. Разумеется, феномены речевого поведения и речевого портрета блогера не сводятся к ним. Перспективным нам видится, в частности, и изучение коммуникативных стратегий и тактик блогера. Однако на страницах данной статьи мы ограничимся решением только указанной выше исследовательской задачи. Далее заметим, что при этом мы считаем важным применение методики количественных подсчетов в отношении используемых лексических единиц и грамматических конструкций. Полагаем, что обращение к статистическим данным позволяет с большой степенью достоверности определить специфику лексикона и грамматикона языковой личности (в нашем случае блогера). Иными словами, квантитативность мы квалифицируем как релевантный показатель при характеристике в целом таких феноменов, как идиостиль, идиолект, социолект.

Анализ слов и устойчивых словосочетаний, которыми пользуются блогеры, мы проводим с учетом их стилистической маркированности/немаркированности. На нейтральную лексику, согласно нашим подсчетам, приходится большинство используемых в сетевых дневниках слов и словосочетаний (72,4%), на разговорную – значительно меньше (18,5%). Минимальными показателями обладают литературные слова и устойчивые словосочетания (9,1%). Наибольший интерес при характеристике лексикона блогера для нас представляют последние две группы в силу их маркированности. Материал позволяет заключить, что среди используемых блогерами слов и устойчивых словосочетаний встречаются преимущественно термины (42,8%), варваризмы (20,9%), фразеологические сочетания (18,9%), а также устойчивые клише официально-деловой речи (17,4%).

Термины, понимаемые как слова или словосочетания, используемые для обозначения понятия, характерного для какой-либо конкретной области знания или культуры [1, с. 229], составляют 108 единиц из 253 примеров литературной лексики (42,8%). В англоязычных блогах наиболее часто употребляются термины, отражающие политические реалии страны (*impeachment trial, Congress, parliament, redeeming qualities, vote*), а также медицинские (*vaccination, Inactivated vaccine, BioNTech, Replication-defective adenovirus vector vaccine*) и экономические (*price, bank, inflation, economic models*) термины. Установленные лингвистические факты, как кажется, социологически показательны. Они иллюстрируют наиболее актуальные проблемы англоязычных стран, вопросы, которые для их жителей наиболее злободневны – политические события (главным образом в своей стране), состояние и охрана здоровья (распространение инфекции COVID-19 и борьба с ней), экономическое развитие страны, материальное благополучие/неблагополучие людей. Значительное употребление терминологической лексики в социолекте блогеров можно оценивать, с одной стороны, как достаточно хороший уровень их языковой грамотности, а с другой – как определенную компетентность в вопросах политики, экономики.

Относительно высоким индексом частотности употребления в речи блогеров обладают и варваризмы, используемые авторами постов с целью обозначения отсутствующих в родном языке явлений, их признаков. Нами выявлено 53 варваризма посредством анализа 253 языковых примеров, относящихся к литературной лексике, что составляет 20,9% от общей выборки. В качестве примеров приведем наиболее распространенные – *haute couture, tete-a-tete*.

Обращает на себя внимание употребление англоязычными блогерами клише, относящихся к сфере официально-деловой речи (например, *I had only two items on the agenda, I think it's important*). Их применение объясняется стремлением авторов подчеркнуть значимость происходящего события, поставить акцент на его высоком статусе. Как правило, в подобных случаях речь идет о фактах общественной жизни. Клише официально-деловой речи составляют 44 единицы из 253 примеров (т. е. 17,4% от общего массива литературной лексики). Полагаем, что использование официально-деловых клише свидетельствует о языковой и общей грамотности блогера, часто о его разносторонних интересах. Наряду с данными клише мы обнаружили в сетевых дневниках относительно широкое употребление фразеологизмов, часто используемых в разговорной речи (например, *burst into tears*). Некоторые из них экспрессивны (например, *fly in the ointment*). Их применение свидетельствует либо об эмоциональном состоянии адресанта, стремлении поделиться переживаемыми эмоциями и чувствами, либо о его желании воздействовать на адресата, часто манипулировать его сознанием.

Тексты блогеров относятся к письменной форме коммуникации. Они, однако, обладают многими чертами разговорной речи. Можно сказать, что данный тип текстов во многом гибриден.

В результате проведенного нами анализа было установлено, что среди используемых блогерами лексических единиц разговорного функционального стиля высок индекс частотности употребления сленговых слов (65,6%). Среди них собственно сленгизмы (33,8%, например, *lads, bro, SMH – Shake My Head, LOL – laughing out loud*), жаргонизмы (16,3%, например, *mouse* для обозначения компьютерного устройства, *rock hounds* для названия профессии геолога) и профессионализмы (15,5%, например, *K-9 – команда собак на службе полиции США*). Нами выявлен и значительный массив примеров с вулгаризмами (34,4% от общей выборки), нашедшими употребление в текстах блогов и в комментариях к ним.

Согласно нашим подсчетам, сленговые слова и словосочетания составляют в общей сложности 337 единицы (количество проанализированных языковых примеров, относящихся к разговорной лексике, 514).

Обращение к анализу речевых высказываний блогеров в грамматическом аспекте позволяет отметить, что особенности их социолекта более ярко выражены на синтаксическом подуровне по сравнению с морфологическим подуровнем.

В силу аналитического строя английского языка специфика социолекта англоязычного блогера отражается в большей степени в глагольных формах таких категорий, как:

- 1) время (доминирование прошедшего времени в текстах постов – 50,4%);
- 2) залог (удельный вес предложений в активном залоге (68,3%) значительно преобладает над предложениями в пассивном залоге (31,7%));
- 3) наклонение (доля предложений в изъявительном наклонении составляет 52,1%, в сослагательном наклонении – 28,5%, в повелительном наклонении – 19,4% соответственно).

Особенности социолекта англоязычных блогеров выражены также в следующих морфологических явлениях:

- 1) фразовые глаголы (они содержатся в 343 единицах из 650 проанализированных контекстов);
- 2) личные местоимения (высокочастотное использование личного местоимения *you* (21,3%, т. е. 139 единиц от 650 проанализированных контекстов) вместо *one* (5,8%, т. е. 38 единиц) при повествовании о какой-либо абстрактной ситуации);
- 3) притяжательный падеж существительных (блогеры чаще всего прибегают к выражению притяжательного падежа через окончание *s* с апострофом – *'s* (24,9%, т. е. в 162 контекстах из 650 проанализированных) при указании на чью-либо принадлеж-

ность; использование же предлога *of* в данном случае фиксируется в блогах лишь в 8%, т. е. в 55 контекстах).

Далее рассмотрим структурные (синтаксические) особенности речи блогера. В постах блогов доминантный статус имеют сложные предложения (67,2% из 245 проанализированных контекстов). Доля простых предложений составляет соответственно 32,8%. Данный лингвистический факт объясняется тем, что пост, являясь инициальным сообщением, предполагает развернутое, часто детальное описание каких-либо событий, размышлений на ту или иную тему. Укажем, что использование с точки зрения структуры простых предложений чаще всего имеет место в постах, повествующих о каких-либо бытовых, повседневных эпизодах жизни блогера, которые, как правило, выражены в достаточно лаконичной форме.

Анализ сложных предложений (1 653 единицы) показал, что блогеры используют несколько чаще сложноподчиненные предложения (905 единиц, т. е. 54,8% от числа всех сложных предложений), тогда как сложносочиненные предложения употребляются соответственно в 45,2% случаев выбора сложного предложения (748 единиц). Некоторое превалирование сложноподчиненных предложений над сложносочиненными свидетельствует о том, что в посте для блогера важно показать причинно-следственные связи событий, дать объяснение фактам.

В ходе исследования нами были проанализированы 405 комментариев к постам, в которых пользователи употребляют как простые, так и сложные предложения. Свою реакцию, отклик комментирующие выражают нередко невербально, т. е. посредством использования смайликов. При анализе комментариев мы выявили 330 простых предложений, 204 сложных и 118 смайликов. Важно отметить, что почти половина простых предложений в комментариях являются эллиптическими, что составляет 29,7% от 62,8% всех простых предложений. Этот факт обусловлен желанием читателя оставить мгновенную и в то же время лаконичную реакцию на событие, отраженное в посте, выразить в максимально краткой форме согласие или несогласие с автором.

С точки зрения коммуникативной направленности в постах англоязычные блогеры чаще всего прибегают к использованию повествовательных предложений (60,1%), реже – вопросительных (23,2%). Минимальной оказалась частотность употребления побудительных предложений (16,7%). Приведенные статистические данные, которые мы считаем релевантными, объясняются тем, что авторы постов, как правило, информируют читателя о каком-либо событии, высказывают собственную точку зрения на него. Значительное количество повествовательных предложений в постах обусловлено коммуникативной целью адресантов.

В комментариях к постам блогов с точки зрения коммуникативной направленности предложения чаще всего фиксируются предложения повествовательного характера (60,1% от числа всех предложений, использованных в 534 комментариях), реже – комментарии вопросительного характера (24,1%) и еще реже – комментарии побудительного характера (15,8%). Установленные факты, на наш взгляд, обусловлены тем, что читатели, как правило, реагируя на тему поста, высказывают свою точку зрения как утверждение, а не как вопрос или просьбу.

Посты блогеров прочно заняли заметное место в коммуникативно-информационном пространстве современного социума. Изучение продуцируемых ими текстов – перспективная исследовательская задача, решение которой может проводиться в самых различных направлениях (например, в лингвоконцептологическом, лингвокультурологическом, жанрологическом, гендерном). Многообещающим нам видится составление речевого портрета блогера, предполагающее выявление его базовых ценностей, установление иерархии приоритетов, равно как и определение особенностей использования им языка, описание его идиостиля.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 1986.
2. Галичкина Е.Н. Типология речевых жанров сетевой компьютерной коммуникации // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2019. № 2(135). С. 97–100.
3. Карасик В.И. Креативы в сетевом дискурсе // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2018. № 5. С. 29–41.
4. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М., 2010.
5. Кульминская А.В. Социальная общность блогеров: становление и развитие в российском обществе: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2013.
6. Черкасова И.С., Красавский Н.А. Самопрезентация личности в Интернете и печатных СМИ (на материале объявлений о знакомстве) // Интернет-коммуникация как новая речевая форма: кол. моногр. / науч. ред. Т.Н. Колокольцева, О.В. Лутовинова. 3-е изд., стер. М., 2016. С. 189–202.
7. Herring S.C., Scheidt L.A., Kouper I., Wright E. A Longitudinal Content Analysis of Weblogs: 2003–2004 // *Blogging, Citizenship and the Future of Media*. 2007. P. 3–20.
8. Afirewall [Electronic resource]. URL: <https://afirewall.ru/blog-kakie-byvayut-vidy-blogov-v-seti-internet> (дата обращения: 10.10.2022).

* * *

1. Arnol'd I.V. Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka: uchebnik. 3-e izd., pererab. i dop. M., 1986.
2. Galichkina E.N. Tipologiya rechevyh zhanrov setевой komp'yuternoj kommunikacii // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2019. № 2(135). S. 97–100.
3. Karasik V.I. Kreativny v setevom diskurse // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2018. № 5. S. 29–41.
4. Karaulov Yu.N. Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'. 7-e izd. M., 2010.
5. Kul'minskaya A.V. Social'naya obshchnost' blogerov: stanovlenie i razvitie v rossijskom obshchestve: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk. Ekaterinburg, 2013.
6. Cherkasova I.S., Krasavskij N.A. Samoprezentaciya lichnosti v Internetе i pechatnyh SMI (na materiale ob#yavlenij o znakomstve) // *Internet-kommunikaciya kak novaya rechevaya formaciya: kol. monogr. / nauch. red. T.N. Kolokol'ceva, O.V. Lutovinova*. 3-e izd., ster. M., 2016. S. 189–202.



***Considering the issues of the social dialects of the bloggers
(based on the English weblogs)***

The article deals with the concepts of 'blog' and 'blogger'. There are defined the basic characteristics of the social dialect of the bloggers of the English countries – Canada, the USA and Great Britain. There are revealed the lexical and grammatical peculiarities of the social dialect of the modern English-language bloggers.

Key words: *blog, English-speaking blogger, text, commentary, social dialect, lexical units, grammatical structures.*

ЗУМБОМБИНГ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эпоха пандемии коронавирусной инфекции дала новое развитие многим отраслям науки, техники, производства, мотивируя поиск альтернативных путей решения существующих проблем. В русле лингвистического анализа описывается зумбомбинг, выявляются структура поведения зумбомберов и движущие ими цели. Зумбомбинг рассматривается как речевая провокация, способствующая дестабилизации эмоционального состояния всех участников не прямой (опосредованной) коммуникации.



Ключевые слова: *манипуляция сознанием, зумбомбинг, провокация, речевые стратегии и тактики, цифровой этикет.*

Пандемия коронавируса, начавшаяся в 2019 г. в Азии и продолжающаяся до сегодняшнего момента, внесла серьезные коррективы в течение всех сторон жизни современного общества. Были изменены форматы работы, многие стали работать дистанционно, полностью пересмотрены уставы многих компаний и должностные инструкции сотрудников. Так, для проведения очередного совещания необязательно собираться всем вместе в одной аудитории, особенно это было проблематично, когда сотрудники работали в разных корпусах предприятия или учреждения. Появились новые возможности получения образования, были разработаны альтернативные формы обучения, модифицирующие образовательный процесс в целом. Существуют разные точки зрения на вопрос о том, станет ли образование более доступным в связи с его цифровизацией, которая так стремительно развивается в настоящее время. С одной стороны, у многих появилась возможность обучаться в зарубежном вузе, не покидая своего региона, соответственно, не тратя средства на переезд и жизнь в другой стране. Кроме того, многие дистанционные программы обучения разработаны таким образом, что позволяют осваивать учебный материал, учитывая индивидуальные возможности и потребности каждого учащегося. Иными словами, у многих студентов появилась возможность совмещать обучение с другими видами деятельности, не пропуская при этом занятия. С другой стороны, эта доступность напрямую связана с Интернетом. В отдаленных районах, где интернет-соединение не отличается качеством, студенты не могут быть полноправными участниками дистанционного образовательного процесса.

Как бы то ни было, развитие технологий происходит стремительными темпами, компании предлагают различные программы для организации онлайн-встреч и проведения мероприятий. Одной из ведущих компаний является Zoom как наиболее доступная для скачивания и использования и на компьютере, и в телефоне, и в планшете. Функционал, предлагаемый данной платформой, удовлетворяет требования широкой аудитории, что в конце концов и послужило причиной наибольшей популярности именно Zoom. Об этом свидетельствуют не только статистические данные, но и язык, рефлексирующий новую реальность. В качестве примера обратимся к списку неологизмов, собранных в Словаре русского языка коронавирусной эпохи: *зум, зумбариться, зумби, зум-бомбардировка, зумбомбинг, зуммер, зумерничать, зумизация, зуминг, зумиться, зумификация, зум-конференция, зум-лекция, зум-русалка, зум-сериал, зум-спектакль* [5, с. 57–62]. Многие исследователи посвятили свои работы описанию неологизмов эпохи пандемии, зафиксировав, таким образом, наиболее яркие единицы. Так, Н.И. Коробкина, говоря о вопросах экологичности современного окказионального словообразования,

рассматривает единицу *зумбомбинг* как имеющую экологичное влияние на пользователей языка, поскольку появление данной лексемы отвечает потребностям языковой экономики [3, с. 155–161]. Работая над данной статьей, мы не ставили целью дать оценку появления в языке так называемых неологизмов коронавирусной эпохи, не рассматриваем их в качестве варваризмов, загрязняющих язык. Исследование направлено на описание особенностей и обоснованности подобного поведения носителей языка.

Создав уникальные возможности связи с респондентами из любой точки мира, в то же время работа в Zoom может быть сопряжена с различными трудностями. Так, в самом начале переноса многих деловых встреч и заседаний в виртуальное пространство остро встал вопрос о соблюдении неприкосновенности частной жизни. Это связано с тем, что в объектив видеокamеры попадают некоторые фрагменты домашней обстановки, особенности организации быта – все то, что не имеет к официально-деловой стороне жизни никакого отношения. Кроме того, появившееся явление зумбомбинга не только отрицательно влияет на продуктивность и результативность виртуальных деловых встреч, но и может оказывать психологическое давление на всех участников коммуникации. В данной статье мы рассмотрим основные ценностные ориентиры, на которые опираются кибер-хакеры при организации своих атак. Зумбомбинг – это преднамеренная атака, когда пользователи получают доступ к видеоконференции и, транслируя различный неприемлемый контент, используя нецензурные выражения, срывают мероприятие, оказывая негативное воздействие на всех его участников.

Однако не стоит воспринимать зумбомбинг лишь в качестве чьей-то злой шутки. Так, немецкий журналист Кристиан Губертс проводит параллели между интернет-троллями и ультраправыми. Он отмечает, что «не все тролли – ультраправые, и не все ультраправые – тролли. Тролли используют ультраправые лозунги для провокации, ультраправые выбирают троллинг, чтобы выразить свое презрение к человечеству, прикрыв его юмором» («Nicht alle Trolle sind rechtsextrem und nicht alle Rechtsextremen sind Trolle. Trolle nutzen rechtsextreme Äußerungen, um zu provozieren. Rechtsextreme nutzen Trolling, um ihr menschenverachtendes Gedankengut als Humor zu tarnen» [9] (перевод наш. – О.Д., Н.В.).

Американские правоохранительные органы сообщили о том, что взлом онлайн-конференций, например, в приложении Zoom, теперь считается не пранком, а федеральным преступлением, которое грозит нарушителю штрафом или тюремным заключением [1]. Так, в статье «From Zoom-bombs to cyberbullies, digital meetings have their challenges», опубликованной в газете The Detroit News, автор Род Берд (Rod Beard) приводит слова прокурора США Мэтью Шнайдера (U.S. Attorney Matthew Schneider) о серьезной ответственности за зум-бомбинг («You think Zoom bombing is funny?»): *Let's see how funny it is after you get arrested. If you interfere with a teleconference or public meeting in Michigan, you could have federal, state, or local law enforcement knocking at your door* [7]. В конце данной статьи автор советует обратиться в ФБР, если вы стали жертвой такого хулиганства.

Что касается РФ, то Следственный комитет в 2020 г. возбудил первое уголовное дело за срыв дистанционных уроков, когда молодой человек, подключившись к конференции, вел себя неподобающим образом. Речь идет о статье 272 УК РФ «Статья о неправомерном доступе к компьютерной информации». СК РФ выступил с заявлением о том, что нарушение онлайн-занятий может повлечь наказание вплоть до уголовного.

Мы рассматриваем зумбомбинг не как попытку похитить ценные материалы, подключившись к конференции, а как хулиганство, заставляющее участников встречи испытать неприятные эмоции от увиденного и сорвать мероприятие. Такие атаки направлены на моральные принципы людей, оскорбляют общечеловеческие ценности, поскольку связаны с сексизмом, расизмом, насилием, вопросами религии, иногда и с пор-

нографией. Зумбомберы пользуются физической удаленностью, анонимностью, фактической безнаказанностью, пренебрегая этическими правилами и устоявшимися нормами морали. Безнаказанность при срыве конференции дает возможность нарушителям, желающим получить эмоциональную разрядку, издеваться над участниками мероприятия и, потакая своим «темным» желанием, через унижение и глумление над другими получать удовлетворение [8]. В целях регулирования общения в режиме онлайн Егор Кривошея, преподаватель МИЭФ, разработал цифровой этикет. В 2019 г. вышла в свет книга “Digital Etiquette: Everything You Wanted to Know about Modern Manners But Were Afraid to Ask” Виктории Тюрк.

Характерной особенностью настоящего времени является оптимизация средств коммуникации. Различные соцсети и мессенджеры позволяют в считанные секунды передать или получить информацию. Популярные телеграм-каналы «ZOOM. Сливов конференций, уроков», «ZOOM#1» и группы «ВКонтакте» “Raid Empire” и другие являются информационной площадкой, предоставляющей все необходимые сведения для троллинга, чем активно пользуются зумбомберы для согласования своих провокационных действий. Для лингвистов данные каналы предоставляют широкий спектр практического материала для анализа стратегий и тактик, направленных на срыв zoom-конференции.

С позиции лингвистики срыв конференции предлагаем рассматривать в качестве провокации, понимаемой вслед за О.С. Иссерс как «целенаправленное, мотивированное, преимущественно контролируемое коммуникативное поведение», «коммуникативный сбой, сознательно организованный говорящим». Задача зумбомберов заключается в «дестабилизации эмоционального состояния собеседника» [2, с. 95]. Провокация и провокационное речевое поведение как одна из ее форм рассматриваются в различных гуманитарных науках, поскольку имеют большой воздействующий потенциал.

Стратегии речевой провокации особенно актуальны в современную эпоху, характеризующуюся не только экономическими и социальными достижениями, но и совсем иными вызовами и угрозами современному обществу. Так, новые возможности манипулирования общественным сознанием в СМИ – информационные войны и фейковые новости – являются действенным способом формирования ложного общественного мнения. Так, речевая провокация, наблюдаемая у зумбомберов, имеет своей целью создание условий для ответной реакции адресата. Открытым остается вопрос характеристики ожидаемого ответа, поскольку атаки зумбомберов не ведут к кардинальному изменению содержательной стороны речи адресата, это рассматривается лишь как техническая помеха. Любая провокация ведет к дестабилизации эмоционального состояния оппонента, принося определенную выгоду адресанту. Если в качестве эксплицитного адресата рассматривать в данной ситуации организатора конференции, а в качестве имплицитного – всех ее участников, то даже эта двухвекторная обращенность зумбомбера не дает ощутимых результатов, поэтому целесообразность таких атак является сомнительной.

Интересным представляется тот факт, что зумбомберов рассматривают в одном ряду с хейтерами, троллями и пранкерами [4, с. 48–56]. Однако воздействие на адресата первых темпорально лимитировано ввиду особенностей условий протекания коммуникации. Кроме того, мы предлагаем разводить понятия «троллинг» и «зумбомбинг», т. к. любой вид троллинга имеет признаки провоцирования, побуждения, манипулирования [6, с. 213–218], тогда как зумбомбинг основывается на провоцировании и эпатаже. От медиаатаки, излюбленной тактики троллинга, когда тролли размещают в сетях провокационный контент (например, изуродованное животное на форум любителей животных) и таким образом провоцирующий участников данного форума, атака зумбомберов действует не опосредованно, а моментально, в момент получения доступа в конференции, вызывает негативные эмоции и несоответствующий теме общения ассоциатив-

ный ряд. Нельзя причислить зумбомбинг и к толстому троллю, который открыто идет на конфликт, провоцируя агрессию и вражду, но получает удаленную во времени реакцию жертв.

Провокация зумбомберов имеет четкую структуру:

- 1) подготовительный этап, нацеленный на поиск предстоящих конференций;
- 2) подбор соответствующего имени пользователя;
- 3) ожидание подключения к конференции;
- 4) непосредственный срыв конференции (в случае успешного подключения);
- 4) рефлексия после проведения провокации.

Во время провокации зумбомберы комментируют свои действия на площадках. Рассмотрим тактики провокации. В качестве иллюстрации приводим переписку, взятую из групп, указанных выше (орфография и пунктуация приводятся в оригинале).

На подготовительном этапе нарушители обозначают свое стремление сорвать зум-конференцию: *дайте конфу; дайте ссылку; найдите конфу*. При этом побудительные предложения сопровождаются обценной лексикой.

При подборе соответствующего имени для входа в конференцию зумбомберы опираются на информацию, взятую из ссылки-приглашения, договариваются между собой, кто и какое имя выбрал для дальнейших согласованных действий: *норм ник пишите Имя и Фамилию адекват; Я Илья Митон; Башкина Лера норм; я зашел под ником Кира Смирнова*. В момент подключения происходит обмен информацией: *без зала; рейдим; звук включен*. Отсутствие указанной в ссылке конференции вызывает агрессию зумбомберов, которая воплощается в крайне нелицеприятных выражениях и оскорблениях, направленных на организаторов. Если организатор конференции выводит нарушителя, то зумбомбер не скупится на нецензурные выражения в его адрес. В качестве примеров комментариев приведем нейтральные выражения: *она удалила меня; он запретил звук включать; Обидно, меня кинули; там микры были офнуты; меня прогнали*. После проведения провокации нарушители обмениваются эмоциями: *Слышали козла? это я орал!; Я ей... показал; Красавчик*. В некоторых случаях у зумбомберов появляется тревога о собственной безопасности: *Ребята, там какие-то типы важные, вдруг вычислить могут нас*.

Думается, что с зумбомбингом рано или поздно встретились все пользователи этой программы. Как показал наш опыт, тематика выкриков, нацеленных на срыв мероприятия, крайне узка: нецензурные высказывания, междометия сексуального характера, хаотичное выкрикивание политических лозунгов, как актуальных, так и устаревших. В качестве дополнительных средств используются записи криков животных, песни, видео. В качестве видеоряда нарушители выбирают фрагменты, содержащие элементы порнографии или применения физического воздействия на оппонента.

Как мы видим, весь материал зумбомберов носит табуированный во всех лингвокультурах характер, апеллируя к низшим витальным ценностям. Проанализировав статьи и комментарии зарубежных авторов, отметим и некоторую национальную специфичность используемых табуированных или вызывающих негативное отношение денотатов. Так, в российском интернет-пространстве одной из таких тем после 24 февраля стало проведение СВО и агрессивное противопоставление русского и украинского народов.

Как показал опрос, проведенный среди преподавателей высших учебных заведения и студентов, 74% опрошенных сталкивался с зумбомбингом, 97% опрошенных слышали или читали об этом. Безусловно, данное явление вызывает негативную оценку у пользователей Интернета, респонденты испытывали неприязнь, стыд, отвращение при срыве мероприятия. На вопрос «Вызывали ли зумбомберы конфликт среди участников» мы получили отрицательный ответ от 100% опрошенных.

Таким образом, системообразующими признаками зумбомбинга являются: доступ в зум-конференцию, срыв мероприятия посредством вербальных и невербальных помех, эмоциогенность, ассоциативный ряд, не соответствующий коммуникативной ситуации. Рассмотрение описываемого феномена представляет интерес, поскольку, несмотря на активное использование программы Zoom большим количеством потребителей, на данный момент практически отсутствуют исследования, посвященные зумбомбингу с лингвистической точки зрения. Несмотря на негативную коннотацию у слова *зумбомбинг*, он все же является формой коммуникации, что позволяет нам рассмотреть ситуацию срыва зум-конференции с точки зрения структуры коммуникации. Однако существует объективная нехватка материала для анализа, т. к. речевая деятельность зумбомберов носит фрагментарный характер.

Список литературы

1. Герасюкова М. В тюрьму за порно: чем нельзя заниматься в Zoom [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/06/13037941/zoombombing_jail.shtml (дата обращения: 01.11.2022).
2. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. М., 2009. С. 92–104.
3. Коробкина Н.И. Проблема экологичности современного окказионального словообразования // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2022. № 2(165). С. 155–161.
4. Печенегова А.Л. Троллинг как форма речевой агрессии в интернет-коммуникации школьников // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2021. № 4(216). С. 48–56.
5. Словарь русского языка коронавирусной эпохи / сост. Е.С. Громенко, А.Ю. Кожевников, Н.В. Козловская, Н.А. Козулина, В.М. Мокиенко, А.С. Павлова, М.Н. Приемышева, Ю.С. Ридецкая (отв. ред.). СПб., 2021.
6. Тумский С.В. Троллинг как форма провокации в интернет-пространстве // Изв. С.-Петерб. гос. экон. ун-та. 2020. № 5(125). С. 213–218.
7. Beard R. U.S. Attorney Matthew Schneider: From Zoom-bombs to cyberbullies, digital meetings have their challenges [Electronic resource] // The Detroit News. April 4 2020. URL: <https://www.detroitnews.com/story/news/local/michigan/2020/04/04/public-bodies-meet-amid-technical-challenges-pandemic/5106658002/> (дата обращения: 20.10.2022).
8. Eberwein T. «Trolls» or «warriors of faith»? Differentiating dysfunctional forms of media criticism in online comments [Electronic resource] // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2019. 16 January 2020. URL: <https://www.emerald.com/insight/content/doi/10.1108/JICES-08-2019-0090/full/html> (дата обращения: 20.10.2022).
9. Huberts Ch. Wie Trolle ungeschützte Zoom-Meetings infiltrieren [Electronic resource]. URL: <https://www.piqd.de/technologie-gesellschaft/wie-trolle-ungeschuetzte-zoom-meetings-infiltrieren> (дата обращения: 20.10.2022).

* * *

1. Gerasjukova M. V tyur'mu za porno: chem nel'zja zanimat'sya v Zoom [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/04/06/13037941/zoombombing_jail.shtml (data obrashcheniya: 01.11.2022).
2. Issers O.S. Strategiya rechevoj provokacii v publichnom dialoge // Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii. M., 2009. S. 92–104.
3. Korobkina N.I. Problema ekologichnosti sovremennogo okkazional'nogo slovoobrazovaniya // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2022. № 2(165). S. 155–161.
4. Pechenegova A.L. Trolling kak forma rechevoj agressii v internet-kommunikacii shkol'nikov // Vestnik Tom. gos. ped. un-ta. 2021. № 4(216). S. 48–56.
5. Slovar' russkogo yazyka koronavirusnoj epohi / sost. E.S. Gromenko, A.Yu. Kozhevnikov, N.V. Kozlovskaya, N.A. Kozulina, V.M. Mokienko, A.S. Pavlova, M.N. Priemysheva, Yu.S. Rideckaya (otv. red.). SPb., 2021.
6. Tumskij S.V. Trolling kak forma provokacii v internet-prostranstve // Izv. S.-Peterb. gos. ekon. un-ta. 2020. № 5(125). S. 213–218.

Zoom bombing as an object of linguistic research

The period of the pandemic of the coronavirus disease gave rise to the fields of the study, technics and production, motivating the search of the alternative ways of the solution of the current issues.

In the context of the linguistic analysis there is described 'Zoom bombing', there are revealed the structure of the behavior of the Zoom bombers and the targets, moved by them. Zoom bombing is considered as the speech provocation, supporting the destabilization of the emotional state of all the participants of the indirect communication.

Key words: mind control, Zoom bombing, provocation, speech strategies and tactics, digital etiquette.

ХУ ЮЙПИНЬ
(Волгоград)

**КОММУНИКАЦИЯ И КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ КАК ОБЪЕКТ
ИЗУЧЕНИЯ В ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ**

Описываются научные направления, так или иначе изучающие коммуникацию. Впервые интерес к изучению коммуникации был отмечен сто лет назад, за прошедший период сформировались отдельные научные дисциплины, методы, подходы к изучению коммуникации. Термин «коммуникативное поведение» фокусирует внимание исследователей на специфике вербального и невербального поведения языковой личности.

Ключевые слова: коммуникативистика, коммуникация, коммуникативное поведение, теория коммуникации, коммуникативистика, коммуникология, лингвокоммуникативистика, Китай, Россия.

В сегодняшнем быстро развивающемся мире, наполненном современными технологиями, проникшими во все сферы существования человека, коммуникация занимает доминирующую позицию, определяющую дальнейший прогресс общества. Коммуникация изучается в рамках языкознания, психологии, психолингвистики, социолингвистики, социологии, семиотики, этнографии, межкультурной коммуникации, теории коммуникации и др., что обусловило плюрализм в подходах к ее изучению (А.А. Колосова, Н.В. Поплавская, А.Н. Линде, Л.Н. Кибардина, А.Н. Иконникова, А.Ф. Невоструева и др.), в критериях описания (В.М. Березин, О.А. Лавров, А.В. Корсаков, В.В. Янковская, К.А. Мележик, Н.Г. Хлюпина, Л.В. Мрочко, А.А. Жук, Е.С. Шимолук и др.), в выделении структуры (И.Н. Беляева, А.Н. Кирюшин, Л.В. Каблукова, В.В. Сдобников, Н.А. Трибунская, В.Д. Шевченко, И.В. Деклерк, А.Г. Блудова и др.). Думается, что многочисленные подходы к изучению такого сложнейшего явления, как коммуникация, спровоцировали терминологическую перегруженность, что негативно сказывается на развитии коммуникативистики как науки [2, с. 115].

Кратко остановимся на научных направлениях, объектом изучения которых выступает коммуникативное поведение. Теория коммуникации (наука о коммуникации) –

раздел науки о коммуникации, при этом саму коммуникацию рассматривают как процесс передачи информации. В рамках данного подхода А.Б. Белоусов указывал на то, что коммуникативная теория основана на концепции коммуникативного процесса, в котором воздействует субъект (коммуникатор) на объект (реципиента). Участниками коммуникативного процесса могут быть отдельные личности и группы людей, социальные бренды, организации и институты, нации и общество в целом [1, с. 292–293].

Коммуникология – комплексная наука, интегрирующая знания о коммуникационных процессах как в социуме, так и в природе. При этом выделяются несколько подходов к ее содержанию: подходы механистического и интеракционного характера. В рамках интеракционного подхода нет единого мнения относительно самой сути коммуникации: является ли она производной от социальной структуры или осознанной деятельностью индивида [15, с. 167].

Коммуникативистика – наука, изучающая происхождение и функции информационно-коммуникационных систем, а также характер, форму и результат воздействия на мировую социальную жизнь [2, с. 14]. По мнению лингвистов К.Х. Делокарова, О.Ф. Киреевой, коммуникативные исследования рассматривают межличностное и/или межгрупповое общение, основной целью которого является создание взаимопонимания. Как бы коммуникатор ни общался с другим коммуникативным субъектом, если между коммуникаторами нет взаимопонимания, нельзя добиться положительных результатов [4, с. 27].

Прагмалингвистика – наука, предметом которой является отношение говорящего к используемым им символам [3, с. 3] и которая изучает отношение между языковыми единицами и условия их употребления в конкретных коммуникативно-прагматических пространствах, где взаимодействуют говорящие, слушающие и читающие [13, с. 269].

Дискурсивная лингвистика – лингвистическая наука, изучающая процесс формирования систематических грамматических представлений с учетом всех особенностей мотивационно-семантического, культурно-исторического, социально-ситуативного, лингвокоммуникативного планирования [9].

Лингвокоммуникативистика (коммуникативная лингвистика) – лингвистическая наука, изучающая теоретические основы и практические аспекты взаимодействия коммуникативных личностей в различных пространствах коммуникации [18]. Мы разделяем точку зрения И.В. Щегловой в том, что именно данная трактовка позволит купировать ряд подходов к интерпретации данного лингвистического феномена, выводя на первый план коммуникативное поведение и коммуникативную ситуацию [Там же].

Таким образом, мы видим, что сегодня коммуникация пристально изучается с различных точек зрения, тогда как первоначально направление лингвистики, изучающее коммуникацию, начало свое формирование в период Первой мировой войны: специалисты, изучающие общественное мнение, сосредоточили особое внимание на военной пропаганде и попытались проанализировать ее содержание и скрытый смысл путем подсчета частоты, с которой появлялись определенные символические знаки, в дальнейшем данный тип контент-анализа вышел из употребления [7, с. 39]. Позднее, в середине 1950-х гг., в России начала формироваться наука о коммуникации, или коммуникология (коммуникативистика). Появились исследования, направленные на изучение процесса кодирования и декодирования коммуникативно передаваемой информации, методологические проблемы формализации информации и др. [2, с. 8]. Зарубежные лингвисты Уилбур Шрамм и Чарлз Осгуд предложили интерактивную модель коммуникации – циклическую модель коммуникации. Появление именно этой коммуникативной модели (модели Осгуда – Шрамма) знаменует собой переход от монологической коммуникации к диалоговой модели с обратной связью [10, с. 14]. В результате многолетних исследований в области современной науки ученые подтвердили, что коммуника-

ция представляет собой двусторонний процесс, в котором каждый участник может построить ряд действий [15, с. 132]. В 1970-е гг. к изучению коммуникации активно подключились психологи и лингвисты, которые рассматривали коммуникацию как способ передачи мыслей посредством слов, а в 1980-е гг. обсуждением проблем коммуникации занялись социологи. Тематика исследований включала национально-культурные особенности речевых актов, национальную психологию коммуникативного поведения, коммуникативные особенности советских людей и др. Для исследований этого периода было характерно рассматривать коммуникативное поведение в связке с личностными особенностями участников общения, т. к. само общение отражает определенный культурный феномен [2, с. 9].

До начала XXI в. в исследованиях коммуникация рассматривалась как социальная коммуникация, как фактор, влияющий на социальный процесс. Согласно Ф.И. Шаркову, коммуникация в неживом мире существует, но, когда человек или группа взаимодействует с неживым миром или животными, ситуацию нельзя считать социальной коммуникацией. Коммуникация – это межличностное взаимодействие людей с целью обмена информацией в различных сферах. В широком смысле под социальной коммуникацией понимается социально обусловленный процесс передачи и восприятия информации по различным каналам и с использованием различных коммуникативных средств во взаимодействии между людьми и группами или общественностью [17, с. 10–13]. Коммуникация представляет собой сложный символический, личный, транзакционный и часто бессознательный процесс. Коммуникация позволяет участникам выражать некоторую информацию за пределами самих участников, их внутренних эмоциональных состояний и их ролей идентичности по отношению друг к другу [Там же].

Многочисленные подходы к трактовке термина «коммуникация» попытался обобщить М.А. Василиск, выделив основные значения в соответствии с различными концепциями понимания коммуникации:

- универсальный (очень широкий), где под коммуникацией понимается способ связи какого-либо объекта в материальном и духовном мирах;
- технический, соответствующий представлению о коммуникации как о средстве общения, передающем информацию из одного места в другое;
- биологический, в рамках которого в основном изучаются поведенческие проблемы и который используется для изучения способов передачи сигналов у животных, птиц, насекомых и т. д.;
- социальный, используемый для обозначения и характеристики различных связей и отношений, возникающих в человеческом обществе (обычно в этом контексте говорят о социальной коммуникации, т. е. о процессе коммуникации в обществе, и теория коммуникации относится к последнему смыслу коммуникации [2, с. 11]).

В нашем исследовании в большей степени рассматривается именно последнее понятие.

Исследователи (О.И. Таюпова и Л.Г. Юсупова) полагают, что в рамках лингвистических исследований коммуникация считается тесно связанной с политическими, когнитивными, культурными и другими факторами. В частности, изучением культурного диалога занимается межкультурная коммуникация, представляющая собой своеобразную систему коммуникации, потому что она может сочетать два и более социокультурных образования [14, с. 563].

Поскольку проблемы коммуникации изучаются на многих уровнях или в разных областях гуманитарного знания, начинают формироваться новые концепции, одним из результатов которых стал термин «коммуникативное поведение», предложенный в 1989 г. И.А. Стерниным.

При поддержке Межрегионального исследовательского центра коммуникации кафедр общего языкознания и стилистики Воронежского университета И.А. Стернин

и Ю.Е. Прохоров, Ю.Д. Камбаралиева, М.А. Стернина и другие лингвисты систематически описывали коммуникативное поведение и публиковали результаты исследований. Коммуникативное поведение рассматривалось в связи с этнокультурным своеобразием (А.Ш. Юсупова, Г.А. Набиуллина, Г.Н. Галимова, Л.Г. Ярмолинец, М.Н. Кунина и др.), в рамках обучения иностранному языку (А.М. Шур, Г.Е. Соколова, Н.Н. Ачкасова, Л.А. Чернышёва, О.Н. Великанова и др.), изучалось гендерно-возрастное коммуникативное поведение (Е.Ю. Джандалиева, Г.А. Туманова (Адаменко), З.Р. Хачмафова, Е.В. Чупракова, Г.Ю. Тележникова, Н.А. Морева и др.), проводились сравнительно-сопоставительные исследования коммуникативного поведения (И.А. Стернин и Ю.Е. Прохоров, В.К. Кочергина, И.Ю. Филатова и др.) и т. д.

В своей работе лингвисты И.А. Стернин и М.А. Стернина предлагают уникальную модель коммуникативного взаимодействия людей [11, с. 13]. По мнению И.А. Стернина и У.Д. Камбаралиевой, под коммуникативными нормами понимаются правила коммуникации (следует приветствовать друзей, благодарить за службу и т. д.), которые соблюдаются в данном языковом и культурном сообществе. Коммуникативные традиции относятся к правилам, которые не являются обязательными, но соблюдаются большинством людей и считаются социально обязательными (спрашивать старика о его здоровье, предлагать помощь женщине и т. д.) [12, с. 22]. Иными словами, коммуникативные нормы и традиции можно рассматривать как юридически и морально обязательные правила в обществе соответственно.

Ю.Е. Прохоров и И.А. Стернин разделили эти нормы на нормативные и ненормативные, а нормы коммуникативного поведения рассмотрели с четырех сторон: общекультурные нормы, групповые нормы, ситуативные нормы и индивидуальные нормы, указав, что общекультурные нормы коммуникативного поведения являются характеристиками всей языковой и культурной общности, во многом отражают принятые правила этикета и вежливой коммуникации и имеют определенный национальный характер; групповые нормы отражают коммуникативные особенности конкретных профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп и воплощаются в культуре; ситуативные нормы возникают при детерминации коммуникации конкретными экстралингвистическими контекстами; индивидуальные нормы коммуникативного поведения отражают индивидуальную культуру и коммуникативный опыт, являются индивидуальными отражениями общекультурных и ситуативных коммуникативных норм языковой личности [8, с. 16].

В свою очередь, В.И. Карасик выдвигает свою гипотезу понимания коммуникативного поведения: важнейшим признаком языка как коммуникативного явления является сочетание с ситуацией. Сам речевой акт – это акт, целью которого является поддержание связи, воздействие друг на друга, обмен информацией, самовыражение [5, с. 343]. Исследователь предложил следующие теоретические постулаты, касающиеся исследования коммуникативного поведения:

- 1) коммуникативное поведение ситуативно;
- 2) коммуникативное поведение детерминировано культурой;
- 3) единицей коммуникативного поведения является транслируемый смысл, т. е. символически выраженное переживаемое отношение участников общения к миру, ситуации, партнеру и себе;
- 4) транслируемые смыслы допускают множественную интерпретацию;
- 5) естественное общение характеризуется синкретичностью рационального и эмоционального содержания;
- 6) коммуникативное поведение многомерно и партитурно;
- 7) важной характеристикой общения является его функциональная подвижность (лабильность);

- 8) коммуникативное поведение проявляется в определенном дискурсе;
- 9) коммуникативное поведение характеризуется как регулярными моделями передачи смыслов, так и отклонениями от этих моделей;
- 10) интерпретация реального общения строится на основе экзегетики, т. е. развернутого ситуативно-культурного толкования, основанного на принципе целостного, гештальтного восприятия;
- 11) исследовательские модели коммуникации основаны на учете трех параметров – личности, концептов и дискурса [6].

В целом проблемное поле коммуникативистики содержит следующие понятия: «национальное коммуникативное поведение», «лингвокультурная общность», «коммуникативная культура», «коммуникативные нормы», «коммуникативные традиции», «коммуникативный шок», «вербальное коммуникативное поведение», «невербальное коммуникативное поведение», «возрастное коммуникативное поведение», «личностное коммуникативное поведение», «стандартная коммуникативная ситуация», «коммуникативные категории», «коммуникативная сфера», «социальный символизм», «коммуникативное действие», «параметр коммуникативного поведения», «коммуникативный признак», «коммуникативный факт», «коммуникативный фактор», «коммуникативная стратегия», «аспект коммуникативного поведения», «коммуникативное сознание», «менталитет», «продуктивное, рецептивное, реактивное, нормативное, ненормативное коммуникативное поведение», «табу», «императивы» [12, с. 22–24].

Несколько иной подход к изучению коммуникативного поведения представлен в лингвокультурологии. Исследователями предпринимается попытка выделения поведенческих концептов, соответственно «коммуникативное поведение» представляется как концепт [16]. Кроме того, термин «коммуникативное поведение» получил широкое распространение в рамках теории межкультурной коммуникации. Поскольку данное направление носит междисциплинарный характер, исследователи пользуются моделями описания, разработанными в вышеперечисленных научных направлениях.

Обзор научных исследований за последние 5 лет позволяет выявить направление развития коммуникативистики: 1) исследование межкультурного коммуникативного поведения; 2) исследование коммуникативистики в средствах массовой информации; 3) исследование социальных и политических аспектов коммуникативистики.

Говоря об изучении коммуникации в Китае, целесообразно указать на 80-е гг. XX в., когда с проведением реформ и провозглашения политики открытости в научную сферу интересов было введено изучение проблем коммуникации. Данное направление быстро развивалось и оформилось в так называемую 交际学 (коммуникативистику). Китайские ученые обсуждали феномен коммуникации с позиций культуры, языкознания, социологии, психологии и т. д. Перечислим наиболее известные публикации: «Коммуникативистика» 李元授 (Ли Юаньшоу), «Культурология коммуникации» 陈大正 (Чэнь Дачжэн), «Информатика коммуникации» 丁煌 (Дин Хуан), «Когнитология коммуникации» 张掌然 (Чжан Чжанжань), «Искусство коммуникации» 李树荫 (Ли Шуинь) [20, с. 97], «Современная коммуникативистика» 匡玉梅 (Куан Юймэй), «Лингвистика речевой коммуникации» 岑运强 (Чэнь Юньцзянь). В названных выше трудах коммуникация рассматривалась с различных позиций.

Наибольшее внимание к вопросам изучения коммуникации уделялось в рамках теории межкультурной коммуникации. Со временем сформировался ряд направлений, нацеленных на решение вопросов, связанных с различными аспектами коммуникации: межкультурная коммуникация (胡文仲 (Ху Вэньчжун), 关世杰 (Гуань Шицзе), 贾雨新 (Цзя Юйсинь), 庄恩平 (Чжуан Эньпин), 韩红 (Хань Хун), 林大津 (Линь Дацзинь) и др.); коммуникативные методы обучения (孙黎 (Сунь Ли), 辛斌 (Синь Бинь), 史宝辉 (Ши Баохуэй), 李筱菊 (Ли Сяоцзюй), 王霞 (Ван Ся), 罗德琼 (Ло Дэцюн) и др.); коммуникатив-

ные методы и умения (李伟 (Ли Вэй), 李杨 (Ли Ян), 周永模 (Чжоу Юнмо), 刘洪泉 (Лю Хунцюань) и др.); вербальная коммуникация (赵毅 (Чжао И), 钱为刚 (Цянь Вэйган), 李春玲 (Ли Чуньлин), 李静 (Ли Цзин), 张德禄 (Чжан Дэлу) и др.); невербальная коммуникация (魏梦琪 (Вэй Мэнци), 张燕燕 (Чжан Яньянь), 薛常明 (Сюе Чанмин), 白丽梅 (Бай Лимэй), 杜榕 (Ду Жун) и др.); коммуникативное поведение (林书勤 (Линь Шучинь), 赖良涛 (Лай Лянтао), 李群英 (Ли Цюньин), 黄会健 (Хуан Хуэйцзянь), 陈荣杰 (Чэнь Жунцзе) и др.); коммуникация в Интернете (刘倩倩 (Лю Цяньцянь), 于光辉 (Юй Гуанхуэй), 陈新良 (Чэн Синьян), 李敏 (Ли Минь) и др.).

В «Современном китайском словаре» коммуникация трактуется как “人与人之间的往来接触, 社交” (контакт между людьми; социальная коммуникация) [27, с. 649]. В целом же нужно отметить, что имеют место два взгляда на понимание термина: коммуникация представляет собой двусторонний тип поведения, при котором обе стороны общаются и влияют друг на друга; коммуникация является односторонним типом поведения [19, с. 9]. Лингвист 陈大正 (Чэнь Дачжэн) рассмотрел место культуры в коммуникативном процессе с точки зрения взаимодействия социальных групп и пришел к выводу: коммуникация – это способ поведения групп людей, содержание которого является наследием группового опыта и характеризуется использованием символов. Коммуникация – это поведенческий способ, с помощью которого группы людей используют символы для передачи опыта [Там же]. В рамках социолингвистического анализа профессор 李元授 (Ли Юаньшоу) предлагает понимать коммуникацию как социальную активность, происходящую между людьми, при этом используемыми средствами могут быть только символы и некоторые субстанции, которые имеют символический характер [23, с. 61].

岑运强 (Цэнь Юньцянь) рассмотрел коммуникацию с точки зрения социологии: коммуникация – это социальное поведение, при котором люди используют определенные носители для передачи информации, обмена идеями и передачи чувств для достижения определенной цели. В зависимости от используемых средств коммуникация делится на вербальную (с использованием языка) и невербальную (носители, отличные от разговорной речи) [21, с. 1–2]. 匡玉梅 (Куан Юймэй) разделяет данную точку зрения и считает, что коммуникация – это процесс обмена информацией между людьми, т. е. люди используют вербальную или невербальную информацию для обмена мнениями, передачи идей, выражения чувств и потребностей [22, с. 4]. Исходя из вышесказанного, мы можем обобщить понятие коммуникации: это процесс социального взаимодействия, в котором происходит обмен мнениями, эмоциями и информацией между людьми или группами посредством вербальных и невербальных средств.

Переход от коммуникативных исследований к исследованиям коммуникативного поведения также является одной из ключевых тем, на которую обращают внимание китайские ученые, но только в 2000 г. исследования по этой теме получили широкое распространение. Ученые проанализировали коммуникативное поведение с разных точек зрения. На основе сбора, систематизации и классификации документов в базе данных китайской литературы можно сделать вывод, что исследования коммуникативного поведения в основном охватывают следующие направления: вербальное и невербальное коммуникативное поведение в обучении (余珍有 (Юй Чжэнью), 徐娜 (Сюй На), 田晓娜 (Тянь Сяона), 唐丽丽 (Тан Лили), 宋玉琴 (Сун Юйцин), 余汉英 (Юй Ханьин) и др.); вербальное и невербальное коммуникативное поведение в межкультурной коммуникации (秦明利 (Цинь Минли), 刘春鸽 (Лю Чуньге), 王美玉 (Ван Мэйюй), 李珊珊 (Ли Шаньшань), 陈晓靖 (Чэнь Сяоцзин), 霍姝颖 (Хо Шуин) и др.); вербальное и невербальное коммуникативное поведение в повседневной жизни (许庆红 (Сюй Цинхун), 李薇 (Ли Вэй), 王志民 (Ван Чжиминь), 周江林 (Чжоу Цзянлин) и др.); гендерные различия в коммуникативном поведении (张睿 (Чжан Жуй), 宁婧 (Нин Цзин), 马洁 (Ма Цзе) и др.).

др.); коммуникативное поведение детей (韩戈玲 (Хан Гэлин), 黄文珊 (Хуан Вэньшань) и др.); анализ коммуникативного поведения в Интернете (于光辉 (Юй Гуанхуэй), 陈新良 (Чэн Синьлян) и др.); роль или влияние коммуникативного поведения в деловой деятельности (严桂林 (Янь Гуйлинь), 刘秀琴 (Лю Сюцинь), 张微 (Чжан Вэй) и др.); влияние культурных факторов на коммуникативное поведение (李艳辉 (Ли Яньхуэй), 夏玉立 (Ся Юйли), 侯巧红 (Хоу Цяохун) и др.) и т. д.

Межличностное общение в основном осуществляется посредством вербального и невербального поведения [24, с. 55]. В соответствии с темами исследований вышеупомянутых ученых мы можем обнаружить, что китайские ученые также изучают коммуникативное поведение с двух основных направлений невербального поведения и вербального поведения. По мнению 陈大正 (Чэнь Дачжэн), средством коммуникации, используемым людьми при вербальном общении, является язык, а язык – это символ коммуникации [19, с. 16].

李惠玉 (Ли Хуэйюй) полагает, что невербальное коммуникативное поведение – это все виды коммуникативного поведения, кроме вербального [24, с. 159]. Поскольку понятие невербального коммуникативного поведения широко, то и лингвисты, и социологи предлагают многочисленные методы для классификации. Так, лингвист 毕继万 (Би Цзиван) разделил невербальное коммуникативное поведение на четыре категории:

- язык тела;
- параязык;
- язык объектов;
- язык окружающей среды.

Данный подход – наиболее часто используемый и широко признанный метод классификации невербального коммуникативного поведения в Китае [28, с. 452]. Исследователь 张雪 (Чжан Сюе), ссылаясь на него и теории других ученых, разделила невербальное коммуникативное поведение на четыре категории: квазилингвистический язык (параязык), язык тела, язык окружающей среды и абстрактный язык [Там же].

Кроме того, в контексте изучения китайского общества исследователи чаще всего анализируют коммуникативные проблемы с позиции культурологии или социологии, среди которых отдельным направлением выступает межкультурное коммуникативное поведение. 尉立萍 (Вэй Липин) провела исследования в рамках культурологии, установив связь между осознанием поведения и успехом межкультурной коммуникации. Несмотря на то, что внешность и манера поведения людей, принадлежащих к разным культурам, во многом похожи, на их поведение влияют семья, общество, регион, национальная культура и т. д., что приводит к определенным различиям. Поэтому в межкультурном общении необходимо знать культурный фон другой стороны [26, с. 95]. Ученые 秦明利 (Цинь Минли) и 刘春鸽 (Лю Чуньгэ) исследовали сущность межкультурного коммуникативного поведения с философской точки зрения, основанной на концепции “Vision”. Они считают, что межкультурное коммуникативное поведение является актом поиска знаний и истины [25, с. 13].

Резюмируем изложенное. Коммуникация занимает ведущую позицию в эволюции человечества, характер и способ коммуникации меняется с развитием человеческого общества. Коммуникация привлекает ученых разных стран в качестве объекта исследования. В настоящий момент существуют различные научные направления, нацеленные на изучение коммуникации. С лингвистической точки зрения коммуникация может быть описана посредством анализа коммуникативного поведения человека.

Список литературы

1. Белоусов А.Б. Управление коммуникацией. Критические замечания к теории коммуникации // Антиномии. 2003. № 4. С. 292–314.

2. Василик М.А. Основы теории коммуникации. М., 2003.
3. Вахтель Н.М. Основы прагмалингвистики: учеб.-метод. пособие для вузов. Воронеж, 2008.
4. Делокаров К.Х., Киреева О.Ф. Развитие фундаментальных направлений коммуникологии // Коммуникология. 2019. Т. 7. № 2. С. 25–39.
5. Карасик В.И. Языковые ключи. Волгоград, 2007.
6. Карасик В.И. Языковые ключи. М., 2009.
7. Кузнецов В.Ф. Понятия и модели коммуникаций: теоретический аспект // Коммуникология. 2014. № 1. С. 39–45.
8. Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 4-е изд. М., 2011.
9. Попова Е.А. Культурно-языковые характеристики политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1995.
10. Саакян А.К., Мелконян Н.А. Проблема обеспечения обратной связи в PR-коммуникациях // Социология и право. 2017. № 3(37). С. 13–17.
11. Стернин И.А., Стернина М.А. Очерк американского коммуникативного поведения. Воронеж, 2001.
12. Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2(16). С. 20–34.
13. Сусов И.П. История языкознания. М., 2007.
14. Таюпова О.И., Юсупова Л.Г. Лингвистические аспекты теории коммуникации // Вестн. Башкир. ун-та. 2014. Т. 19. № 2. С. 561–565.
15. Тихомирова Е.И. Наука о коммуникации: к объему понятия // Вестн. Челяб. гос. ун-та. 2016. № 9(391). С. 166–171.
16. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.
17. Шарков Ф.И. Коммуникология: основы теории коммуникации: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2010.
18. Щеглова И.В. Национально-русское двуязычие в коммуникативном поведении естественных билингов: характеристики, типы, тенденции: дис. ... д-ра филол. наук. Майкоп, 2019.
19. 陈大正. 交际文化学[M]. 华中理工大学出版社, 1996. (Чэнь Дачжэн, Культура коммуникации. М., 1996.)
20. 陈荣杰. 论交往与交际的区别—兼论交际学的定位[J]. 华东理工大学学报(社会科学版), 2000(03): 97–101 (Чэнь Жунцзе. О разнице между сношениями и коммуникацией – также об ориентации коммуникативистики // Вестн. Вост.-кит. политехн. ун-та. 2000. № 3. С. 97–101).
21. 岑运强. 言语交际语言学[M]. 中国人民大学出版社, 2008 (Цэнь Юньцянь. Лингвистика речевой коммуникации. М., 2008).
22. 匡玉梅. 现代交际学[M]. 中国旅游出版社, 2003 (Куан Юймэй. Современная коммуникация. М., 2003).
23. 李元授. 交际学[M]. 武汉测绘科技大学出版社, 1991 (Ли Юаньшоу. Коммуникативистика. М., 1991).
24. 李惠玉. 非语言交际行为的理论与应用[J]. 科技信息. 2009(31): 947 (Ли Хуэйюй. Теория и применение невербального коммуникативного поведения // Наука и техническая информация. 2009. № 31. С. 947).
25. 秦明利, 刘春鸽. “视见”概念下跨文化交际行为的本质[J]. 东北亚外语研究, 2016(3): 8–13 (Цинь Минли, Лю Чуньгэ. Сущность межкультурного коммуникативного поведения в рамках концепции “Vision” // Исследования иностранных языков в Северо-Восточной Азии. 2016. № 3. С. 8–13).
26. 尉立萍. 跨文化交际行为举止认知[J]. 韶关学院学报, 2005(7): 91–95, 141 (Вэй Липин. Поведение и осознание в межкультурной коммуникации // Вестн. Шаогуан. ун-та. 2005. № 7. С. 91–95, 141).
27. 现代汉语词典 / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 第7版. 北京: 商务印书馆, 2016 (Современный словарь китайского языка / под ред. Отдела лексикографии Института языкознания Китайской академии общественных наук. 7-е изд. Пекин, 2016).
28. 张雪. 有关非语言交际行为的重新分类[J]. 卷宗, 2014(10): 452–453 (Чжан Сюе. Реклассификация невербального коммуникативного поведения // Дело. 2014. № 10. С. 452–453).

1. Belousov A.B. Upravlenie kommunikacij. Kriticheskie zamechaniya k teorii kommunikacii // Antinomii. 2003. № 4. S. 292–314.
2. Vasilik M.A. Osnovy teorii kommunikacii. M., 2003.
3. Vahtel' N.M. Osnovy pragmalingvistiki: ucheb.-metod. posobie dlya vuzov. Voronezh, 2008.
4. Delokarov K.H., Kireeva O.F. Razvitie fundamental'nyh napravlenij kommunikologii // Kommunikologiya. 2019. T. 7. № 2. S. 25–39.
5. Karasik V.I. Yazykovye klyuchi. Volgograd, 2007.
6. Karasik V.I. Yazykovye klyuchi. M., 2009.
7. Kuznecov V.F. Ponyatiya i modeli kommunikacij: teoreticheskij aspekt // Kommunikologiya. 2014. № 1. S. 39–45.
8. Prohorov Yu.E., Sternin I.A. Russkie: kommunikativnoe povedenie. 4-e izd. M., 2011.
9. Popova E.A. Kul'turno-yazykovye karakteristiki politicheskogo diskursa: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 1995.
10. Saakyan A.K., Melkonyan N.A. Problema obespecheniya obratnoj svyazi v PR-kommunikacijah // Sociologiya i pravo. 2017. № 3(37). S. 13–17.
11. Sternin I.A., Sternina M.A. Oчерk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniya. Voronezh, 2001.
12. Sternin I.A., Kambaralieva U.D. Teoreticheskie problemy opisaniya kommunikativnogo povedeniya // Kommunikativnye issledovaniya. 2018. № 2(16). S. 20–34.
13. Susov I.P. Istoriya yazykoznaviya. M., 2007.
14. Tayupova O.I., Yusupova L.G. Lingvisticheskie aspekty teorii kommunikacii // Vestn. Bashkir. un-ta. 2014. T. 19. № 2. S. 561–565.
15. Tihomirova E.I. Nauka o kommunikacii: k ob'emu ponyatiya // Vestn. Chelyab. gos. un-ta. 2016. № 9(391). S. 166–171.
16. Chesnokov I.I. Mest' kak emocional'nyj povedencheskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisaniya v kontekste russkoj lingvokul'tury): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2009.
17. Sharkov F.I. Kommunikologiya: osnovy teorii kommunikacii: uchebnik. 2-e izd., pererab. i dop. M., 2010.
18. Shcheglova I.V. Nacional'no-russkoe dvuyazychie v kommunikativnom povedenii estestvennyh bilingvov: karakteristiki, tipy, tendencii: dis. ... d-ra filol. nauk. Majkop, 2019.



***Communication and communicative behavior as the object under study
in the Humanities***

The article deals with the description of the scientific fields, studying the communication. Firstly, the interest to the study of the communication was noticed a hundred years ago; the particular science disciplines, methods and approaches to the study of the communication have been developed over the past period of time. The term “communicative behavior” focuses the researchers’ attention on the specificity of the verbal and nonverbal behavior of the linguistic persona.

Key words: *communication science, communication, communicative behavior, communication theory, communicology, Linguo-Communication science, the People’s Republic of China, Russia.*

**КОМПЛИМЕНТЫ И ОСКОРБЛЕНИЯ
В РУССКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ**

Рассмотрены речевые акты комплимента и оскорбления в русской лингвокультуре. Проведен сравнительный анализ и дана характеристика сходств и различий комплимента и оскорбления в русском речевом поведении. Несмотря на существенные различия между комплиментом и оскорблением, природа этих феноменов в русской речи имеет и множество схожих черт.



Ключевые слова: комплимент, оскорбление, речевой акт, семантика комплимента и оскорбления, оценка.

Комплименты и оскорбления относятся к сложным и вместе с тем интересным элементам речевого акта, заслуживающим особого внимания в связи с коммуникативной интенцией адресанта на успешную/неудачную реализацию речевого общения. Современная коммуникация характеризуется ярко акцентированным выражением как положительных, так и отрицательных эмоциональных состояний, проявляемых в речевом добродушии/агрессии. В основе комплимента и оскорбления лежит оценка, которая служит либо поддержанию общения, установлению контакта между общающимися (комплимент), либо же, наоборот, ведет к разрыву отношений между ними, т. е. приводит к конфликту (оскорбление). Посредством общения мы выражаем чувства и мысли одновременно. Человек всегда нуждается в положительных эмоциях. Когда человек слышит или получает комплимент, он испытывает положительные эмоции и «заряжается» переживанием удовольствия от ситуации общения с собеседником, соответственно, и его самооценка повышается.

Комплимент и похвала – онтологически близкие феномены. Они близки по своей коммуникативной цели, но их главное различие состоит в том, что похвала нацелена на положительное санкционирование действий, размышлений, рассуждений человека, в целом на положительную оценку чьей-либо деятельности, в то время как в интенцию автора комплимента входит задача выражения его добрых чувств, благорасположения к собеседнику. В общении между знакомыми и близкими основная цель комплимента для русского человека – сделать приятное собеседнику, улучшить эмоциональную атмосферу общения.

Далее уместно привести развернутую и, на наш взгляд, исчерпывающую дефиницию рассматриваемому явлению О.С. Аршиновой: «Комплимент – это положительно-оценочный речевой акт, направленный на формирование положительной эмоциональной реакции собеседника, отличающийся повышенной эмоциональностью, субъективностью оценки, наличием небольшого преувеличения и установки на художественность» [1, с. 8].

К оскорблению в обыденном понимании относят любые слова с негативной семантикой. Важное условие для признания речевого высказывания оскорбительным – это наличие у говорящего (оскорбителя) намерения обидеть другого. При отсутствии такого намерения высказывание перестает соответствовать характеристике речевого акта оскорбления и переходит в разряд оценочных высказываний. Грубость всегда влечет эмоциональные последствия для участников общения. Она приводит к появлению отрицательных эмоций.

Речевой акт «комплимент» направлен на эмоциональное сближение, установление добрых отношений, создание расположения к себе. Речевой акт «оскорбление» направлен на эмоциональное отдаление, разрыв добрых отношений, создание нерасположения к себе. Compliment и оскорбление управляют коммуникативной дистанцией между людьми.

Можно выделить еще один фактор, который сближает эти речевые акты. Оскорбляя или делая комплимент, говорящий тем самым вторгается в личную зону партнера по общению, при этом переходя на личности, обижая или восхваляя собеседника. Compliment и оскорбление могут быть поводом смены стиля общения на неформальный для комплимента и грубо фамильярный для оскорбления.

Далее следует заметить, что оценка лежит в основе таких противоположных явлений, как комплимент и оскорбление. Оскорбляющий или делающий комплимент человек отрицательно или положительно оценивает адресата, равно как и объект оценки. Мотивы комплимента и оскорбления совпадают, чтобы непосредственно слушающий знал о положительной или отрицательной оценке и был или доволен в случае комплимента, или оскорблен, задет, уязвлен в случае оскорбления.

Постараемся сделать сравнительный анализ и дать характеристику сходств и различий комплимента и оскорбления. Семантика комплимента состоит в высшей степени положительном отношении к другому человеку, часто в восхищении его достоинствами (внешность, черты характера, поступки и т. п.). Нередко комплимент переключается с похвалой. Приведем в качестве примера ряд высказываний из повседневной коммуникации: *Какая ты способная, всегда все делаешь лучше всех. Какая же ты утонченная, Марина. Платье – шик, так тебе идет. Ты сегодня всех превзошел, как же тебе это удастся. Я бы никогда не дала вам больше 40 (человеку, которому за 50). Ты такой смелый!* Compliment направлен на создание определенного модуса благорасположения, поддержание контакта, проявление доброго отношения к собеседнику, выражение одобрения, восхищения, признания.

Compliment может быть прямым и косвенным, открытым и скрытым. Проиллюстрируем сказанное примерами: *У вас безупречный вкус* (compliment сделан напрямую, говорящий восхваляет хороший вкус собеседника); *Я восхищаюсь всем, что вы говорите и делаете* (здесь дается прямая оценка поступкам и речи адресата); *Вы одеваетесь как моя мама. У нее безупречный вкус, и она всегда выглядит, как будто в ресторан идет* (адресант через оценку своей мамы выражает восторг собеседнику умением прекрасно одеваться; в данном случае комплимент сделан косвенно, через сравнение с качествами матери, которые он параллельно переносит на собеседника).

Приведем еще несколько примеров с комментариями: *Все вещи на тебе сидят идеально. Сколько раз в неделю ты занимаешься в тренажерном зале?* (совершенно очевидно, что собеседника явно не волнует, сколько раз человек занимается в тренажерном зале, его восхищает прекрасная фигура адресата и через вопрос он выражает свой восторг); *Приятно иметь дело с умным человеком;* *Теперь я понимаю, в кого этот талантливый ребенок. Женщины с таким взглядом самые сексуальные* (говорящий дает возможность слушающему самому сделать вывод о том, что сказанное имеет к нему отношение; в данном случае мы имеем дело со скрытым комплиментом).

Роль оскорбления иного свойства. Это своего рода уколы, критика, издевки, подаваемые под видом чистой правды, в которой есть доля истины, нацеленная на то, чтобы тот, кому направлено оскорбление, поверил сказанному в его адрес. Семантика оскорбления состоит в неприятии внешних качеств человека, черт его характера, в отторжении их от себя. Такое неприятие, вербально оформленное, может быть выражено с разной степенью экспрессивности и восприниматься соответственно более или менее болезненно, в зависимости от того, что считает для себя предельно обидным, оскорбительным объект оценки, что в большей мере унижает его как личность. Ср.: *Тупица! При-*

дурак! Критин! Мерзавец! Элементарного сделать не можешь! Ну ты и debil! Сходи к врачу! Это надо быть таким уродом! Не петь, не рисовать! В себя поверил? и т. п.

При характеристике оскорбления следует отметить, что оно, будучи открытым по форме, т. е. прямым, может выражать мнение третьих лиц, т. е. иметь косвенный характер, например: *Ты трус! Ужасная прическа! Всегда такой придурок?* В подобного рода примерах имеет место прямое оскорбление, использование прямых оценочных номинаций. В нижеприведенном примере иная ситуация: *Ты ведешь себя как базарная баба! Господи, ну разнылся как маленький мальчик. Ты мужик или кто? Страшнее атомной войны. Одеся, как бомж.* Здесь просматривается оскорбительный акт со сравнением как его компонентом. Посредством такого приема, как сравнение, говорящий выступает в роли эксперта, ценителем хорошего и плохого, правильного и критикующего. Рассмотрим ниже ряд примеров.

Предупреждали меня, что с тобой лучше не связываться. Все говорят, что ты идиот, а я еще сомневалась. Даже твои друзья говорят, что ты жмот. Говорящий от лица третьих лиц дает оценку, тем самым представляя качества или свойства субъекта оскорбления как неоспоримый факт, апеллируя к коллективному мнению. При этом сам говорящий как бы всего лишь присоединяется к мнению окружающих, а его самоустранение убеждает в истинности недостатков объекта оценки, создает видимость объективности выносимого, если так можно выразиться, экспертного заключения. В следующем примере можно говорить об оскорблении на расстоянии, говорящий использует обобщенное мнение, афоризм, тем самым подтверждая объективность своего посыла: *Теперь я знаю, что такое стерва. Я всегда подозревал, что овны психопаты, и от них стоит держаться подальше.*

Таким образом, семантика комплимента и оскорбления имеет общее основание – оценку, которая направлена на возвышение или на унижение адресата. Оскорбление – это всегда прямое, открытое выражение негативного отношения к кому-либо, и поэтому оно заведомо искренне. Compliment принадлежит к этикетному поведению и не обязательно должен быть искренним, но это не означает, что всякий комплимент заведомо фальшив или притворен. Функция речевого этикета – сдерживать выражение эмоций, а т. к. искренность сопряжена с эмоциями, то подтверждается тот факт, что комплимент находится за пределами области искренних отношений. В русской лингвокультуре поиск правды является основополагающим в общении, поэтому комплимент зачастую расценивается как лесть, неискренность, корысть или скрытый мотив получить выгоду, добиться каких-то целей. Оскорбление же, напротив, лишено корыстных помыслов, т. к. невозможно оскорбить для извлечения выгоды, поэтому искренность является важной составляющей оскорбления.

В развитии затронутой лингвистической проблемы считаем важным кратко остановиться и на вопросе прикладного характера. В России не принято говорить комплименты. Зачастую возникает ощущение, что там, где можно сказать что-нибудь приятное, не обязательно лживое, лесть может быть лживой, а комплименты, как правило, правдивы, они должны иметь в своей основе какой-то элемент истины или реального положения вещей, реального восприятия человека. В ответ на комплимент русский человек часто не знает, как реагировать, порой даже не способен улыбнуться. В русском обществе не принято улыбаться, а те, кто улыбаются, как говорится, беспричинно улыбаются, вызывают настороженность и подозрение.

Зададимся вопросом, почему русские не могут говорить комплименты и разучились улыбаться? Обычно это объясняется культурой, воспитанием и социальными нормами, менталитетом. Compliment в первую очередь считается элементом речевого этикета и как речевой этикет в целом имеет ярко выраженный национальный характер.

Действительно, русский человек воспитывается с детства в грубости, в атмосфере подозрительности и понукания начиная с детского сада. У нас не принято хвалить, не

принято поощрять словесно, у нас принято критиковать, понукать, тыкать и больно задевать. Похвала встречается крайне редко. Причем этот стиль очень часто (далеко не всегда, но очень часто) принят и в семьях. Молчаливо предполагается, что если ребенок ведет себя хорошо, то это норма и, соответственно, хвалить его не за что. Но если ребенок провинился и в школе написали жалобу (даже за незначительный проступок), то начинается шквал критики, причем масштаб критики нередко не пропорционален проступку. Объясняется все интересами критикуемого человека. Можно услышать, что сейчас человека критикуют ради его же собственного блага. Все это начинается в детском саду, потом переносится в школу, а дальше во все социальные институты.

Однако маленький человек, на наш взгляд, нуждается не в критике и понукании, а в ласке, теплоте и поощрении. В этом нуждается любой человек, но дети гораздо больше, потому что они усваивают стиль поведения, этикетную модель и становятся такими, какими мы их потом видим. И если гиперкритицизм в школе совпадает с гиперкритицизмом дома (вспомним осуждающие маленького человека высказывания «твой учителя говорят, что ты не обучаем, ты даже элементарных вещей сделать правильно не можешь», «правильно учителя говорят, что ты должен остаться на второй год, ты совершенно ничего не знаешь и не умеешь»), то в этом случае дети вырастают подозрительными, вечно ожидающими словесной пощечины. Таким образом, взрослые отучают детей радоваться, и поэтому не стоит удивляться, что мы так редко видим улыбки в нашем обществе и что мы не умеем радоваться мелочам и не хотим радоваться успехам других людей.

Обратим внимание, как построена модель критики в России. Это очень хорошо заметно в социальных сетях, где меньше условностей и не существует никаких сдержек. Начинается обычно это так: «Да вы, почтенный, ничего не понимаете в этом вопросе». Зачастую в обращении используется более грубая форма или сразу переход на личности. Значимыми для виртуального общения являются категории грубости (одновременно связанной с категориями оценочности, эмоциональности, конфликта и противопоставленной своему антиподу – вежливости). Оценочность проявляет себя и в любви к критике, причем критике подвергается всё – от действий родных и знакомых до поведения и работы незнакомых и публичных людей.

Негативная оценка всегда нарушает душевное спокойствие человека, выводит его из равновесия. Неприятие в случае оскорбления объяснимо, а в случае комплимента – недоверие либо же неумение сдержанно и с достоинством принять комплимент. Объект оценки старается уменьшить его содержание или полностью отклонить, перевести в шутку. Ср.: *Какой у вас прекрасный цвет волос! Ой, а я расстроилась, как бабка старая с таким цветом. / Хватит издеваться / А мне не понравился, больше не пойду к этому мастеру / Ну да, только волосы испортили / Ну не знаю, не знаю, только в зеркало смотреть больше не тянет и т. п.* Хотя адекватный ответ должен бы быть: *Спасибо, мне тоже очень нравится / Как приятно слышать / Очень любезно с вашей стороны.*

Оценка положительная или отрицательная изначально имеет субъективный характер, как благосклонность или недоброжелательность, желание возвысить или унижить человека, выразить симпатию или неприязнь. Преувеличение достоинств объекта комплимента, как и преувеличение недостатков объекта оскорбления, способны вывести из равновесия, превознести или обидеть его как личность, восхитить или разозлить, вызвать агрессию. Следовательно, эмоциональный фон комплимента и оскорбления разнится, с одной стороны, но имеет общее – с другой. Здесь мы можем говорить о разных эмоциональных составляющих субъекта: повышении/понижении настроения, желании поддержания/разрыва дальнейших отношений, сохранении гармоничного/конфликтного поведения со стороны адресата. Подводя итоги, делаем вывод, что природа комплимента и оскорбления, несмотря на их очевидный контраст, имеет схожие черты.

Список литературы

1. Аршинова О.С. Обучение речевому акту «комплимент» в иностранной аудитории: II сертификационный уровень: автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2007.
2. Ковшова М.Л. Комплимент и оскорбление: общее и различное (на материале современной русской речи) // Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. / под ред. Н.В. Уфимцевой, В.В. Красных, А.И. Изотова. М., 2010. Вып. 40. С. 103–112.

* * *

1. Arshinova O.S. Obuchenie rechevomu aktu «kompliment» v inostrannoj auditorii: II sertifikacionnyj uroven': avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. SPb., 2007.
2. Kovshova M.L. Kompliment i oskorblenie: obshchee i razlichnoe (na materiale sovremennoj russkoj rechi) // Yazyk, soznanie, kommunikaciya: sb. st. / pod red. N.V. Ufimcevoj, V.V. Krasnyh, A.I. Izotova. M., 2010. Vyp. 40. S. 103–112.

Compliments and insult in the Russian communicative behavior

The article deals with the speech acts of compliment and insult in the Russian linguistic culture. There is conducted the comparative analysis, there are given the characteristics of the similarities and differences of compliment and insult in the Russian speech behavior. Despite of the current differences between compliment and insult, the nature of these phenomena in the Russian speech has also a lot of similar traits.

Key words: *compliment, insult, speech act, semantics of compliment and insult, valuation.*

Н.Г. СОЛОДОВНИКОВА, Е.А. ГРЕБНЕВА
Волгоград

АСИММЕТРИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОСТИ И ЭМОТИВНОСТИ

Рассматривается соотношение эмоций, реально испытываемых homo sentiens, с тем, как они выражаются или не выражаются вербально. На примере испаноязычной художественной коммуникации исследуется конгруэнтность испытываемой и выражаемой эмоции страха. Постулируется, что эмоция страха концептуализирована в языке, но испытывающие ее люди предпочитают избегать ее выражения на уровне вербалики. Это подтверждает справедливость существующей асимметрии между эмоциональностью и эмотивностью.

Ключевые слова: *эмоциональность, эмотивность, асимметрия, страх, выражение эмоций.*

Эмотиология – наука о вербализации, выражении и коммуникации эмоций [8], которая опирается на известный психологический тезис «в человеке как биопсихосоциальном существе все движимо эмоциями, поскольку они являются мотивационной основой всей его деятельности, в том числе и речевой» [1]. Понятие «эмоциональность» в линг-

вистике эмоций трансформируется в понятие «эмотивность», и, соответственно, лингвистов, прежде всего, интересуют языковые и речевые эмотивы [6, с. 237–243]. Естественным является то, что исследование эмотивных компонентов единиц языка началось с изучения эмотивной семантики слова. Это связано с тем, что слово – основная и в то же время наиболее семантически подвижная единица, которая в обыденном сознании представляет все поле языка [5]. Эмотиология долгое время занимается отраженностью эмоций в слове, обуславливающей его семантическую способность выражать эмоции по сравнению с его способностью называть и описывать их. Под эмотивным компонентом семантики слова подразумевается то ее структурное подразделение, которое специально предназначено для адекватного выражения эмоциональных отношений всеми говорящими на данном языке. Словоизначение с таким компонентом в его семантике называется эмотивным словом, или эмотивом [9].

Анализ единиц с эмотивной семантикой и их функционирования в речевом общении позволил В.И. Шаховскому, автору лингвистической теории эмоций, выявить три семантических статуса эмотивности:

- 1) статус обязательной (денотативной) эмотивности; это, собственно, и есть эмотивное значение слова, оно – единственный компонент его лексического значения;
- 2) статус факультативной, по отношению к логико-предметному компоненту значения слова, эмотивности; это и составляет собственно коннотацию слова;
- 3) статус потенциальной эмотивности, она составляет эмотивный потенциал слова [6, с. 237–243].

Каждый из *homo sentiens* не раз испытывал «муки» экспрессии эмоций: степень конгруэнтности языка и сиюминутно переживаемых эмоций вариативна, что отражается в асимметрии эмоциональности и эмотивности. Эмоции никогда не проявляются в чистом отдифференцированном виде, и потому их вербальная идентификация всегда субъективна [9]. Одна и та же эмоция выражается разными языковыми личностями по-разному в зависимости от множества факторов, в том числе и неязыковых, например от фона общения. Эмоции всегда ситуативны, следовательно, и выбор языковых средств их выражения тоже ситуативен.

В трактовке понятия эмотивности нет единства. Мы предпочитаем связывать понятие эмотивности с оценочностью (по В.И. Шаховскому) и ограничивать эмотивную лексику словами, выражающими и описывающими эмоции. Репрезентация эмоций в языке, т. е. классы слов или отдельные лексемы, называющие эмоции, не подпадают под принимаемое в данной статье понимание эмотивности [8].

Это объясняется следующим фактом. Эмоциональное состояние и эмоциональное отношение могут быть представлены в языке различными средствами, как прямой номинацией (любовь, ненависть, гнев), так и непосредственным выражением (междометия, инвективная лексика и т. п.) и описанием языка тела.

В.И. Шаховский подразделяет лексические средства эмоционального выражения на аффективы – эмотивы, значения которых для данных слов являются единственным способом означивания отраженной эмоции, без ее названия; коннотативы – эмотивы, эмотивная доля значений которых является компонентом-коннотацией, сопутствующим основному логико-предметному значению созначением; потенциативы (контекстуальные эмотивы) – нейтральные языковые единицы, к семантике которых окказионально приращиваются эмотивные семы [6, с. 237–243; 8; 9].

Если исходить при определении эмотивности из понятия ситуации [2, с. 178–189], представляющей эмоциональное состояние субъекта, то придется признать, что существуют разнообразные средства репрезентации эмоционального состояния и отношения в различных условиях общения и зависимости от намерений говорящего. Лексика, обозначающая эмоции, видимо, занимает промежуточное положение между собствен-

но эмотивной лексикой и неэмотивной, поскольку она – потенциально – скорее эмотивна, чем совершенно нейтральна [9].

Одной из проблем коммуникации эмоций, до сих пор не получавшей должного внимания ни в лингвистике, ни в филологической герменевтике, является проблема эмоционального понимания и понимания эмоционального. До сих пор недостаточно изучено соотношение между когнитивным, психологическим и лингвистическим уровнями эмоциональности говорящего [9]. Известно, что взволнованная речь не обязательно волнует, и, наоборот, неэмоциональная речь может сильно волновать слушателя; что выраженные и реально переживаемые эмоции не всегда совпадают. Их асимметрия имеет разные варианты:

а) эмоцию можно испытывать, но не выражать (эмоциональность – 1; эмотивность – 0);

б) можно выражать эмоцию, при этом не испытывая ее (эмотивность – 1; эмоциональность – 0);

в) можно выражать эмоцию, отличную от той, которую испытывают (эмотивность – 1а; эмоциональность – 1б) [4, с. 8–17].

Таким образом, можно наблюдать асимметрию эмоциональности и эмотивности. В данной статье из приведенного перечня нас особенно интересует пункт а): эмоции, которые испытываются, но не выражаются. Данная проблема еще не получила широкого отражения в лингвистических исследованиях. До настоящего момента эмотиология занималась изучением выраженных эмоций. Это представляется логичным, поскольку эмотиологию, прежде всего, интересует эмотивность, т. е. вербализованные эмоции. Тексты представляют данные, наиболее близко подходящие к изучению личности, «стоящей» за ними.

Известно, что язык является ключом к изучению эмоций. Язык номинирует эмоции, выражает их, описывает, имитирует, симулирует, категоризирует, классифицирует, структурирует, комментирует, изобретает искренние и неискренние средства для их экспликации/импликации, для манифестации и сокрытия, предлагает средства для языкового манипулирования и моделирования соответствующих эмоций [9].

И если в реальной коммуникации не всегда возможно установить искренние эмоции говорящего, которые могут не выражаться, то художественная литература в полной мере позволяет изучить асимметрию эмоциональности и эмотивности.

Очевидно, что художественная литература – это хранилище слов, обозначающих, выражающих и описывающих человеческие эмоции, набор категориальных эмоциональных ситуаций человеческого общения [2, с. 178–189; 9], способы их презентации, средства вхождения в эмоциональное общение и выхода из него, его тактики и стратегии.

Эмоции могут вербально скрываться, контролироваться и храниться, но выдаваться языком тела. И все эти симптомы языка тела описаны в произведениях литературы, читатели могут держать их у себя в памяти в виде эмоциональной карты, с помощью которой можно читать скрываемые эмоции собеседника [9].

Установить асимметрию между эмоциональностью и эмотивностью помогают эмотивные знаки: эмоции героев, как и эмоции рассказчика, эксплицируются не напрямую, а через эмотивы. Эти знаки четко категоризируются в названия эмоций тех, кто их испытывает, и в знаки, чья функция заключается в том, чтобы описать язык тела эмоций. Это означает, что из произведений художественной литературы читатели учатся различать вербальные невербальные и невербальные средства выражения эмоций (добавим – и не-выражения) и языковые знаки для их названия, выражения и описания. Читая произведения художественной литературы, интересно узнать, что язык тела человека более прямолинеен, точен, искренен и его гораздо легче раскодировать, чем вер-

бальный язык эмоций. Литература – это депозитарий (очаг) и хранилище для обозначения, выражения, описания, имитации, симуляции, эвокации эмоций [7, с. 138–152; 9].

Л.А. Хуэс приводит следующее понимание связи эмоций и языка:

- 1) не существует прямой связи между языком и эмоциями: эмоции концептуализируются в познании, и впоследствии познание отражается в языке;
- 2) язык и эмоции напрямую связаны;
- 3) язык имеет как прямую, так и непрямую связь с эмоциями;
- 4) отношения между языком и эмоциями варьируются согласно типу эмоции [10].

Интересно, что доказывая последний тезис, Л.А. Хуэс приводит в пример следующее утверждение: обычно удивление выражается вербально, в то время как гнев или страх концептуализированы в языке, но выражены в невербальной форме [Там же].

Поскольку в рамках одной статьи невозможно изучить все испытываемые человеком эмоции, мы ограничимся вниманием к такой эмоции, как страх, а также рассмотрим, как она не выражается. Данная эмоция хорошо изучена на материале английского языка в произведениях Э.А. По, но представляется перспективной для изучения эмотивности испанского языка. Для анализа данной эмоции мы будем применять один из традиционных для лингвистики эмоций методов – метод *коммуникативных эмоциональных ситуаций (КЭС)* [2, с. 178–189]. Суть данного метода сводится к тому, что необходимо подобрать несколько коммуникативных эмоциональных ситуаций, в которых их участники испытывают страх. В данных ситуациях проанализируем, остается ли страх невыраженным, а также опишем, что выражается вместо него.

В цитируемых выше тезисах Л.А. Хуэс утверждает, что страх – это одна из эмоций, которые концептуализируются в языке, т. е. у нее есть название в языке, но выражается эта эмоция в невербальной форме.

Рассмотрим фрагменты романа К.Р. Сафона «Марина» [11], в котором главный герой Оскар, находящийся под властью обстоятельств, часто испытывает эмоцию страха, но не выражает ее вербально.

En los días que siguieron, el *condenado* reloj y yo nos hicimos compañeros inseparables. Lo llevaba a todas partes conmigo, incluso dormía con el bajo la almohada, *temeroso* de que alguien lo encontrase y me preguntase de dónde lo había sacado. No hubiera sabido qué responder.

В последующие дни мы сделались неразлучными приятелями с *чертовыми* часами. Я брал их с собой везде, даже спал с ними под подушкой, *опасаясь*, что кто-то найдет их и спросит меня, где я их взял. Я не знал, что ответить*

В данном фрагменте у главного героя наблюдается возникновение эмоций по отношению к часам. Эпитет *condenado* подсказывает, что Оскар испытывает злость, смешанную со страхом *temeroso*. Часы являются причиной всех страхов Оскара, но избавиться от них – значит увеличить страх в десятикратном размере.

Estaba a punto de responder algo ingenioso cuando una sombra inmensa se esparció sobre la mesa como una nube de tinta. Mi anfitrióna alzó la vista y sonrió. Yo me quedé inmóvil, con la boca llena de cruasán y *el pulso como unas castañuelas*.

Я уже было ответил что-то остроумное, как необъятная тень расползлась по столу, подобно чернильному облаку. Моя гостеприимная хозяйка подняла свой взгляд и улыбнулась. Я остался неподвижным, с круассаном во рту и *пульсом, подобным кастаньетам*.

В данном фрагменте страх Оскара описывается посредством сравнения *el pulso como unas castañuelas*. Этот страх не получает вербализации.

* Здесь и далее перевод всех фрагментов выполнен Е.А. Гребневой. Курсивом выделены эмотивы, называющие, описывающие и выражающие страх.

– No soy un ladrón, señor... – articulé *nerviosamente*. – Todo tiene una explicación. Si me atreví a aventurarme en su casa, fue porque creí que estaba deshabitada. Una vez dentro no sé qué me pasó, escuché aquella música, bueno no, bueno sí, el caso es que entré y vi el reloj. No pensaba cogerlo, se lo juro, pero me *asusté* y, cuando me di cuenta de que tenía el reloj, ya estaba lejos. O sea, no sé si me explico...

Я не вор, сеньор... – произнес я *нервно*. – Всему есть объяснение. Если я и отважился влезть в Ваш дом, так это оттого, что я думал, что он заброшен. Оказавшись внутри, я не знаю, что со мной произошло, я услышал ту музыку, ну нет, ну да, дело в том, что я вошел и увидел часы. Я не думал забирать их, клянусь Вам, но я *испугался* и, когда осознал, что часы у меня, был уже далеко. То есть, не знаю, объяснять ли мне...

В данном фрагменте приводится признание Оскара. Читатель наблюдает, как посредством постоянных отрицаний главный герой пытается снять с себя вину. Здесь эмоция страха получает вербальное выражение.

В следующих строках читатель видит, что страх не прошел, он выражается в ожидании «криков и угроз».

Hurgué en el bolsillo y le tendí el reloj, esperando que en cualquier momento aquel hombre prorrumpiese en gritos y me *amenazase* con llamar a la policía, a la guardia civil y al tribunal tutelar de menores.

Я покопался в кармане и протянул ему часы, ожидая, что в любой момент тот человек разразится криками и *будет угрожать* мне звонками в полицию, в жандармерию и в комиссию по опеке над несовершеннолетними.

Очевидно, страх Оскара кластируется с другими эмоциями (стыдом, виной, гордостью и т. п.). Это подтверждает цитированную выше мысль, что эмоции трудно дифференцируются друг от друга, часто возникают в пучке или кластере. Нельзя не отметить также, что Оскар избегает выразить свой страх напрямую. Это можно объяснить свойственным человеку инстинктом самосохранения, о котором современные физиологи написали достаточно много [3].

Анализ эмотивов в приводимых фрагментах показывает, что главный герой прибегает к называнию и описанию страха, но избегает его прямого выражения. Многочисленные контексты анализируемого художественного произведения пронизаны страхом Оскара, возникающим как по реальным, так и мистическим поводам.

Например, он чрезвычайно боялся ранить чувства понравившейся ему девушки, Марины, а также боялся оскорбить ее отца, часы которого он взял в руки из любопытства, а потом убежал, поскольку был напуган мистической атмосферой места. Вернуть часы отцу Марины его заставили стыд, гордость, чувство справедливости.

Неожиданным сюжетобразующим поворотом стал тот факт, что сама Марина, именем которой названо анализируемое произведение, была смертельно больна, но ни единого раза не выразила страх потерять Оскара. Ее записи помогли ему обнаружить истинную эмоциональную мотивацию ее поведения. Отметим, что в данном случае мы согласимся с мнением Л.А. Хуэс, что страх концептуализируется в языке (лексикализируется – в терминах В.И. Шаховского), но испытывающие его коммуниканты стремятся к тому, чтобы избежать его вербального выражения. Это доказывает справедливость существования асимметрии между эмоциональностью и эмотивностью.

Список литературы

1. Изард К.Э. Психология эмоций / пер. с англ. В. Мисник, А. Татлыбаева. М., 2006.
2. Ренц Т.Г. Репрезентация категории эмотивности в эмотивно-прагматических установках участников романтического общения // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Лингвистика. 2015. № 1. С. 178–189.

3. Свааб Д. Мозг диктует вам ваши решения // Белая студия. Россия К. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=xciS6oG4cL8> (дата обращения: 12.02.2022).
4. Солодовникова Н.Г. Слова как защитные маски эмоций // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 4(2). С. 8–17.
5. Шаховский В.И. Эмотивный компонент значения и методы его описания: учеб. пособие. Волгоград, 1983.
6. Шаховский В.И. Отражение эмоций в семантике слова // Вопр. языкознания. Серия литературы и языка. 1987. Т. 46. № 3. С. 237–243.
7. Шаховский В.И. О переводимости эмотивных смыслов художественного текста // Перевод и коммуникация / отв. ред. А.Д. Швейцер, Н.К. Рябцева, А.П. Василевич. М., 1996. С. 138–152.
8. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2008.
9. Шаховский В.И. Язык и эмоции в аспекте лингвокультурологии: учеб. пособие. Волгоград, 2009.
10. Juez Laura Alba. Sesión II: La expresión de las emociones / II Foro de Lingüística del Discurso Bérgamo, 17 y 18 de junio de 2014 Università degli Studi di Bergamo [Electronic resource]. URL: http://lingdiscorso.org/wp-content/uploads/2013/06/laura_albajuez_sesion_emociones.pdf (дата обращения: 07.10.2022)
11. Zafón Carlos Ruiz. Marina. Planeta Publishing, 2014.

* * *

1. Izard K.E. Psihologiya emocij / per. s angl. V. Misnik, A. Tatlybaeva. M., 2006.
2. Renc T.G. Reprezentacija kategorii emotivnosti v emotivno-pragmaticeskikh ustanovkah uchashtnikov romanticheskogo obshcheniya // Vestn. Ros. un-ta druzhby narodov. Ser.: Lingvistika. 2015. № 1. S. 178–189.
3. Svaab D. Mозг диктует вам ваши решения // Belaya studiya. Rossiya K. [Elektronnyy resurs]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=xciS6oG4cL8> (data obrashcheniya: 12.02.2022).
4. Solodovnikova N.G. Slova kak zashchitnye maski emociy // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2019. № 4(2). S. 8–17.
5. Shahovskiy V.I. Emotivnyy komponent znacheniya i metody ego opisaniya: ucheb. posobie. Volgograd, 1983.
6. Shahovskiy V.I. Otrazhenie emocii v semantike slova // Vopr. yazykoznaniya. Seriya literatury i yazyka. 1987. T. 46. № 3. S. 237–243.
7. Shahovskiy V.I. O perevodimosti emotivnyh smyslov hudozhestvennogo teksta // Perevod i kommunikaciya / отв. red. A.D. Shveĭcer, N.K. Ryabceva, A.P. Vasilevich. M., 1996. S. 138–152.
8. Shahovskiy V.I. Kategorizaciya emocij v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka. 2-e izd., ispr. i dop. M., 2008.
9. Shahovskiy V.I. Yazyk i emocii v aspekte lingvokul'turologii: ucheb. posobie. Volgograd, 2009.



Asymmetry of emotionality and emotiveness

The article deals with the correlation of the emotions, that homo sentiens really feel, with the way they are expressed or not expressed verbally. Based on the Spanish-language fictional communication there is studied the congruency of the felt and expressed emotion of fear.

There is postulated that the emotion of fear is conceptualized in the language, but people, who feel it, prefer avoiding its expression at the level of verbalism. It substantiates the justice of the existed asymmetry between emotionality and emotiveness.

Key words: *emotionality, emotiveness, asymmetry, fear, expression of emotions.*

МЕТОДОЛОГИЯ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

Освещаются проблемы исследования, стратегии и методы перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский. Изучается понятие безэквивалентной лексики в современном языкознании, описываются основные способы классификации данного феномена. Подробно рассматриваются способы перевода безэквивалентных лексем с английского языка на русский на примере переводческих единиц из кинематографических источников различных жанров.



Ключевые слова: *перевод, методология перевода, способы перевода, безэквивалентная лексика.*

Несмотря на многолетнюю практику и исследования в области теории перевода, возможность и адекватность перевода по-прежнему остается актуальным вопросом. Проблема существует с момента возникновения первых человеческих цивилизаций и затрагивает огромный пласт жизненно важных задач, касающихся различных сфер человеческой жизнедеятельности.

Существование такого явления, как «ядро языка» (набор основополагающих понятий, включающих в себя концепты родства, чисел, названия животных и т. д., существующий в любом языке) делает процесс перевода возможным и отчасти даже упрощает его. Однако по мере ускорения экономического и культурного развития, изменения лексического и грамматического строя различных языков вопрос о методологии перевода и об особенностях безэквивалентной лексики становится одним из самых важных в контексте разных видов взаимодействия людей.

Комплексное исследование феномена безэквивалентной лексики позволяет дать более точное определение, ознакомиться с основными классификациями безэквивалентной лексики и более детально изучить главные стратегии перевода данного раздела лексики.

Под безэквивалентной лексикой понимаются лексические и грамматические единицы, не имеющие регулярного соответствия в языке перевода. В данной статье мы сосредоточим наше внимание исключительно на лексическом аспекте данного феномена и обратимся к следующим типам безэквивалентной лексики: имена собственные, случайные лакуны и реалии повседневной жизни (названия предметов, понятия и ситуации), не встречающиеся в культуре языка перевода.

Иногда необходимое слово отсутствует в языке (явление лакуны): понятие по каким-либо причинам не существует в жизни носителей языка перевода. Не менее интересным явлением становится *отсутствие регулярного соответствия*, что подразумевает наличие адекватного соответствия в языке перевода тому или иному понятию с поправкой на то, что разные внеязыковые ситуации будут предлагать варианты соответствия для передачи смысла.

Определенные методы перевода позволяют нам сохранить адекватность перевода на семантическом и прагматическом уровнях значения слова и, кроме того, сделать работу переводчика более универсальным процессом. К таким способам причисляются следующие стратегии перевода: трансформационный перевод, калькирование, транскрипция (транслитерация), перевод с использованием ближайшего аналога, описательный перевод.

Многие известные ученые посвятили огромное количество исследований проблемам перевода БЭЛ. В.Н. Комиссаров, Я.И. Рецкер, С.И. Влахов, С.П. Флорин, А.В. Федоров, Л.С. Бархударов рассматривают концепцию безэквивалентной лексики под разным углом зрения, что повлияло на возникновение новых определений и классификаций.

Согласно С.И. Влахову и С.П. Флорину, под безэквивалентной лексикой понимается такое явление, как реалия, которое подразумевает следующие группы понятий: реалии как физические объекты и реалии как слова, существующие для обозначения этих объектов. Говоря о второй группе реалий, С.И. Влахов и С.П. Флорин предлагают разделить данную группу на две подгруппы:

- 1) непосредственно «слова-реалии» (варваризмы, лакуны и т. д.);
- 2) отдельный класс безэквивалентной лексики (научные термины, имена собственные и обращения), которому присущи свои признаки и приемы передачи при переводе, нередко совпадающие с приемами перевода реалий.

В данном случае реалия является частью безэквивалентной лексики (далее сокращенно – БЭЛ) и не имеет никакого отношения к концепции соответствий [4].

Я.И. Рецкер [7] и Л.С. Бархударов [2] не делают никаких различий между физическим объектом и его наименованием, но больше внимания уделяют аспекту соответствия. Л.С. Бархударов характеризует БЭЛ как слова и словосочетания, которые не имеют регулярного или нерегулярного соответствия в языке перевода [2]. В.Н. Комиссаров также обращается к аспекту соответствий, но помимо лексического вводит грамматический компонент, который также несет в себе семантический и прагматический элементы [6].

В данной статье мы принимаем за определение безэквивалентной лексики следующую дефиницию: установленные лексические единицы (слова и устойчивые словосочетания), не имеющие полных или частичных эквивалентов среди единиц другого языка. Немаловажным фактором является отсутствие постоянного или окказионального переводческого соответствия. Ниже мы рассмотрим несколько способов перевода безэквивалентных единиц с английского языка на русский на примере переводческих единиц из кинематографических источников различных жанров.

Трансформационный перевод. Лексико-грамматические преобразования подразумевают отклонение от словарных соответствий, заключающееся в замене отдельных лексических единиц языка оригинала лексическими единицами языка перевода, которые не являются их прямыми эквивалентами. Мы рассматриваем исключительно лексические трансформации, поскольку предметом нашего исследования являются именно лексические безэквивалентные единицы.

Трансформационный перевод оказался наиболее популярным в области кинематографического перевода. Независимо от жанра данный метод позволяет вносить наибольшее количество изменений без ущерба для временной, смысловой и прагматической нагрузки текста. Этот способ предоставляет большие возможности для художественного перевода, поскольку располагает широким спектром техник, которые можно использовать в процессе перевода. Перечислим некоторые из них.

Добавление. ...*But, oh, no, she don't, because it's a PG movie* – «Ведь фильм семейный» (Dogma, 1999). В данном примере наблюдается отсылка на систему рейтингов Американской киноассоциации (система оценки содержания фильма, которая определяет ограничения к просмотру для детей и подростков). Рейтинг PG содержит в своем наименовании аббревиатуру, которая раскрывается в словосочетание *Parental guidance suggested* (буквально «предлагается сопровождение родителей»), и рекомендует детям фильмы к просмотру только в сопровождении взрослых. Переводчики отказались от идеи оставлять такие большие сноски и использовали метод трансформации, обозначив фильм как «семейный».

Опущение. *Better not be telling me porky pies* – «Ты хорошо подумал?» (Snatch, 2000). *Porky pie* – это сленговое выражение для обозначения лжи. В данном случае переводчик решил полностью отказаться от поиска аналогичного фразеологического выражения в языке перевода, проигнорировав несколько семантически избыточных слов в искомой фразе.

Замена. *I wonder where an everyday Joe like myself... can find a little action* – «Интересно, где такой простой парень, как я... может найти себе занятие» (Beetlejuice, 1988). Приведенный пример интересен следующим: образец содержит в себе имя собственное, однако оно является и нарицательным, равно как в русском языке есть условный «Иван» – некий среднестатистический представитель общества, на которого к месту сослаться в ходе беседы. При переводе на русский язык тем не менее такая трансформация была бы неуместна, поэтому переводчик принял решение заменить имя собственное на словосочетание с идентичным значением в языке перевода.

Конкретизация. *Deliver me from L.L. Bean* – «Да. Провинциализм во всем» (Beetlejuice, 1988). L.L. Bean – американское семейное предприятие, основанное в 1912 г. Леоном Леонвудом Бином, специализирующее на продаже товаров для отдыха на природе (одежда, обувь, оборудование и т. д.). Широко распространенное имя компании зачастую используется иронически для описания среднего класса населения США. Данный бренд не представлен в нашей стране, и в переводе посредством традиционной в таких случаях транскрипции русскоязычные зрители не смогли бы понять смысл замечания, произносимого героем. Поэтому переводчик прибегает к выбору слов с более конкретным значением для отображения аналогичного явления в русском языке.

Генерализация. *Mention something out of a Charlton Heston movie...* – «...а вспомнишь эпизод, мелькнувший в пошлой экранизации...» (Dogma, 1999). Для того чтобы объяснить причины, по которым переводчики воспользовались методом генерализации, необходимо обратиться к биографии человека, упомянутого в оригинальной реплике. Чарлтон Хестон, американский актер, снимался в популярных фильмах религиозной тематики. Для персонажа данный факт имеет определенное значение, и выбранная стратегия перевода как нельзя лучше показывает отношение героя к подобным фильмам.

Антонимический перевод. *I know they were just kids, but we kicked their... pubeless *sses!* – «Салаги, конечно, но в хлебальник получили по-взрослому!» (Dogma, 1999). Слово *pubeless* является окказионализмом, составленным по принципу аффиксального словопроизводства: основы существительного *puberty* и суффикса *-less*. Прилагательное *pubeless* используется для описания человека, не достигшего зрелости. Из-за отсутствия лексики с аналогичным значением в русском языке переводчики обратились к приему антонимического перевода, применив прилагательное с противоположным слову *pubeless* смыслом.

Целостное переосмысление (как правило, используется для фразеологизмов). *Okay, let's talk like turkeys* – «Давай рассуждать логически» (Jojo Rabbit, 2019); *He'd find Moses and the burning bush* – «Он кого угодно достанет хоть из-под земли» (Snatch, 2000); *Who took the jam out of your doughnut?* – «Кто тебе насолил?» (Snatch, 2000). Целостное переосмысление представляется наиболее трудным видом контекстуальной замены при переводе.

Калькирование подразумевает замену слова или определенных компонентов слова их прямыми соответствиями. Метод требует особых знаний в области словообразования, т. к. процесс калькирования в значительной степени влияет на морфологическую структуру слова и без определенных теоретических знаний в этой области переводчик не сможет обеспечить адекватный перевод лексической единицы [1].

I was known as Vladislav the Poker – «Я был известен как Владислав-Тыкающий» (What We Do In The Shadows, 2014). В данном случае имя собственное было образовано за счет прибавления суффикса *-(e)r* к основе глагола *poke* (рус. «стыкать, протыкать»).

Примечательно то, что слово *poker* существует в английском языке и переводится как «кочерга». Однако такой вариант перевода как «Владислав-Кочерга» не уместен, так как исчезнет важный семантический компонент имени. Персонаж получил такое прозвище из-за изощренных методов пыток, которыми он был известен в эпоху, рассказанную в фильме. Приведем еще несколько примеров: *Yeah, like a little female Jewish Jesse Owens and Jack the Ripper* – «Еврейская версия Джесси Оуэнса и Джека Потрошителя» (*Jojo Rabbit*, 2019); *...or Duder...* – «...Чувачок...» (*The Big Lebowski*, 1998); *You sold a reverberating carbonizer with mutata capacity...* – «Ты продал отражающий *обузливатель* с режимом видоизменения...» (*Men in Black*, 1997); *...That or His Dudeness...* – «...его *Чувачество...*» (*The Big Lebowski*, 1998), где также был использован суффиксальный способ образования имени нарицательного и собственного.

Калькирование считается популярным методом перевода благодаря своему словообразовательному потенциалу, поскольку автор текста часто прибегает к элементам, влияющим на морфологическую структуру слова. Однако, по нашим данным, калькирование не всегда может гарантировать полное понимание значения слова. Примечателен следующий пример: *Um, you used to call me the Jaxorcist?* – «Ты называла меня Джеко-ненавистница» (*What We Do In The Shadows*, 2019). Предложенный вариант перевода не полностью соответствует семантике оригинального окказионализма. Слово *exorcist* (рус. «экзорцист») имеет другое значение, которое отличается от значения слова «ненавистница», а именно ‘someone who forces an evil spirit to leave a person or place by using prayers or magic’ (рус. «заставляющий злого духа покинуть человека или место с помощью молитв или магии» [8]). Дефиниция позволяет заметить несовпадение большинства семантических компонентов, однако переводчики остановились на варианте существительного, образованного от глагола *ненавидеть*.

Такие методы, как транскрипция и транслитерация, передают только графическую или фонетическую оболочку лексической единицы. В современной переводческой практике эти методы не всегда встречаются в чистом виде, поскольку имена собственные порой содержат семантическую составляющую, которая не может быть передана только путем транслитерации или транскрипции. Например: *What about John The Gun?* – «Джон Пистолет подойдет?» (*Snatch*, 2000). Переводчики используют метод транскрипции для передачи основного имени. Однако прозвища как часть имен собственных содержат в себе ключевые характеристики героев, поэтому полный переводческий эквивалент прозвища дополняет передачу имени собственного. Наиболее популярный метод транскрипции предполагает сохранение элементов транслитерации, что актуально в случаях «непроизносимых» звуков или сохранения оригинального написания слова. Единственным исключением являются традиционные переводы некоторых имен собственных и географических названий.

Перевод посредством транскрипции и транслитерации незаменим при переводе имен собственных, он помогает значительно уменьшить время произнесения фразы, особенно в момент спонтанного речепроизводства. Тем не менее транскрипция и транслитерация требуют определенных комментариев для объяснения скрытых значений семантики имен собственных, которые не понятны не-носителям языка, что делает перевод проблематичным в условиях дубляжа: *Sergeant Angel?* – «Сержант Эйнджел?» (*Hot Fuzz*, 2007). В данном случае пострадала семантическая составляющая имени. Зрители, не владеющие английским языком, лишены возможности воспринять дополнительную информацию о характере персонажа, кроющемся в его «говорящей» фамилии (*angel* – рус. «ангел»).

Перевод с использованием ближайшего аналога. Метод перевода с использованием ближайшего аналога подразумевает использование ближайшей эквивалентной языковой единицы, что в большинстве случаев влияет на объем понятия слова. Применение подобного эквивалента оправдано, поскольку он дает некоторое представление о

характере предмета или явления для говорящего на языке перевода зрителя. Рассмотрим несколько типов данного метода.

I think I should go home, take some Percosets and lay down – «...Приму анальгин и биньки» (Dogma, 1999). Под *Percosets* понимается название лекарства, а именно *Percocets is a painkiller used to relieve acute and short term pain, as well as constant vomiting and nausea* [11] (рус. «обезболивающее, используемое для облегчения острой и кратковременной боли, а также постоянной рвоты и тошноты»). Одним из свойств лекарства, упомянутого в контексте ситуации, является обезболивание. Поэтому переводчики считают адекватным совпадение значения лексем в данном примере: наименования известных препаратов в языке оригинала и перевода.

Сужение. *Ironically the six survivors of the apocalypse, were the very siblings who brought it on* – «По иронии судьбы в апокалипсисе выжили шесть близнецов, которые его и вызвали» (Umbrella Academy Season 1 Episode 1, 2019). Longman Dictionary [9] дает нам следующее значение слова *sibling* – ‘a brother or sister’ (брат или сестра); таким образом, данное понятие включает в себя всех единокровных братьев и сестер, необязательно рожденных в одно и то же время, как, например, в случае с близнецами или двойняшками. Герои, к которым относилось данное описание, не являлись близнецами и имели только общего отца, однако переводчиками было принято решение использовать данную лексему как ближайшую по своему смысловому наполнению.

Расширение. *And we gotta get the one Jesus freak?* – «Тут тусуется столько аморальных девок, а мы кликушу подцепили?» (Dogma, 1999). В оригинальном тексте персонаж намекает на излишнюю, по его мнению, набожность главной героини, используя отсылку на Иисуса (Jesus) и прикрепляя к его имени слово *freak*, что будет переводиться как «помешанный» или «странный». Слово *кликуша*, выбранное переводчиками как ближайший эквивалент, имеет следующее значение: «тот, кто страдает кликушеством [кликушество I] – нервно-истерическим заболеванием (обычно у женщин), выражающимся в судорожных припадках, выкриках, причитаниях, взвизгиваниях, бурной жестикуляции» [5]. Кликушество не всегда подразумевает помешательство на религиозной почве, но было выбрано переводчиками в связи со сходством поведенческих характеристик с тем людьми, кого на английском языке называют *freak*.

При расхождении систем языка метод лексической замены является достаточным в рамках сохранения функционально-прагматической адекватности, т. к. использование ближайшего аналога подразумевает приблизительное содержание соответствующих слов на языке перевода.

Описательный перевод. Метод описательного перевода подразумевает необходимость заменить лексическую единицу языка оригинала другой единицей в языке перевода, которая эксплицирует ее значение, т. е. дает более или менее полное объяснение или определение этого значения. Рассмотрим несколько примеров.

I tended to torture, when I was in a bad place – «Пытками я всегда занимался, только в моменты депрессии» (What We Do In The Shadows, 2014). Сочетание *to be in a bad place* имеет широкое значение. Longman Dictionary приводит такое значение, как ‘to be in a good, bad etc. situation’ [9] (рус. «быть в плохой ситуации»). Urban Dictionary указывает на следующее: ‘the state someone’s in when things aren’t going well for them and they’re experiencing intense sadness or hopelessness’ [11] (рус. «состояние, в котором кто-то находится, когда у него все идет не очень хорошо, и он испытывает сильную печаль или безнадежность»). The Collins Dictionary [10] трактует это выражение как «ад». Соответственно, в данном контексте оборот *to be in a bad place* может означать спектр эмоций, начинающийся с грусти, пребывания в аду и заканчивающийся психическими расстройствами у человека. Вследствие особенностей сюжета и отличительных черт персонажа, которому принадлежит реплика, переводчики приняли решение перевести данную единицу описательным способом.

Everyone around here is so image-conscious – «Все в этом участке – слюнтяи и ротоzeи, бояться собственной тени...» (Rush Hour, 1998). Представляется вряд ли возможным перевести на русский язык слово *image-conscious*, не используя при этом описательный метод. Данная лексическая единица является массивной, т. к. составлена посредством словосложения и включает в свою семантику сразу несколько понятий: *concerned about the way one comes across to other people and the impression one creates*, т. е. беспокойство человека относительно впечатления, которое он производит [10]. Количество трактовок может увеличиться в зависимости от ситуации использования. В вышеуказанном примере переводчики могли руководствоваться ситуацией употребления: данный диалог происходит на территории полицейского участка, реплика принадлежит начальнику учреждения, чья речь стереотипна и включает подобную лексику.

Описательный перевод оказался наименее распространенным в области дубляжа, поскольку размер фразы на языке перевода значительно превышает ту же фразу на языке оригинала, что вызывает определенные проблемы в процессе озвучания. Тем не менее этот метод перевода обеспечивает максимальную степень понимания значения слова.

Распространенный стереотип гласит, что перевод представляет собой поиск в словаре определенных слов, которые имели бы в языке перевода точно такое же значение, возможно и форму, как в языке оригинала. Тем не менее люди, изучающие иностранные языки, и читатели иностранной литературы, должны отдавать себе отчет в том, что перевод – это гораздо более сложный процесс, требующий не только высокого уровня владения языком, но и обширных знаний, которые затрагивают самые разнообразные аспекты человеческой жизни.

Богатая методология перевода подтверждает мысль о том, что идеального перевода не существует. Каждый отдельный материал, ситуация, автор и аудитория диктуют свои собственные условия и потребности. В какой-то степени этим объясняется интерес к новому переводу фильма или серии книг. Искусство перевода вышло далеко за рамки простых языковых навыков. В наши дни хороший переводчик понимает язык, в то время как отличный переводчик понимает культуру. Поскольку культурный подход позволяет передавать как семантический, так и прагматический аспекты языка, переводчики, применяя разнообразные методы передачи смысла, теперь способны интерпретировать весь диапазон семантических оттенков.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка: учеб. пособие. 2-е изд., переработ. М., 2012.
2. Бархударов Л.С., Рецкер Я.Л. Курс лекций по теории перевода. М., 1968.
3. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М., 2001.
4. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. М., 1980.
5. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 17.03.2022).
6. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: учеб. пособие. М., 2002.
7. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика: учеб. пособие. М., 1974.
8. Cambridge Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/> (дата обращения 10.03.2022).
9. Longman Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.ldoceonline.com/dictionary/> (дата обращения: 20.03.2022).
10. The Collins Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 04.04.2022).
11. Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: <https://www.urbandictionary.com/> (дата обращения: 22.03.2022).

1. Arnol'd I.V. Leksikologiya sovremennogo anglijskogo yazyka: ucheb. posobie. 2-e izd., pererabot. M., 2012.
2. Barhudarov L.S., Recker Ya.L. Kurs lekcij po teorii perevoda. M., 1968.
3. Vinogradov V.S. Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy). M., 2001.
4. Vlahov S.I., Florin S.P. Neperevodimoe v perevode. M., 1980.
5. Efremova T.F. Novyj slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyj. M., 2000 [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.efremova.info/> (data obrashcheniya: 17.03.2022).
6. Komissarov V.N. Sovremennoe perevodovedenie: ucheb. posobie. M., 2002.
7. Recker Ya.I. Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: ucheb. posobie. M., 1974.



Methodology of translation of non-equivalent vocabulary

The article deals with the issues of the study, strategies and methods of the translation of the non-equivalent vocabulary from English into Russian. There is studied the concept of the non-equivalent vocabulary in the modern Language Studies, there are described the basic ways of the classification of the phenomenon. The authors consider in details the ways of the translation of the non-equivalent lexical units from English into Russian at the example of the translation units from the cinematographic sources of the different genres.

Key words: *translation, methodology of translation, ways of translation, non-equivalent vocabulary.*



Е.В. БРЫСИНА, В.И. СУПРУН
Волгоград

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ЛИНГВОГЕОГРАФИИ
И ЛИНГВОКАРТОГРАФИИ**

Рассматриваются проблемы становления русской лингвогеографии, нанесения диалектных единиц и явлений на карты. Дается исторический обзор взглядов на восточнославянские и русские наречия. Определяются перспективы лингвогеографических исследований в России.

Ключевые слова: *лингвогеография, диалект, диалектная картография, вопросник, «Лексический атлас русский народных говоров».*

В России народная речь традиционно исследовалась в рамках диалектологии. Еще М.В. Ломоносов в 5-й главе своей «Российской грамматики» называет три главных диалекта: московский, северный, украинский [34, с. 430], в черновой заметке «О диалектах» в «Материалах к российской грамматике» он их именуется по-другому и дает им краткую характеристику: «Российской язык <главно> можно разделить на три диалекта: 1) московской, 2) поморской, 3) малороссийской. Первой главной и при дворе и в дворянстве употребительной и особливо в городах, близ Москвы лежащих. Другой несколько склонен ближе к старому славенскому и великую часть России занял. Третий больше всех отличен и смешен с польским. Пограничные жители употребляют много слов близлежащих народов – чум, вежа, ворока» [Там же, с. 608].

О последнем диалекте он упоминает в заметке «Примечания на предложение о множественном окончании прилагательных имен»: «От малороссийского диалекта для установления великороссийских окончаний ничего ж не следует, ибо, хотя сей диалект с нашим очень сходен, однако его ударение, произношение и окончания речений от соседства с поляками и от долговременной бытности под их властью много отменились или, прямо сказать, попортились. Итак, ежели вам в сем случае малороссиянам последовать, невзирая на общее употребление, то великороссийский язык тем больше испортится, нежели исправится. То же надлежит разуметь и о других великороссийскому сродных языках» [Там же, с. 83]. Эта рукопись была написана М.В. Ломоносовым в ответ на диссертацию В.К. Тредиаковского «De plurali nominum adjectivorum integrorum Russica lingua scribendorum terminatione» («О том, как писать по-русски окончания полных имен прилагательных во множественном числе»), которую он читал 3 и 7 марта 1746 г. на заседаниях Конференции Императорской академии наук. Однако дискуссия не состоялась из-за занятости М.В. Ломоносова другими делами и изменения планов академии по новому изданию «Школьных разговоров» [Там же, с. 801–802].

В середине XIX в. мысль о необходимости рассмотреть территориальные особенности распространения русского языка высказал И.И. Срезневский: «Вопросы географические в языкознании – самые современные; новее и занимательнее их еще не найдено, и в исследованиях о языке русском они заняли свое место почти в то же время, как и в исследованиях о других языках Европы» [53, с. 3]. Ученый употребляет термин *география языка*: «Исследовать, каким именно языком, наречием или говором говорит народ в том или другом крае и каково именно было влияние местных обстоятельств на со-

стояние языка в разных краях – вот задача географии языка» [53, с. 4]. Прекрасный анализ деятельности И.И. Срезневского сделал О.В. Никитин [38, с. 70–80].

Интересный взгляд на русскую диалектологию представил в своем учебнике для народных училищ Николай Иванович Алябьев (1834–1910). Он был крепостным Ивана Петровича Мусина-Пушкина (1783–1863), участника войны 1812 г. Иван Антонович Алябьев служил управляющим в доме барина и пользовался его доверием. За верную службу отца граф освободил его сыновей от крепостной зависимости. В вольной грамоте сказано: «1846 года мая 30-го дня я, гвардии полковник и кавалер Иван Петров Мусин-Пушкин, отпустил вечно на волю крепостного своего малолетнего дворового человека Николая Иванова Алябьева, имеющего от роду 11 лет» [50, с. 21].

Николай окончил 2-ю московскую гимназию, в 1857 г. – историко-филологический факультет Московского университета, был старшим учителем словесности в Дворцовом архитектурном училище и Школе межевых топографов. С 1868 г. он преподавал в Московском художественном обществе и в 3-й женской гимназии.

Н.И. Алябьев написал «Практическую грамматику русского языка», которая была напечатана в типографии его будущего шурина Анатолия Ивановича Мамонтова (на его сестре Ольге Николай женился в 1870 г.) [50, с. 20]. В этом учебнике он дал пространственный очерк русских диалектов с образцами народной речи. Его классификация русских говоров интересна своими наблюдениями и необычными терминами, но в целом соответствует диалектному распределению восточнославянских языков. Н.И. Алябьев выделил 5 групп: 1) окающую, «на востоке России и в Сибири говорят низким говором, делая особенное ударение на о», «касательно согласных звуков замечается наклонность к цоканью и чваканью, т. е. ставят ц вместо ч и ч вместо ц»; 2) икающая, «кроме оканья, цоканья и чваканья на севере России изменяют ъ в и»; 3) акающая, «начиная с Москвы на юг говорят высоким говором, заменяя о посредством а»; 4) акающая с дзеканьем и цоканьем, «в белорусских губерниях кроме того, что говорят на а, смягчают д в дз, а т в ц»; 5) экающая, ыкающая, икающая и окающая, «в Малороссии кроме того, что ставят и вместо ъ и везде выговаривают о, где оно пишется, часто вместо нашего и употребляют ы и э вместо нашего е» [2, с. 15].

Автор поясняет причины такого подхода к составлению учебника практической грамматики: «Как арифметика не есть только искусство считать, но, в педагогическом отношении, важна особенно тем, что приучает рассуждать ребенка; так и фонетика не есть только искусство правильно писать, но важна тем, что приучает ребенка наблюдать явления в языке, обобщать их и возводить в законы, а потом уже применять к делу. Чтобы изучение звуков, на которых основывается словообразование, не представлялось учащимся какой-то схоластической сухью, я в физиологии звуков, кроме ежедневно слышимой речи, привел примеры на разные народные говоры, на которых всего лучше можно знакомиться с живой речью и извлекать известный фонетический закон» [2, с. 1]. Н.И. Алябьев считает наглядность «важным условием при обучении», поэтому прилагает к учебнику «карту, составленную мною отчасти сообразно с мнениями г. Даля» [Там же]. К сожалению, в известных нам экземплярах книги, хранящихся в Российской государственной библиотеке в Москве и в Славянской библиотеке в Праге, карта отсутствует. Вторую часть учебника пришлось издавать дважды: в первом издании на обложке и форзаце была сделана ошибка, напечатано «фоетика» (хранится в РГБ, в Праге находится книга с исправлением).

В конце XIX в. параллельно в разных странах Европы была начата разработка проблем лингвистической (диалектологической) картографии. На основании идей швейцарца Адольфа Пикте (1799–1875) [59], немецких лингвистов Гуго Шухардта (1842–1927) и Иоганнеса Шмидта (1843–1901) [37] началось составление диалектологических атласов [8, с. 120]. Первым из них стал Лингвистический атлас Франции (1902–1912), включавший 1 920 карт и описывавший географию распространения отдельных слов.

Следом вышел Немецкий лингвистический атлас (1926–1954), работа над которым началась еще в 1876 г., когда Георг Венкер (1852–1911) разослал в школы Рейнской области (Рейнланда) анкету из 42 вопросов с просьбой дать ответ на диалекте [60].

В России большой вклад в развитие русской лингвогеографии внес А.А. Шахматов, который инициировал издание Программы для собирания особенностей говоров северновеликорусского наречия [47] и подготовил обзор откликов на нее [58]. В 1900 г. программа была переиздана с предисловием Василия Ильича Чернышева (1867–1949). В ней основное внимание уделено фонетическим и грамматическим особенностям народной речи, которые, впрочем, не отделялись строго от лексико-семантических. Книга была нацелена на работу собирателей с ней: на развороте текстом была занята только правая страница, а левая предназначалась для ответов на вопрос [48]. В 1909 г. по распоряжению неперменного секретаря ИАН академика Сергея Фёдоровича Ольденбурга (1863–1934) была напечатана краткая (всего на 4 страницах) программа по собиранию особенностей русских говоров, содержащая всего 24 вопроса, из них 10 содержали вопросы, относящиеся к говорам малорусов (хохлов) и белорусов [23].

В начале XX в. группа молодых русских ученых приступила к обсуждению проблем диалектологии, создав неформальный кружок единомышленников. Первое собрание кружка состоялось 26 сентября 1901 г. [57, с. 261]. Их деятельность привлекла внимание и маститых ученых, на заседания приходили академики Алексей Александрович Шахматов и Фёдор Евгеньевич Корш. Последний стал руководителем созданной на базе этого кружка при ОРЯС ИАН Московской диалектологической комиссии (МДК), первое заседание которой состоялось 21 января 1904 г. [Там же, с. 262].

В 1914 г. была составлена диалектологическая карта русского языка, а в 1915 г. опубликована книга «Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии» [16]. На карту подготовил рецензию А.И. Соболевский. Он справедливо упрекает составителей карты в том, что они отнесли жителей территории «по обе стороны Волги от Казани до Камышина» к северновеликорусскому наречию: «на юге этих земель большинство говоров акающие и при том сильно акающие» [51, с. 400]. Что же касается упрека в том, что «совершенно неверно» земли оренбургского и уральского казачества отнесены также к северновеликорусскому наречию, то здесь рецензент оказался не вполне прав. Известный исследователь этих говоров Б.А. Моисеев отмечает, что в 30-е гг. XVIII в. на Оренбургскую линию были переведены ландмилицкие полки упраздненной Закамской линии, их окающие говоры с неполным оканьем сохраняются и сейчас во многих поселениях Оренбургской области. В 1810–1812 гг. была создана Новоилецкая пограничная линия, на нее были переведены казаки из упраздненной Красноуфимской станицы, в говоре которых отмечено полное оканье. С 1832 г. началось массовое переселение в Оренбургскую губернию государственных крестьян из центральных и южных губерний России с аканьем, яканьем и другими фонетическими чертами говоров, поэтому в настоящее время в местных диалектах представлены как северно-, так и южновеликорусские черты [35, с. 7–9]. Отметим, что составители карты в «Опыте» отреагировали на замечание рецензента: «К сожалению, по недосмотру составителей на с.-в.-р. территории остались невыделенными акающие говоры уральских казаков» [16, с. 17].

В начале XX в. карты русских народных говоров стали включаться в различные научные, учебные и популярные издания. Нередко это происходило при участии членов Московской диалектологической комиссии. В 1911 г. был издан VII том «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний», в работе над которым участвовали Н.Н. Дурново и Н.Н. Соколов. В нем между с. 208 и 209 помещена карта русских наречий (рис. 1) [36]. Главным редактором этого тома был С.М. Кульбакин. Он включил карту в свой учебник русского языка [24]. Похожая в общих чертах карта помещена в учебнике Н.К. Грунского (рис. 2). В нем выделяются белорусское и малорусское наречия,

северно- и южновеликорусские поднаречия и утверждается: «При всех ранее перечисленных особенностях русские наречия представляют собою один язык. Во всех русских наречиях имеются признаки, которые объединяют эти наречия и отделяют их от других славянских языков» [13 с. 9].

После смерти Ф.Е. Корша в 1915 г. председателем МДК стал Дмитрий Николаевич Ушаков. В 1919 г. было решено приступить к составлению диалектологического атласа великорусских говоров, в который должны были войти карты с обозначением распространения отдельных диалектных явлений или комплексов сходных черт [56, с. 277].

Н.Н. Дурново разработал программу для сбора необходимых сведений, которая была подготовлена к печати профессором Ярославского педагогического института Иваном Григорьевичем Голановым (1890–1967) [14]. Как дореволюционное издание, книга была напечатана только на правой стороне разворота, чтобы собиратели могли на левой записывать сведения.

Сохранился экземпляр, заполненный жителем д. Пахурово (Пахурово) Архангельской губернии Ефремом Петровичем Парохиным (Порохиным), который тщательно проработал программу, отметив: «Для скорости дела слова буду подчеркивать, а которых в книге нет – писать» (URL: <http://elib.shpl.ru/ru/nodes/57786#mode/inspect/page/7/zoom/6>). В 1922 г. в д. Пахуровской Пинежского уезда проживало 165 человек, все русские [52, с. 113]. Об этом сельском учителе подробно рассказано на странице Краеведческого общества д. Нюхчи: в 1951 г. он был награжден орденом Ленина (URL: https://vk.com/wall-195742655_395).

Однако в 1931 г. комиссия была ликвидирована, вскоре Николай Николаевич Дурново был арестован, в 1937 г. расстрелян [4, с. 54–68], работа над атласом была свернута. Но сама идея не была забыта. Вскоре к работе над атласом приступила другая команда ученых, базирующаяся в Институте языка и мышления. С 1932 г. Московскую диалектографическую комиссию, созданную в этом институте, по предложению Н.Я. Марра, возглавил Николай Михайлович Каринский (1873–1935) [22, с. 90]. Ранее в Санкт-Петербурге и Вятке он издал программы по собиранию диалектного материала [18, с. 32–39; 19–21].

В 1936 г. был издан «Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка» [10]. На его основании через 2 года был подготовлен «Лингвистический ат-



Рис. 1. Карта из «Народной энциклопедии научных и прикладных знаний»

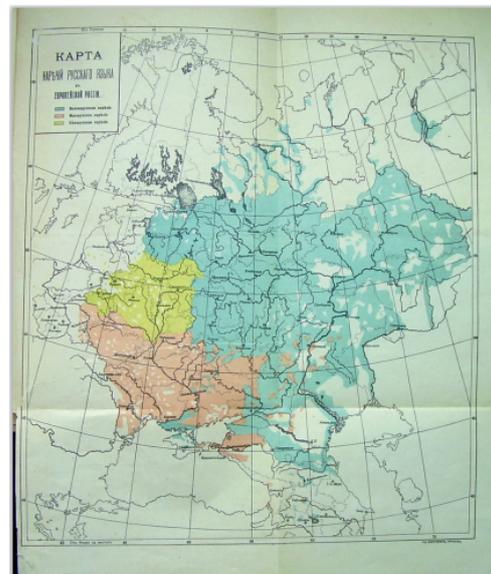


Рис. 2. Карта из учебника Н.К. Грунского

лас района озера Селигер», но он был опубликован только в 1949 г. [55, с. 731]. В 1940 г. вопросник был переиздан [9]. Осенью 1939 г. Д.Н. Ушаков возглавил сектор славянских языков (русского языка) в Институте языка и письменности народов СССР, где снова обратился к изучению диалектов и к диалектологическому атласу русского языка. Но эти его планы прервала война, а затем и смерть ученого в 1942 г. в Ташкенте [39, с. 79–81].

После войны работу по составлению атласа русских народных говоров возглавил Рубен Иванович Аванесов (1902–1982), который в 1944 г. стал начальником отдела в Институте русского языка АН СССР [43]. В этом же году в Вологде была проведена научная диалектологическая конференция по севернорусским говорам, по результатам которой была опубликована программа собирания сведений для ДАРЯ [46].

Вся эта огромная работа позволила приступить к составлению диалектных карт. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы был издан в 1957 г. [3]. Его вопросник составили 294 вопроса, из них 67 по фонетике, 50 по морфологии, 33 по синтаксису и 153 по лексике. Собирателями было обследовано 965 деревень: плотность обследования была весьма высокой, расстояние между отдельными населенными пунктами не превышало 15 км.

Параллельно была начата работа над Общеславянским лингвистическим атласом (ОЛА). В сентябре 1958 г. на IV Международном съезде славистов в Москве на основании доклада Р.И. Аванесова и С.Б. Бернштейна «Лингвистическая география и структура языка: О принципах Общеславянского лингвистического атласа» [1], было принято решение о создании ОЛА, для чего при Международном комитете славистов была организована комиссия, которая разработала вопросник (3454 вопроса) и определила сетку населенных пунктов (850 поселений). Переработанный вопросник был издан в 1965 г. [11]. В течение 10 лет до 1975 г. по единой программе собирались материалы, параллельно в сборнике «Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования» осуществлялось теоретическое осмысление задач ОЛА и практическое описание его фрагментов. В 1978 г. был напечатан вступительный выпуск ОЛА с изложением общих принципов и справочных материалов, в 1994 г. он был переиздан [40]. С 1988 г. начали выходить две серии ОЛА: фонетико-грамматическая (всего пока вышло 9 выпусков) и лексико-словообразовательная (9 выпусков) [61; 41].

Параллельно продолжалось осмысление проблем лингвистической географии. Был издан сборник научных статей по данной проблематике [12]. На материале романских языков разрабатывала лингвогеографические вопросы Мелитина Александровна Бородина (1918–1994), которая в 1977 г. стала руководителем лингвоэтногеографической комиссии РГО [5, с. 79–82; 6]. После ее кончины комиссию возглавил И.А. Попов.

В 1972 г. в Ленинграде на совещании по ОЛА Игорь Александрович Попов выступил с докладом, в котором изложил концепцию будущего Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ). Спустя два года он опубликовал «Перспектив Лексического атласа русских народных говоров» [42]. Постепенно к работе по сбору материала и его первичной обработке приступили диалектологи из разных университетских центров России: в разные годы количество участвующих вузов колебалось от 40 до 64. Сетка населенных пунктов охватывала всю европейскую территорию России, в качестве основной единицы был выбран административный район. Нумерация районов идет с севера на юг: первым назван Кольский район Мурманской области, последним, 1064-м, – Курский район Ставропольского края. Была составлена программа сбора сведений для ЛАРНГ [44; 45]. В 2004 г. вышел пробный выпуск атласа, в 2017 г. – первый том ЛАРНГ, в 2022 г. – второй [26; 30; 31]. С 1994 г. выходят в свет объемные тома материалов и исследований ЛАРНГ [32; 25–29].

В настоящее время диалектологи разных вузов и институтов России завершают работу над третьим томом ЛАРНГ, в котором будут размещены карты по теме «Ланд-

шафт». Вышел в свет учебник лингвистической географии [49]. У этого направления лингвистической науки большие перспективы: обнаруживаются новые подходы к традиционному материалу, к лексикографической и картографической обработке диалектной лексики. Обсуждаются понимание региолекта и его соотношение с традиционной диалектологической терминологией [54, с. 836–845], вопросы отражения духовной культуры в народном идиоме [7]. К работе подключаются молодые специалисты. Нужны новые учебники и учебные пособия по лингвогеографии.

Список литературы

1. Аванесов Р.И., Бернштейн С.Б. Лингвистическая география и структура языка: о принципах Общеславянского лингвистического атласа. М., 1958.
2. Алябьев Н. Практическая грамматика русского языка. Ч. II: Фонетика с орфографией. М., 1868.
3. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1957.
4. Ашнин Ф.Д., Алпатов В.М. Николай Николаевич Дурново // Изв. РАН. Сер. литер. и яз. 1993. Т. 52. № 4. С. 54–68.
5. Бородина М.А. Лингвистическая география и диалектология. Опыт разграничения лингвистических дисциплин // *Omăgiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1965. P. 79–82.
6. Бородина М.А. Проблемы лингвистической географии: на материале диалектов французского языка. М.; Л., 1966.
7. Брысина Е.В., Супрун В.И. Духовная культура казачества: язык и образы. Волгоград, 2021.
8. Брысина Е.В., Супрун В.И. Современная русская лингвогеография: картографирование диалектных лексем // Царицынские рождественские чтения. Волгоград, 2022. Вып. 5. С. 120–130.
9. Вопросник для составления диалектического атласа русского языка / сост. Кабинетом рус. диалектологии Ин-та яз. и мышления АН СССР. М.; Л., 1940.
10. Вопросник для составления диалектологического атласа русского языка / сост. В.И. Чернышев, Б.А. Ларин, С.А. Еремин, Ф.П. Филин / ред. Ф.П. Филин. Л., 1936.
11. Вопросник Общеславянского лингвистического атласа. М., 1965.
12. Вопросы теории лингвистической географии / под ред. Р.И. Аванесова. М., 1962.
13. Грунский Н.К. Русский язык: учебник для 4 класса: применительно к новым программам Мин. нар. пр. для средне-учебных завед. Юрьев, 1913.
14. Дурново Н.Н. Программа для собирания сведений, необходимых для составления диалектологической карты русского языка. 2: Северновеликорусские и средневеликорусские говоры / сост. Н.Н. Дурново; к настоящему изданию подготовил секретарь Комиссии профессор Яросл. пед. инст. И.Г. Голанов; Моск. диалектол. комис., сост. при Отд-нии рус. яз. и словесности Акад. наук СССР и Лингвист. каб. Яросл. пед. ин-та. 2-е изд. Рыбинск, 1926.
15. Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Диалектологическая карта русского языка в Европе / сост. членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук; Изд-е Императорского Русского географического общества. Петроград, 1914.
16. Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М., 1915.
17. Каринский Н.М. Программа для собирания народных говоров Петроградской губернии, составленная профессором Н.М. Каринским. Петроград, 1920.
18. Каринский Н.М. Программа для собирания русских народных говоров Вятского края в связи с собиранием других местных этнографических особенностей // Изв. Вят. науч.-исслед. ин-та краеведения. Вологда, 1922. № 1. С. 32–39.
19. Каринский Н.М. Программа для собирания сведений о русских народных говорах Вятского края. Вятка, 1925.
20. Каринский Н.М. Программа-анкета по собиранию народных говоров Вятской губернии. I. Вятка, 1918.

21. Каринский Н.М. Программа-анкета по собиранию сведений о народных говорах Петербургской губернии. СПб., 1911.
22. Комшилова Е.А. Николай Михайлович Каринский – диалектолог: к 10-летию со дня смерти (1935–1945) // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка. М., 1948. Вып. 3. С. 83–91.
23. Краткая программа по собиранию особенностей русских говоров. СПб., 1909.
24. Кульбакин С.М. Учебник по русскому языку: для 4 кл. сред. учеб. заведений: (Применит. к прогр., утв. 21 апр. 1912 г.). Харьков, 1913.
25. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2000 / отв. ред. А.С. Герд. СПб., 2003.
26. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). 2001–2004 / отв. ред. А.С. Герд. СПб., 2004.
27. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. А.С. Герд. СПб., 2015.
28. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. С.А. Мызников. СПб., 2020.
29. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) / отв. ред. С.А. Мызников. СПб., 2021.
30. Лексический атлас русских народных говоров. Т. 1: Растительный мир. М.; СПб., 2017.
31. Лексический атлас русских народных говоров. Т. 2: Животный мир. М.; СПб., 2022.
32. Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 1992 / ред. А.С. Герд, И.А. Попов. СПб., 1994.
33. Лексический атлас русских народных говоров: пробный выпуск / отв. ред. И.А. Попов, Т.И. Вендина; науч. ред. И.А. Попов, А.С. Герд, С.А. Мызников. СПб., 2004.
34. Ломоносов М.В. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1958 гг. М.; Л., 1952.
35. Моисеев Б.А. Оренбургский областной словарь. Оренбург, 2019.
36. Народная энциклопедия научных и прикладных знаний. Т. VII: Языкознание и история литературы. М., 1911.
37. Нерознак В.П. Ареальная лингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990. С. 43–44.
38. Никитин О.В. Измаил Иванович Срезневский. 1812–1880 // Русская речь. 2012. № 5. С. 70–80.
39. Никитин О.В. «Чистый сердцем человек» (к 130-летию со дня рождения Д.Н. Ушакова) // Русский язык за рубежом. 2003. № 3. С. 79–81.
40. Общеславянский лингвистический атлас: вступ. вып.: Общие принципы: Справочные материалы. М., 1994.
41. Общеславянский лингвистический атлас: Серия лексико-словообразовательная. Вып. 12: Личные черты человека / отв. ред. Т.И. Вендина. М.; СПб., 2020.
42. Попов И.А. Лексический атлас русских народных говоров: (Проспект) / ред. Ф.П. Филин. Л., 1974.
43. Потапов В.В. Рубен Иванович Аванесов (к 100-летию со дня рождения) // Вопр. языкознания. 2002. № 4. С. 119–131.
44. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: Лексика природы / подгот. Ю.С. Азарх [и др.]. М.; Л., 1990.
45. Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров. Ч. I–II / отв. ред. И.А. Попов. СПб., 1994.
46. Программа собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка: прил. к отчету о работе Науч. диалектол. конф. по севернорус. говорам в г. Вологде 20–28 июля 1944 г. Вологда, 1945. Вып. 1.
47. Программы для собирания особенностей народных говоров. I: Программа для собирания особенностей говоров северно-велико-русского наречия. СПб., 1895.
48. Программы для собирания особенностей народных говоров. СПб., 1900. Ч. 1–3.
49. Пшеничнова Н.Н. Лингвистическая география (по материалам русских говоров). М., 2008.
50. Рунова Т.Г. Алябьевы: Историко-биографический очерк // Моск. журн.. 2020. № 9(357). С. 18–29.

51. Соболевский А.И. Диалектологическая карта русского языка в Европе. Составлена членами Московской диалектологической комиссии, состоящей при Отделении русского языка и словесности Императорской Академии наук, Н.Н. Дурново, Н.Н. Соколовым и Д.Н. Ушаковым: Издание Императорского Русского географического общества. Петроград. 1914 г.: [рец.] // Журн. Министерства нар. просвещения. Новая серия. Ч. 57. 1915. Кн. 6. С. 399–402.
52. Список населенных мест Архангельской губернии. На 1 мая 1922 г. С приложением списков населенных мест Мурманской губ., Кемского уезда Корельской Трудовой Коммуны и Печорского уезда Области Коми (Зырянской). Архангельск, 1922.
53. Срезневский И.И. Замечания о материалах для географии русского языка // Вестн. Императорского Русского географического общества за 1851 г. Ч. 1. Кн. 1–2. Отд. V. С. 1–24.
54. Супрун В.И. Региолект vs диалект: новые поиски этнолингвистов (размышления по поводу книги: Донецкий региолект: моногр. / под ред. В.И. Теркулова. – Донецк: Фолиант, 2018. – 265 с.) // Нефилология. 2020. Т. 6. № 24. С. 836–845.
55. Сьянова Е.И. Лексикографическое описание русских говоров Ленинградской области: методы и принципы работы // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН. 2016. Т. 12. Ч. 3. С. 731–762.
56. Ушаков Д.Н., Голанов И.Г. Краткий очерк деятельности Постоянной комиссии по диалектологии русского языка за 12 лет (январь 1914 г. – январь 1926 г.) // Ушаков Д.Н. Русский язык. М., 1995.
57. Ушаков Д.Н., Соколов Н.Н. Краткий очерк возникновения Московской диалектологической комиссии и ее деятельности за первое десятилетие (1904–1914 гг.) // Ушаков Д.Н. Русский язык. М., 1995.
58. Шахматов А.А. Материалы для изучения великорусских говоров. Вып. II: Извлечения из 6 сообщений на «Программу для собирания особенностей говоров северно-великорусского наречия». СПб., 1896.
59. Joseph J.E. Pictet's Du Beau (1856) and the crystallisation of Saussurean linguistics // *Historiographia linguistica* (Amsterdam, The Netherlands). 2003. Vol. 30. Is. 3. P. 365–388.
60. Lameli A. Was Wenker noch zu sagen hatte...: Die unbekanntenen Teile des ‚Sprachatlas des deutschen Reichs‘ // *Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik*. 2008. B. 75. N 3. S. 255–281.
61. Slovanský jazykový atlas: Foneticko-gramatická série. Sv. 9: Reflexy *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt / odpov. red. M. Ireinová, P. Pěradková. Praha: Academia, 2019.

* * *

1. Avanesov R.I., Bernshtejn S.B. *Lingvisticheskaya geografiya i struktura yazyka: o principah Obshchесlavjanskogo lingvisticheskogo atlasa*. М., 1958.
2. Alyab'ev N. *Prakticheskaya grammatika russkogo yazyka*. Ch. II: Fonetika s orfografiej. М., 1868.
3. *Atlas russkih narodnyh govorov central'nyh oblastej k vostoku ot Moskvy* / pod red. R.I. Avanesova. М., 1957.
4. Ashnin F.D., Alpatov V.M. Nikolaj Nikolaevich Durnovo // *Izv. RAN. Ser. liter. i yaz.* 1993. Т. 52. № 4. S. 54–68.
5. Borodina M.A. *Lingvisticheskaya geografiya i dialektologiya. Opyt razgranicheniya lingvisticheskikh disciplin* // *Omagiu lui Alexandru Rosetti la 70 de ani*. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România, 1965. R. 79–82.
6. Borodina M.A. *Problemy lingvisticheskoy geografii: Na materiale dialektov francuzskogo yazyka*. М.; L., 1966.
7. Brysina E.V., Suprun V.I. *Duhovnaya kul'tura kazachestva: yazyk i obrazy*. Volgograd, 2021.
8. Brysina E.V., Suprun V.I. *Sovremennaya russkaya lingvogeografiya: kartografirovanie dialektnyh leksem* // *Caricynskie rozhdestvenskie chteniya*. Volgograd, 2022. Vyp. 5. S. 120–130.
9. *Voprosnik dlya sostavleniya dialekticheskogo atlasa russkogo yazyka* / sost. Kabinetom rus. dialektologii In-ta yaz. i myshleniya AN SSSR. М.; L., 1940.
10. *Voprosnik dlya sostavleniya dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka* / sost. V.I. Chernyshev, B.A. Lapin, S.A. Eremin, F.P. Filin; red. F.P. Filin. L., 1936.
11. *Voprosnik Obshchесlavjanskogo lingvisticheskogo atlasa*. М., 1965.
12. *Voprosy teorii lingvisticheskoy geografii* / pod red. R.I. Avanesova. М., 1962.

13. Grunskij N.K. Russkij yazyk: uchebnik dlya 4 klassa: primenitel'no k novym programmam Min. nar. pr. dlya sredne-uchebnyh zaved. Yur'ev, 1913.
14. Durnovo N.N. Programma dlya sobiraniya svedenij, neobhodimyh dlya sostavleniya dialektologicheskoy karty russkogo yazyka. 2: Severnovelikorusskie i srednevelikorusskie govory / sost. N.N. Durnovo; k nastoyashchemu izdaniyu prigotovil sekretar' Komissii professor Yarosl. ped. inst. I.G. Golanov; Mosk. dialektol. komis., sost. pri Otd-nii rus. yaz. i slovesnosti Akad. nauk SSSR i Lingvist. kab. Yarosl. ped. in-ta. 2-e izd. Rybinsk, 1926.
15. Durnovo N.N., Sokolov N.N., Ushakov D.N. Dialektologicheskaya karta russkogo yazyka v Evrope / sost. chlenami Moskovskoj dialektologicheskoy komissii, sostoyashchej pri Otdelenii russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk; Izd-e Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Petrograd, 1914.
16. Durnovo N.N., Sokolov N.N., Ushakov D.N. Opyt dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope s prilozheniem ocherka russkoj dialektologii. M., 1915.
17. Karinskij N.M. Programma dlya sobiraniya narodnyh govorov Petrogradskoj gubernii, sostavlenaya professorom N.M. Karinskim. Petrograd, 1920.
18. Karinskij N.M. Programma dlya sobiraniya russkih narodnyh govorov Vyatskogo kraja v svyazi s sobiraniem drugih mestnyh etnograficheskikh osobennostej // Izv. Vyat. nauch.-issled. in-ta kraevedeniya. Vologda, 1922. № 1. S. 32–39.
19. Karinskij N.M. Programma dlya sobiraniya svedenij o russkih narodnyh govorah Vyatskogo kraja. Vyatka, 1925.
20. Karinskij N.M. Programma-anketa po sobiraniyu narodnyh govorov Vyatskoj gubernii. I. Vyatka, 1918.
21. Karinskij N.M. Programma-anketa po sobiraniyu svedenij o narodnyh govorah Peterburgskoj gubernii. SPb., 1911.
22. Komshilova E.A. Nikolaj Mihajlovich Karinskij – dialektolog: k 10-letiyu so dnya smerti (1935–1945) // Byulleten' dialektologicheskogo sektora Instituta russkogo yazyka. M., 1948. Vyp. 3. S. 83–91.
23. Kratkaya programma po sobiraniyu osobennostej russkih govorov. SPb., 1909.
24. Kul'bakin S.M. Uchebnik po russkomu yazyku: dlya 4 kl. sred. ucheb. zavedenij: (Primenit. k progr., utv. 21 apr. 1912 g.). Har'kov, 1913.
25. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya). 2000 / otv. red. A.S. Gerd. SPb., 2003.
26. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya). 2001–2004 / otv. red. A.S. Gerd. SPb., 2004.
27. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) / otv. red. A.S. Gerd. SPb., 2015.
28. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) / otv. red. S.A. Myznikov. SPb., 2020.
29. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) / otv. red. S.A. Myznikov. SPb., 2021.
30. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. T. 1: Rastitel'nyj mir. M.; SPb., 2017.
31. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov. T. 2: Zhivotnyj mir. M.; SPb., 2022.
32. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov: Materialy i issledovaniya. 1992 / red. A.S. Gerd, I.A. Popov. SPb., 1994.
33. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov: probnyj vypusk / otv. red. I.A. Popov, T. I. Vendina; nauch. red. I.A. Popov, A.S. Gerd, S.A. Myznikov. SPb., 2004.
34. Lomonosov M.V. Polnoe sobranie sochinenij. T. 7: Trudy po filologii. 1739–1958 gg. M.; L., 1952.
35. Moiseev B.A. Orenburgskij oblastnoj slovar'. Orenburg, 2019.
36. Narodnaya enciklopediya nauchnyh i prikladnyh znaniy. T. VII: Yazykoznanie i istoriya literatury. M., 1911.
37. Neroznak V.P. Areal'naya lingvistika // Lingvisticheskij enciklopedicheskij slovar' / gl. red. V.N. Yarceva. M., 1990. S. 43–44.
38. Nikitin O.V. Izmail Ivanovich Sreznevskij. 1812–1880 // Russkaya rech'. 2012. № 5. S. 70–80.
39. Nikitin O.V. «Chistyj serdcem chelovek» (k 130-letiyu so dnya rozhdeniya D.N. Ushakova) // Russkij yazyk za rubezhom. 2003. № 3. S. 79–81.

40. Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas: vstup. vyp.: Obshchie principy: Spravochnye materialy. M., 1994.
41. Obshcheshlavyanskij lingvisticheskij atlas: Seriya leksiko-slovoobrazovatel'naya. Vyp. 12: Lichnye cherty cheloveka / otv. red. T.I. Vendina. M.; SPb., 2020.
42. Popov I.A. Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov: (Prospekt) / red. F.P. Filin. L., 1974.
43. Potapov V.V. Ruben Ivanovich Avanesov (k 100-letiyu so dnya rozhdeniya) // Vopr. yazykoznanija. 2002. № 4. S. 119–131.
44. Programma sobiraniya svedenij dlya Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov: Leksika prirody / podgot. Yu.S. Azarh [i dr.]. M.; L., 1990.
45. Programma sobiraniya svedenij dlya Leksicheskogo atlasa russkih narodnyh govorov. Ch. I–II / otv. red. I.A. Popov. SPb., 1994.
46. Programma sobiraniya svedenij dlya sostavleniya dialektologicheskogo atlasa russkogo yazyka: pril. k otchetu o rabote Nauch. dialektol. konf. po severnorussk. govoram v g. Vologde 20–28 iyulya 1944 g. Vologda, 1945. Vyp. 1.
47. Programmy dlya sobiraniya osobennostej narodnyh govorov. I: Programma dlya sobiraniya osobennostej govorov severno-veliko-russkogo narechiya. Spb., 1895.
48. Programmy dlya sobiraniya osobennostej narodnyh govorov. Spb., 1900. Ch. 1–3.
49. Pshenichnova N.N. Lingvisticheskaya geografiya (po materialam russkih govorov). M., 2008.
50. Runova T.G. Alyab'evy: Istoriko-biograficheskij ocherk // Mosk. zhurn.. 2020. № 9(357). S. 18–29.
51. Sobolevskij A.I. Dialektologicheskaya karta russkogo yazyka v Evrope. Sostavlena chlenami Moskovskoj dialektologicheskoy komissii, sostoyashchej pri Otdelenii russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoj Akademii nauk, N.N. Durnovo, N.N. Sokolovym i D.N. Ushakovym: Izdanie Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. Petrograd. 1914 g.: [rec.] // Zhurn. Ministerstva nar. prosveshcheniya. Novaya seriya. Ch. 57. 1915. Kn. 6. S. 399–402.
52. Spisok naselennyh mest Arhangel'skoj gubernii. Na 1 maya 1922 g. S prilozheniem spisokov naselennyh mest Murmanskoy gub., Kemskogo uyezda Korel'skoj Trudovoj Kommuny i Pechorskogo uyezda Oblasti Komi (Zyryanskoy). Arhangel'sk, 1922.
53. Sreznevskij I.I. Zamechaniya o materialah dlya geografii russkogo yazyka // Vestn. Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva za 1851 g. Ch. 1. Kn. 1–2. Otd. V. S. 1–24.
54. Suprun V.I. Regiolekt vs dialekt: novye poiski etnolingvistov (razmyshleniya po povodu knigi: Doneckij regiolekt: monogr. / pod red. V.I. Terkulova. – Doneck: Foliant, 2018. – 265 s.) // Neofilologiya. 2020. T. 6. № 24. S. 836–845.
55. S'yanova E.I. Leksikograficheskoe opisanie russkih govorov Leningradskoj oblasti: metody i principy raboty // Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij RAN. 2016. T. 12. Ch. 3. S. 731–762.
56. Ushakov D.N., Golanov I.G. Kratkij ocherk deyatel'nosti Postoyannoj komissii po dialektologii russkogo yazyka za 12 let (yanvar' 1914 g. – yanvar' 1926 g.) // Ushakov D.N. Russkij yazyk. M., 1995.
57. Ushakov D.N., Sokolov N.N. Kratkij ocherk vozniknoveniya Moskovskoj dialektologicheskoy komissii i ee deyatel'nosti za pervoe desyatiletie (1904–1914 gg.) // Ushakov D.N. Russkij yazyk. M., 1995.
58. Shahmatov A.A. Materialy dlya izucheniya velikorusskih govorov. Vyp. II: Izvlecheniya iz 6 soobshchenij na «Programmu dlya sobiraniya osobennostej govorov severno-velikorusskogo narechiya». SPb., 1896.



Establishment and development of the Russian Linguo-Geography and Linguo-Cartography

The article deals with the issues of the establishment of the Russian Linguo-Geography and charting the dialectal units and phenomena at the maps. There is given the historical survey of the views on the East Slavic and Russian dialects. There are defined the prospects of the Linguo-Geography studies in Russia.

Key words: *linguistic geography, dialect, dialect cartography, questionnaire, "Lexical Atlas of the Russian folk dialects".*

**ФРИКАТИВНЫЙ [ɣ] В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ**

Выявлены и систематизированы разновидности фрикативного [ɣ] в современном русском языке, а также сферы, мотивы и приемы его употребления в литературной речи.



Ключевые слова: *литературная норма, культура речи, орфоэпия, декламация, произносительный стиль, фонетические славянизмы, фрикативный и взрывной г.*

В специальной литературе характеристика фрикативного [ɣ] нередко сводится к кратким, зачастую безапелляционным констатациям. Так, в учебном пособии, адресованном филологу, читаем: «Южнорусский фрикативный звук [ɣ], близкий к [x], заменен взрывным [г]. Фрикативный [ɣ] фиксировался в словах типа *бо/γ/, бла/γ/о, /γ/осподи* (*бог, благо, господи*). По современной норме фрикативный [ɣ] сохранился только в междометиях *ага, господи* и в слове *бухгалтер*» [3, с. 58]. Для более полного освещения, в частности лингвометодического освоения данной непростой темы (особенно в филологической аудитории), необходим ряд пояснений, в частности: 1) разницы в произношении вариантов *Бог* и *бог*; 2) причин сохранения фрикативного [ɣ] в междометиях (разумеется, не только в словах *ага* и *господи*); 3) произносится ли слово *бухгалтер* только с фрикативным [ɣ], и по каким именно причинам; 4) всегда ли можно читать, декламировать тексты русской художественной классики и, что не менее важно, воспринимать их исполнение мастерами сценической речи, зафиксированное в золотой фонотеке России, «по современной норме», etc. Рассмотрим фрикативный [ɣ] с этой точки зрения.

1. Фрикативный [ɣ] как орфоэпический славянизм

В литературном языке заимствованные слова нередко произносятся по законам языка-донора, т. е. на иноязычный лад; этот произносительный стиль известен как ксенофония [англ. *xenophony* < греч. *ξένος* ‘чужой’, *φωνή* ‘звук’]. Постепенное вытеснение заимствованных фонем, замена их фонемами родного языка имеет характер универсалии; ушедшие в прошлое особенности произношения становятся предметом исторической орфоэпии, знакомство с которой необходимо, в частности, для правильной декламации и верного филологического комментирования произведений классики, напр.:

И русский в шумной глубине
Уже плывет и пенит волны,
Уже противных скал достиг,
Уже хватается за них...

А.С. Пушкин. Кавказский пленник (1822)

Применительно ко второму двустижью целесообразно следующее разъяснение: «Достигнуть. Заимств. из ст.-сл. яз.» [26, с. 130]; следовательно, в этом слове в соответствии с орфоэпическими нормами пушкинской эпохи «на месте *г* надо читать *х*» [1, с. 41], что, как известно, было приметой книжной речи, а также высокого произносительного стиля (см., напр.: [19, с. 207]).

1.1. Источник орфоэпического славянизма [ɣ]

Считается, что такое произношение пришло к нам из старославянского языка*. Здесь необходимо уточнение: это произношение «...могло придти к нам только *через*

* Будем полагать, что «никакого теоретического водораздела между старославянским и церковнославянским не существует» [7, с. 79].

посредство южной Руси, ибо болгары, как видно из современного нам болгарского языка и из других южнославянских языков, знали только мгновенное г (g)» [27, с. 86], ср.: «Это пережиток старого литературного произношения, которое пришло к нам из *просвещенной Киевщины...*» [28, с. 175]; т. е. применительно к источнику фрикативного [γ] следует говорить о «киевском (Kievan Church Slavonic)» [29, с. 101], или «“южнорусском” (т. е. украинском) изводе церковнославянского языка» [24, с. 270].

1.2. Экспансия орфоэпического славянизма [γ]

Известно, что в XVIII в. «явные русизмы» (и даже, добавим, заимствования) могли «произноситься и так, и эдак, в зависимости от стиля речи» [19, с. 214], то с взрывным, то с фрикативным г, т. е. последний распространился на произношение слов, по своему происхождению никак не связанных с церковнославянским языком, напр.: *В полях кровавых Марс страшился, Свой меч в Петровых зря руках, И с трепетом Нептун чудился, Взирая на Российский флаг* (М.В. Ломоносов. Ода на день восшествия на Всероссийский престол Ее Величества Государыни Императрицы Елисаветы Петровны 1747 года), ср. нидерл. *vlag* ‘знамя’. Причинами такой экспансии, по-видимому, стали: 1) престижность фрикативного [γ], который, равно как и безударное [o], ввиду активного использования славянизмов в книжной речи и высоком стиле, стал ассоциироваться с книжной и торжественной речью: «В трагедии правильным считалось произношение *юра* при бытовом произношении *гара*» [4, с. 25]; 2) закон речевой экономии, поскольку [γ] по сравнению с [г] более прост в артикуляционном отношении (см. ниже пункт 3).

1.3. Причины ухода славянизма [γ]

В настоящее время фонема [γ] обязательна для формы им. п. ед. ч. от лексико-семантического варианта *Бог* (в косвенных падежах эта фонема уже отсутствует); в славянизмах *благо*, *богатый*, *господь* произношение с фрикативным [γ] уже в середине 60-х гг. XX в. считалось «устаревшим» [15, с. 62]. Причины ухода орфоэпического славянизма [γ] известны, но до сих пор не сгруппированы. Назовем их.

1. Отсутствие графической поддержки фонемы /γ/: «не было особой буквы, которая могла бы поддержать ее престиж» [14, с. 28].

2. Асистемность. Использование этой фонемы всегда задавалось не правилом, а списком, список же, в отличие от правила, запомнить сложно. Со списочным характером фрикативного [γ] связана стихотворная загадка М.В. Ломоносова «О сомнительном произношении буквы Г в Российском языке» (между 1748 и 1754 гг.), автор этого стихотворения выступает против введения предложенных В.К. Третьяковским букв *га* и *глаголь* для разграничения взрывного и фрикативного г:

Бургисты берега, благоприятны влаги, [g – g – γ – γ]
 О горы с гроздами, где греет юг ягнят. [γ – γ – γ – g – g – g]
 О грады, где торги, где мозгокружны браги [γ – γ – g – γ – γ – g]
 <...>
 Гневливые враги и гладкословный друг, [γ – γ – γ – γ]
 Толпыги, щеголи, когда вам есть досуг. [g – g – γ – γ]
 От вас совета жду, я вам даю на волю:
 Скажите, где быть *га* и где стоять *глаголю*?*

3. Паразитарные ассоциации с диалектным произношением: [γ] в славянизмах «легко может быть воспринято как южнорусский диалектизм» [28, с. 175]. Видимо, по этой же причине ушло из литературного языка и церковнославянское оканье, ассоциирующееся с северными диалектами.

1.4. Орфоэпический славянизм [γ] как предмет комментирования

Церковнославянский [γ] практически вытеснен из современного узуса, но всегда останется актуален как предмет филологического комментирования – прежде всего по следующим двум причинам.

* Произношение выставлено по работам: [20, с. 115–129; 30, с. 123].

1. Ушедшее из современного узуса произношение слышим, напр., в записях радиоспектаклей и театральных постановок прошлых лет, ср.: а) Лопехин. *Пришел поезд, слава бо[γ]у* (А.П. Чехов. Вишневы сад, 1903; постановка МХАТ, 1951); б) Астров (с досадой). *Покорно бла[γ]одарю. Что ж, надо ехать...* (А. П. Чехов Дядя Ваня, 1896; постановка МХАТ, 1949, роль играет Б. Н. Ливанов); в) Надежда Антоновна. *Оба они бо[γ]аты и мотают, но Кучумов бо[γ]аче и добрее*; в) Она же. *Бла[γ]одарю вас, очень рада* (Н.А. Островский. Бешеные деньги, 1869; постановка Малого театра, 1948), роль Н.А. Чебоксаровой играет А.А. Яблочкина (1866–1964).

2. Старинное произношение закреплено в текстах русской художественной классики. Рассмотрим в этой связи два показательных случая.

2.1. Фрикативный [γ] в конце слов заменялся глухим [x], в силу чего, по указанию М.В. Ломоносова, буква *z* произносится «как *x* в именительном единственном *Богъ*» [12, с. 426–427]. Приглядимся, однако, к рифме:

От ревности печальный *бог*
Спокойно подремать не *мог*.

А.С. Пушкин. Амур и Гименей (1816)

В.И. Чернышев считает произношение *мо[x]* в этой рифме областным [25, с. 76]. На самом деле в слове *бог / Бог* «возможны варианты с <г> и с <γ>, но они имели скорее семантический, чем стилистический характер. *Античным богам не была положена фонема <γ>*» [14, с. 201, ср.: 19, с. 211]. Лексические варианты *Бо[x]* (*христианский*) и *бо[к]* (*Гименей*) противопоставлены: а) фонетически; б) орфографически; в) семантически, а значит, и в плане сочетаемости. Следует читать: *бо[к] – мо[к]*.

2.2. В романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» (1878–1880) монах Ферапонт «говорил с сильным ударением на *о*» и с фрикативным [γ]: «А грузди? – спросил вдруг отец Ферапонт, произнося букву *z* придыхательно».

Здесь заметим: церковнославянскому языку свойственно оканье («ударение на *о*»). Под влиянием церковнославянского «неударяемое *о*» стало использоваться в торжественной речи [25, с. 64]. Так, в повести И.С. Тургенева «Пунин и Бабурин» (1872) читаем: «Я даже, признаться, по этому случаю [...] четверостишие к портрету Парамона Семеновича сложил:

С пеленок не шадя гонений лютых, рок
Ко краю бездны зол Бабурина привлек!
<...>

Пунин произнес эти стихи размеренным, певучим голосом и на *ó*, как и следует читать стихи». Речь Ферапонта имеет разговорно-бытовой характер; известно, однако, что «[в]ысокий авторитет церковно-славянского языка покровительствовал оканью и в бытовой речи» [14, с. 432].

В связи с изложенным трудно принять следующий комментарий: «Достоевский несомненно хотел показать читателю, что отец Ферапонт происходит из крестьян и необразован. Однако же в изображении речи Ферапонта он допустил прямую лингвистическую ошибку: оканье – черта севернорусская, а произнесение буквы *z* как [γ] – черта южновеликорусская. Тем самым у русского человека вместе они *не соединяются* – именно так говорящего Ферапонта в действительности быть не могло» [8, с. 32]. Однако:

а) безударное [о] и фрикативный [γ] в произношении монаха Ферапонта должны быть охарактеризованы как фонетические славянизмы, характерные для речи священника XVIII–XIX вв.: «“оканье”, наряду с фрикативным произношением *z*, часто проникло в речь духовенства» [20, с. 44];

б) комбинация безударного [о] и фрикативного [γ] как условных (т. е. территориально иррелевантных, не привязанных к конкретному локусу) маркеров речи простолно-

дина регулярно применяется в качестве приема стилизации. Именно так были созданы речевые образы: а) «провинциала Саввы Геннадича Василькова», одного из героев пьесы Н.А. Островского «Бешеные деньги», который «разговаривает, как матрос с волжского парохода», ср.: Васильков. *Но что же вам, сударыня, у[γ]одн[о] знать [о]б[о] мне?* (Постановка Малого театра, 1948; роль С.Г. Василькова играет Н.К. Яковлев); б) «отставного портупей-юнкера Егора Сюсина, здоровнейшего парня с обрюзглым, испытанным лицом»: *Ле[w]... Син[о]нім м[оу]ущества, с[о]единенного с [γ]рацией* (А.П. Чехов. Циник, 1885; читает В.И. Качалов, 1947).

2. Эмфатический [γ]

Фрикативный [γ] допускается «в некоторых междометиях», напр. «эге, ага, ого, ей-богу, господи и пр.» [13, с. 117]. Причина этой орфоэпической вольности неясна. Дело, видимо, в том, что фрикативные звуки, в отличие от взрывных, тянутся, ср.: фрикативный [γ] «качеством похож на *z*, но только *его можно протянуть*» [21, с. 39; 2, с. 80]; думается, именно потому он может выступать основой для эмфатического ударения, при котором происходит удлинение не только гласных (этот прием известен как *эктаσις*, ср. греч. *ἔκτασις* ‘удлинение’), но и согласных (геминация): [γ:]*осподи!* *о[γ:]о!* *ей-бо[γ:]у!* Ср.: Ани сь я Тихонова. [γ:]*о[с:]поди!* *Ничего не понимаю...* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. На золотом дне, 1886; постановка Театра имени Вахтангова, 1955).

Исследователи отмечают «особую экспрессивную роль звука [γ]» и за пределами междометий, что, по их мнению, характерно для «сниженно-разговорного стиля» и «выявляется в таких, напр., контекстах: *Какой [γ]ушь! Пальчики оближешь!*», *Какой же ты [γ]рязный!* [5, с. 235–236; 17, с. 119–121; 11, с. 95]. Ср. также: а) Фирс. *И, бывало, сушеную вишню возами отправляли в Москву и в Харьков. Дене[γ] было!* (А.П. Чехов. Вишневы сад, 1903; постановка МХАТ, 1951); б) Феклуша. *Бла-алеппе, милая, бла-алеппе! Красота дивная! Да что уж [γ]оворить!* (А.Н. Островский. Гроза, 1859; постановка Малого театра, 1962). Е.М. Шатрова, исполнявшая роль Феклуши, тянет эту фразу. В крике, в состоянии крайнего возбуждения, гнева контроль над смычкой может быть ослаблен или даже утрачен, напр.: Молоков. *А это я гостинца тебе из Нижнего привез... с волчьими зубами гостинец-то. Эй, господин прокурор, подойдите-ка сюда и полюбуйтесь: это вот и есть Иван Тимофеич Засыпкин, сатан[а:] и [γ]ришка Отрепьев!* (Д.Н. Мамин-Сибиряк. На золотом дне, 1886; постановка Театра имени Вахтангова, 1955). Эмфатический [γ:] слышится, на фоне эмоционального удлинения других звуков, в песнях В. Высоцкого, напр.: *Если дру[к:] оказался вдру[х:] И не дру[х:], и не вра[х:], а так...* (Песня о друге, 1967), *Да не все то, что све[р:]ху, от Бо[γ:]а...* (Баллада о детстве, 1975).

3. Фрикативный [γ] как средство упрощения артикуляции

Щелевой [γ] проще для произношения, чем взрывной [г], поэтому замена «[г] → [γ]» отвечает закону речевой экономии. При такой замене, которая в литературном языке представлена двумя технически противоположными случаями, описанными ниже, фрикативный [γ] возникает в результате следующих процессов.

1. «Озвончение глухого *x* перед звонкими согласными» [15, с. 61], точнее, контактная регрессивная *ассимиляция* по звонкости, напр. в контекстах типа *стра[γ] душит* [4, с. 60], *сме[γ] бы* [18, с. 141], *За одного битого двух небиты[γ] дают*; в подобных случаях звук [γ] выступает в статусе комбинаторного варианта, т. е. аллофона фонемы [х]. В слове *бухгалтер* литературным является произношение либо с ассимилятивным [γ] при выпадении звука [г], либо с взрывным [г] при выпадении звука [х]; и в первом, и во втором случае произношение облегчается за счет разрушения артикуляционно неблагозвучного консонантного скопления *xg*.

2. «Диссимиляции по смычности в консонантном сочетании» [19, с. 215, ср. 4, с. 65], или, точнее, контактной регрессивной *диссимиляции* двух смычных. Здесь могут быть выделены два различных по отношению к кодификации комбинаторных типа:

2.1. Перед взрывным задненебным [к] и аффрикатой [ч]: лит. *мя[х]кий, ле[х]кий, ле[х]чайший**.

2.2. Перед взрывными дентальными: неправ. [х]то, ко[х]ти, до[х]тор, хотя такое произношение: а) «для некоторых случаев было не чуждо и старым московским нормам» [2, с. 146], ср.: Фамусов. *Он все свое. Да расскажи подробно, // [γ]де был, скитался столько лет?* (А.С. Грибоедов. *Горе от ума*, 1825; постановка Малого театра, 1945); б) допускалось «в наречиях на -гда» [2, с. 81], напр.: *Их лица мне представляются и теперь ино[γ]да в шуме и толпе среди модных фраков* (Н.В. Гоголь. *Старосветские помещики*, 1835; исполн. артист Ленинградского театра драмы И.О. Горбачев, 1974); Фамусов. *То[γ]да не то, что ныне* (А.С. Грибоедов. *Горе от ума*, 1825; постановка Малого театра, 1945, в роли П. Фамусова – П.М. Садовский мл., 1874–1947); Телятев. *Я все[γ]да говорю то, что чувствую* (Н.А. Островский. *Бешеные деньги*, постановка Малого театра, 1948).

По нашим наблюдениям, отдельные вкрапления фрикативного [γ], видимо, на правах своего рода «орфоэпической вольности», еще не так давно были допустимы и в иных комбинаторных условиях, ср.: а) Яков. *Так вам меня жалко, А[γ]рафена Ивановна?* (М. Горький. *Враги*, 1906; постановка МХАТ им. М. Горького, 1949); б) Лидия. *Такова участь всех матерей, которые воспитывают детей в роскоши и оставляют их без дене[х]* (Н.А. Островский. *Бешеные деньги*; постановка Малого театра, 1948); в) Милонов (Восмибратову). *Ах, Ваня, Ваня, как ты [γ]руб! <...> Все-таки, Ваня, надо быть осторожнее, мой дру[х]...* (Н.А. Островский. *Лес*, 1870; постановка Малого театра, 1974, Евг. Аполл. Милонова играет Н.И. Рыжов, коренной москвич, представитель актерской театральной династии); г) Войнички. *Моя старая [γ]алка, татап, все еще лепечет про женскую эмансипацию* (А.П. Чехов. *Дядя Ваня*, 1896; постановка МХАТ, 1949; роль играет Б.Г. Добронравов, коренной москвич); д) *Не у[γ]одно ли послушать, каково завывает? Дождь, [г]рязь, слякоть, ветер...* (Н.А. Некрасов. *Осенняя скука*, 1848; читает актер МХАТ А. Н. Грибов, 1953); е) *Или музыкой и певцами, Органом и волюнкой вдруг Или кулачными бойцами И пляской весело мой дух* (Г.Р. Державин. *Ода «Фелица»*, 1782), в этой рифме Б.А. Успенский видит рефлекс «московского произношения» [19, с. 227], впрочем, здесь можно предположить и влияние высоко-го славянизированного стиля (см. выше пункт 1.2), а также ст.-слав. *другъ*; ж) Фамусов. *Сер[г]ей Сер[γ]еич, я пойду, // буду ждать вас в кабинете* (А.С. Грибоедов. *Горе от ума*, 1825; постановка Малого театра, 1945). П.М. Садовский (мл.) регулярно произносит отчество Скалозуба с [γ]; возможно, здесь имеет место дистантная прогрессивная диссимилиация. Логично предположить, что орфоэпические вольности, указанные нами, стали той основой, на фоне которой произошла частичная кодификация фрикативного [γ] в случае (2.2).

4. Диалектный и просторечный [γ]

В свое время «школа, радио, звуковое кино, театр, граммофонная и патефонная пластинка помогли остановить натиск диалектов» [14, с. 16], поэтому в настоящее время «территориальные диалекты уже не играют существенной роли в образовании норм современного литературного языка» [6, с. 146]. Вместе с тем диалектная фонетика продолжает воздействовать, но не на литературный язык, а прежде всего на просторечие, так что многие особенности диалектного произношения свойственны теперь и городскому просторечию. Одной из таких особенностей является замена взрывного [г] фрикативным [γ]. Навык использования этого звука (*но[γ]а, ро[γ]а*) «оказывается весьма стойким, и при усвоении ими литературного произношения обнаруживает значительную сопротивляемость вытеснению взрывным г» [15, с. 62]. Еще в 2001 г. Л.П. Крысин отметил экспансию диалектного и просторечного [γ]: «В последние десятилетия наблюдает-

* Ср.: «Правильным считалось появление фрикативного согласного на месте первого звука в сочетаниях “взрывной задненебный + взрывной задненебный” или “взрывной задненебный + ч”» [10, с. 169].

ся необычайная экспансия типа произношения с [γ] фрикативным – как территориальная (с европейского юга России в среднерусские и северные города), так и социальная (от носителей диалекта к носителям просторечия и носителям литературного языка)», в результате [γ] «звучит сейчас и из радиоприемника, и с телеэкрана, и с парламентской трибуны» [11, с. 95], ср.:

Я хотел бы всем москвичам [...] передать большой привет от наших с вами [γ]раждан из ре[γ]ионов Приморского края и Республики Хакасия.

Выступление депутата Государственной думы Ю.В. Афонина
(26.09.2018)

Фрикативный [γ] распространен «южнее Великих Лук, Ржева, Москвы, Пензы» [16, с. 69]: Брянской, Воронежской, Курской, Орловской, Рязанской, Смоленской, Тульской и др.; Ю.В. Афонин родился и вырос в Туле. Д.Н. Ушаков отмечает, что очень стойким оказывается [x] на месте [к] в конце слова: *вдру[x]* вм. *вдру[к]*, *лу[x]* вм. *лу[к]*, *сапо[x]* вм. *сапо[к]*; это [x] часто остается у них единственной нелитературной чертой «и передается потомству» [22, с. 175], что характерно и для уроженцев Украины:

Не было у крестьян дене[x]...

В.Р. Мединский. Рассказы из русской истории. XVIII век
(ТВ, 08.10.2022)

В.Р. Мединский родился в г. Смела Черкасской области. Терминальное [x] встречается в рифмах «у поэтов, которые родились и выросли в тех южных губерниях, в которых произносят всякое *г* перед гласной по-малорусски [...] и конечное *г* обращают в *х*» [25, с. 75–76], ср.: *И глухо, как от подачки, Когда бросят ей камень в смех, Покатились глаза собачьи Золотыми звездами в снег* (С. Есенин. Песнь о собаке, 1915); *Мы вместе плясали на хатах безудержный танец щегла... И всех человеческих каторг нам вместе дорога легла* (Н. Асеев. Птичья песня, 1922); *Не такое ловит слух [...] – Это слышит Теркин вдруг* (А. Т. Твардовский. Василий Теркин, 1942–1945); *Сердце чувствует согласие Свежих ран и дальних вех... Снегири сидят на ясене, Сыплют семечки на снег* (А. Жигулин. Наконец пришло спокойствие..., 1968). Есенин родился и вырос в деревне Константиново Рязанской губернии, Асеев – в г. Льгове Курской губернии, Твардовский – на хуторе Загорье Смоленской области, Жигулин – в Воронеже. Нелитературная рифма *А теперь, когда достиг Я вершины дней своих [...]* (Н. Бараташвили. Цвет небесный, синий цвет..., 1841; пер. Б. Пастернака, ок. 1938), как и билабиальное [w] (*сня[w]ишь*), объясняется «одесскими корнями» семьи поэта [10, с. 162]. Судя по рифме, южное происхождение имеют выражения *Старый друг лучше новых двух* и *Не дал Бог свиные рог*.

В свете приведенных фактов трудно не принять следующую констатацию: фрикативный [γ] «запрещен нормой, но живет реально – в речи носителей литературного языка» [11, с. 95], уточним: живет на правах орфоэпического недочета, если не ошибки.

5. Диалектно-просторечный и украинский [γ] в литературном языке

Если литературный [γ] используется в настоящее время лишь на правах отдельных вкраплений, то диалектно-просторечный и украинский имеют сквозной характер, появляясь на месте взрывного [г] либо во всех случаях, либо регулярно в конце слов и в интервокальной позиции: *но[γ]а, лу[γ]овой, бере[γ]у* [15, с. 67]. Существует две сферы использования сквозного фрикативного [γ] в литературном языке, возможных и приемлемых с точки зрения нормы. Рассмотрим их.

5.1. Фрикативный [γ] как средство иронии

И диалектно-просторечный, и украинский [γ] рассматривают как чуждые литературному языку, непрестижные, напр.: «Это и был захавший на несколько дней из своего Днепропетровска <Александр> Хургин. Фрикативное “г”, от которого он не избавился по сию пору, с потрохами выдавало в новом знакомце провинциала» (И. Иртенев.

Предисловие к рассказам А. Хургина, 2012). Отрицательное отношение носителей литературного языка к такому [γ] служит коннотативной основой для использования его с целью выражения иронии:

На спиритическом сеансе
крутилась блюдечка эмаль,
и отвечал в манере басни
Олег нам почему-то Даль.
Был медиум с Кубани родом
и уверял, что лучше всех
загробным сурдопереводом
владеет именно Олех.

Д. Новиков. Даль (2005)

Ср.: *В этих современных так называемых [γ]имназиях...* (Разг. речь).

5.2. Фрикативный [γ] как средство стилизации

На основе ненормативного [γ] создаются следующие типы стилизации.

1. Диалектная и просторечная; именно так были созданы, к примеру, речевые портреты: а) слуги в пьесе Н.В. Гоголя «Женитьба» (1833): *Степан. Да, это <сукно> будет попри[γ]лядистее, что на вашем* (Постановка Ленинградского БДТ им. М. Горького, 1959), ср. далее: *Степан. Нет, ничего не [γ]оворил*; б) некоторых неблагополучных героев Вл. Высоцкого: *Потом в скверу, [γ]де детские [γры]бочки, Потом не помню... Дошел до точки* (Песня «Милицейский протокол», 1971); в) бандита Лелика в кинокомедии Л. Гайдая «Бриллиантовая рука» (1968): *Как [γ]оворит наш доро[γ]ой шеф, если человек идиот, то это надол[γ]о!*

2. Национальный, в частности украинский колорит, хотя, строго говоря, вместо фрикативного [γ] в украинской речи слышится «фарингальное *h*» [23, с. 244], т. е. «гортанное придыхание» [21, с. 40], сопровождаемое отсутствием качественной редукции гласных, ср.: *р[оу]а*. Примерами могут послужить: а) речевой образ няни Вики, главной героини комедийного телесериала «Моя прекрасная няня» (2004–2009), созданный киноактрисой Анастасией Заворотнюк; б) песни Верки Сердючки, за «[γ]экающим» и «шокающим» образом которой скрывается артист Андрей Данилко: *Ой, чувствую я, девки, за[γ]уляю, ой, за[γ]уляю!* («Все будет хорошо», 2003).

3. Пародия, т. е. стилизация в целях насмешки, напр.: *Я думаю, что вот песня, русская, любая, то, о чем я [γ]оворил, любая песня помо[γ]ает дви[γ]аться [ў]перед!* (Пародия М. Грушевского на речь М.С. Горбачева, 1990), ср.: «У образованной части населения [...] вызывали неприятие, насмешку фрикативное *Г* и билабиальное *В* в произношении М.С. Горбачева, особенно в сочетании с его лексико-грамматическими диалектизмами и специфической артикуляцией», которые «легко гипертрофировались популярными юмористами-сатириками» [9, с. 276].

Еще Квинтилиан указал на то, что «фигура становится ошибкою, если она не преднамеренна, а случайна» (cf.: «*Esset enim orationis schema vitium, si non peteretur sed accideret*»), т. е. сколько есть ошибок, столько же есть фигур, поэтому первые похожи на вторые («*vitio simile sit schema*») [31, с. 111, 112]. Диалектно-просторечный и украинский [γ], используемые в целях иронии и стилизации, обретают статус стилистического средства.

Подведем итоги проведенного нами исследования.

1. Фрикативный [γ] известен как средство: а) возвышения стиля (наиболее активно – в XVIII – первой трети XIX в.) – в силу престижности церковнославянского языка; б) эмфазы – ввиду целевого характера и способности тянуться; в) упрощения артикуляции, этим фактом объясняются его допустимость старомосковской орфоэпической нормой, а также экспансия в современном городском просторечии; г) иронии – на основе

ассоциаций с просторечным и южным произношением; д) создания просторечного, диалектного и украинского колорита.

2. Ассоциации с просторечным и южным произношением ограничивают применение [γ] в литературной речи как средства возвышения стиля, эмфазы и упрощения артикуляции, оттесняя его в сферу исторической орфоэпии.

3. Не только тексты художественной классики, но и их исполнение мастерами сценической речи, зафиксированное в золотой фонотеке и востребованное многими поколениями россиян, хранят орфоэпические варианты прошлого, тем самым приближая их к реальности современного русского языка.

Список литературы

1. Аванесов Р.И. Нормы русского литературного произношения в их историческом развитии // Русская речь. 1981. № 3. С. 38–43.
2. Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. 5-е изд. М., 1972.
3. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по филол. направлениям и специальностям. М., 2001.
4. Винокур Г.О. Русское сценическое произношение. М., 1948.
5. Воронцова В.Л. Еще раз о произношении [γус'] // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы / ред. В.В. Высотский и др. М., 1971. С. 235–236.
6. Горбачевич К.С. Нормы современного русского литературного языка. М., 1978.
7. Живов В.М. История языка русской письменности. М., 2017. Т. I.
8. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. М., 2008.
9. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. СПб., 1999.
10. Крисанова Е.В. Фонетические портреты А. Ахматовой и Б. Пастернака (консонантизм) // Philologica. 1998. Т. 5. № 11/13. С. 155–175.
11. Крысин Л.П. Современный русский интеллигент. Попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.
12. Ломоносов М.В. Российская грамматика [1755] // Его же. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М. – Л., 1952. С. 389–578.
13. Панов М.В. О стилях произношения (в связи с общими проблемами стилистики) // Его же. Труды по общему языкознанию и русскому языку. М., 2004. Т. 1. С. 103–136.
14. Панов М.В. История русского литературного произношения XVII–XX вв. 3-е изд. М., 2007.
15. Пеньковский А.Б. О некоторых закономерностях усвоения орфоэпических норм (г смычное и γ фрикативное) // Вопросы культуры речи / отв. ред. В.Г. Костомаров. М., 1967. Вып. VIII. С. 61–72.
16. Пожарицкая С. Русская диалектология. Praha, 2016.
17. Реформатский А.А. «[γус']» // Вопросы культуры речи / под ред. С.И. Ожегова. М., 1966. Вып. VII. С. 119–121.
18. Реформатский А.А. Введение в языкознание. 3-е изд. М., 1960.
19. Успенский Б.А. Фонетическая структура одного стихотворения Ломоносова (Историко-филологический этюд) [1973] // Его же. Избранные труды. Т. II: Язык и культура. М., 1991. С. 207–242.
20. Успенский Б.А. Архаическая система церковнославянского произношения (из истории литургического произношения в России). М, 1968.
21. Ушаков Д.Н. Краткое введение в науку о языке. М., 2021.
22. Ушаков Д.Н. Русский язык. М., 1995.
23. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. М. – Л., 1972.
24. Хабургаев Г.А. Старославянский язык. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1986.
25. Чернышев В.И. Законы и правила русского произношения. Звуки. Формы. Ударение: опыт руководства для учителей, чтецов, артистов [1908] // Его же. Избранные труды: в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 51–100.
26. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. С.Г. Бархударова. М., 1971.

27. Шахматовъ А.А. Введение въ курсъ исторіи русскаго языка. Петроградъ, 1916.
28. Щерба Л.В. Теория русского письма [1942–1943] // Его же. Избранные работы по русскому языку / под ред. М.И. Матусевич. М., 2022. С. 152–187.
29. Hentschel G. Belarusian and Russian in the mixed speech of Belarus // *Congruence in contact-induced language change* / ed. J. Besters-Dilger et al. Berlin & Boston, 2014. P. 93–121.
30. Janas M. «Скажите гдѣ быть га, и гдѣ стоять глаголю?» (О произношении звука, обозначаемого буквой г, в эпоху становления норм русского литературного языка нового типа) // *Zeszyty Naukowe Towarzystwa Doktorantów Uniwersytetu Jagiellońskiego. Nauki Humanistyczne*. 2017. Vol 2. № 17 (2). S. 113–128.
31. M. Fabii Quintiliani Institutionis oratoriae libri duodecim. Vol. II. Lipsiae, 1854.

* * *

1. Avanesov R.I. Normy russkogo literaturnogo proiznosheniya v ih istoricheskom razvitii // *Russkaya rech'*. 1981. № 3. S. 38–43.
2. Avanesov R.I. Russkoe literaturnoe proiznoshenie. 5-e izd. M., 1972.
3. Valgina N.S. Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: ucheb. posobie dlya studentov vuzov, obuchayushchihsya po filol. napravleniyam i special'nostyam. M., 2001.
4. Vinokur G.O. Russkoe scenicheskoe proiznoshenie. M., 1948.
5. Voroncova V.L. Eshche raz o proiznoshenii [γus'] // *Razvitie fone-tiki sovremennogo russkogo yazyka. Fonologicheskie podsistemy* / red. V.V. Vysotskij i dr. M., 1971. S. 235–236.
6. Gorbachevich K.S. Normy sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. M., 1978.
7. Zhivov V.M. Istoriya yazyka russkoj pis'mennosti. M., 2017. T. I.
8. Zaliznyak A.A. «Slovo o polku Igoreve»: vzglyad lingvista. M., 2008.
9. Kostomarov V.G. Yazykovoј vkus epohi. SPb., 1999.
10. Krisanova E.V. Foneticheskie portrety A. Ahmatovoj i B. Pa-sternaka (konsonantizm) // *Philologica*. 1998. T. 5. № 11/13. S. 155–175.
11. Krysin L.P. Sovremennyy russkij intelligent. Popytka rechevogo portreta // *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001. № 1. S. 90–106.
12. Lomonosov M.V. Rossijskaya grammatika [1755] // *Ego zhe. Polnoe sobranie sochinenij*. T. 7: *Trudy po filologii 1739–1758 gg.* M. – L., 1952. S. 389–578.
13. Panov M.V. O stilyah proiznosheniya (v svyazi s obshchimi proble-mami stilistiki) // *Ego zhe. Trudy po obshchemu yazykoznaniju i russkomu yazyku*. M., 2004. T. 1. S. 103–136.
14. Panov M.V. Istoriya russkogo literaturnogo proiznosheniya XVII–XX vv. 3-e izd. M., 2007.
15. Pen'kovskij A.B. O nekotoryh zakonmernostyah usvoeniya orfoepicheskikh norm (g smychnoe i γ frikativnoe) // *Voprosy kul'tury rechi* / otv. red. V.G. Kostomarov. M., 1967. Vyp. VIII. S. 61–72.
16. Pozharickaya S. Russkaya dialektologiya. Praha, 2016.
17. Reformatskij A.A. «[γus']» // *Voprosy kul'tury rechi* / pod red. S.I. Ozhegova. M., 1966. Vyp. VII. S. 119–121.
18. Reformatskij A.A. Vvedenie v yazykoznanie. 3-e izd. M., 1960.
19. Uspenskij B.A. Foneticheskaya struktura odnogo stihotvoreniya Lomonosova (Istoriko-filologicheskij etyud) [1973] // *Ego zhe. Izbrannye trudy*. T. II: *Yazyk i kul'tura*. M., 1991. S. 207–242.
20. Uspenskij B.A. Arhaicheskaya sistema cerkovnoslavyanskogo pro-iznosheniya (Iz istorii liturgicheskogo proiznosheniya v Rossii). M, 1968.
21. Ushakov D.N. Kratkoe vvedenie v nauku o yazyke. M., 2021.
22. Ushakov D.N. Russkij yazyk. M., 1995.
23. Filin F.P. Proiskhozhdenie russkogo, ukrainskogo i belorus-skogo yazykov. Istoriko-dialektologicheskij ocherk. M. – L., 1972.
24. Haburgaev G.A. Staroslavjanskij yazyk. 2-e izd., pererab. i dop. M., 1986.
25. Chernyshev V.I. Zakony i pravila russkogo proiznosheniya. Zvu-ki. Formy. Udarenie: opyt rukovodstva dlya uchitelej, chtecov, artistov [1908] // *Ego zhe. Izbrannye trudy: v 2 t.* M., 1970. T. 1. C. 51–100.
26. Shanskij N.M., Ivanov V.V., SHanskaya T.V. Kratkij etimologi-cheskij slovar' russkogo yazyka: posobie dlya uchatelya. 2-e izd., ispr. i dop. / pod red. S. G. Barhudarova. M., 1971.
27. Shahmatov A.A. Vvedenie v kurs istorii russkago yazyka. Petrograd, 1916.
28. Shcherba L.V. Teoriya russkogo pis'ma [1942–1943] // *Ego zhe. Izbrannye raboty po russkomu yazyku* / pod red. M.I. Matusевич. M., 2022. С. 152–187.

Fricative [ɣ] in the modern Russian language: functional analysis

The article deals with the revealing and systemization of the variety of the fricative [ɣ] in the modern Russian language and the spheres, motives and techniques of its usage in the literary speech.

Key words: literary norm, speech culture, orthoepy, declamation, pronunciation style, phonetic slavicisms, fricative and occlusive 'z'.

К.И. ДЕКАТОВА
Волгоград

**СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ-ОНИМОВ**

Рассматриваются процессы смыслообразования устойчивых единиц русского языка, обладающих семантикой проприальных единиц. Материалом исследования послужили политические фразеологизмы, номинирующие уникальные политические реалии, конкретных политических деятелей. Описываются разновидности фразеологизмов-онимов русской фраземики, к которым относятся фразеологизмы-антропонимы, фразеологизмы-топонимы, фразеологизмы-геортонимы, фразеологизмы-эргонимы.

Ключевые слова: политический дискурс, семантика, политические фразеологизмы, проприальные единицы, фразеологизмы-онимы.

Несмотря на полувековое исследование отличительных черт фразеологического значения с использованием структурно-семантического, прагматического, когнитивно-дискурсивного, лингвокультурологического подходов (В.В. Виноградов, Ю.А. Гвоздарев, В.М. Мокиенко, В.П. Жуков, А.В. Жуков, А.М. Мелерович, И.А. Стернин, З.Д. Попова, В.Н. Телия, Н.Ф. Алефиренко, Е.А. Добрыднева и др.), во фразеологическом фонде русского языка содержатся знаки, семантические особенности которых все еще остаются без должного исследовательского внимания. К таким языковым единицам относятся те, которые обладают способностью сочетать признаки устойчивых оборотов и особенности семантики имени собственного (*зеркало русской революции* – 'о Л.Н. Толстом', *кремлевский горец* – 'об И.В. Сталине', *колыбель трех революций* – 'город Ленинград (Санкт-Петербург)', *трибун революции* – 'В.В. Маяковский', *солнечный клоун* – 'О. Попов' и т. п.). Гибридность признаков данных языковых знаков вызывает трудности в ходе их категоризации: в научно-исследовательских работах, словарях, справочниках их нередко относят то к проприальным, то к фразеологическим единицам. Например: выражение *архитектор перестройки* – 'М.С. Горбачев' в лингвистических работах называют перифрастическим онимом [9], однако это выражение содержится и во фразеологическом словаре «Русская фразеология: историко-этимологический словарь» [18, с. 32].

Для номинации языковых единиц, которые сочетают структурно-семантические признаки и фразеологизмов, и имен собственных, в нашем исследовании считаем целесообразным использовать термин «фразеологизм-оним». Уточним, что данный термин не является синонимом используемого в современной лингвистической литературе терминологических вариантов «фразеологизированный/фразеологический оним (антропоним, топоним) / имя собственное» [24; 22], «отономастический фразеологизм» [10], «ономастический (топонимический) фразеологизм» [4; 14], которые используются для номинации фразеологизмов, содержащих онимы (*филькина грамота* – ‘пустая, ничего не стоящая бумага, не имеющий никакой силы документ’, *демянова уха* – ‘о том, что назойливо предлагают, навязывают кому-либо против его воли и в неумеренном количестве’), или являются наименованием онимов в составе фразеологической единицы, например, онимы *Фома и Ерема* в составе фразеологизмов *Фома неверный (неверующий)* – ‘о человеке, которого трудно заставить поверить чему-либо’, *Фома да Ерема* – ‘о глупых, неловких и непрактичных людях, двух неудачниках’ [18, с. 163, 716, 723].

Хотелось бы отметить, что достаточно большую группу фразеологизмов-онимов составляют те единицы, которые генетически связаны с политическим дискурсом и номинируют политические реалии, в связи с чем их и относят группе политических фразеологизмов [7, с. 71–72]. Именно эти устойчивые единицы стали материалом для структурно-семантического анализа, результаты которого описаны в данной статье.

Как представляется, сложность определения категориального статуса политических фразеологизмов-онимов обусловлена их деривационной особенностью: в основе формирования устойчивых единиц с ономастическим значением находится антономасия (антономазия). Поскольку в современной стилистике нет единства в понимании сущности этого стилистического приема, важно разъяснить, какое значение имеет данный термин в нашем исследовании.

Анализируя объем понятия «антономазия» в современных стилистических исследованиях, Т.И. Яковенко в статье «Антономасия в аспекте имплицитного смысла имени собственного» [24] приходит к выводу, что данный термин используется как в крайне узком (Е.Ю. Рубцова), так и в предельно широком значении (В.П. Москвин): Е.Ю. Рубцова называет антономазией «только употребление имени собственного во множественном числе» [14, с. 4], а в терминологическом словаре «Язык поэзии. Приемы и стили» В.П. Москвин выделяет три значения термина «антономазия»: 1) прием замены имени собственного перифразой или нарицательным именем (*солнце русской поэзии* в м. А.С. Пушкин); 2) метафорическая замена имени нарицательного именем собственным (*Квзимодо* в м. *уродец с прекрасной душой*); 3) выразительное использование прилагательного в значении имени существительного (*серый* в м. *волк*) [11, с. 40]. Однако в большинстве риторических исследований, словарях и справочниках явление антономазии связывают только с именем собственным [23; 2 и др.]. Так, Г.Г. Хазагеров антономазией называет разновидность перифразиса, состоящего в 1) замене собственного имени описательным выражением; 2) замене одного собственного имени другим, ставшим нарицательным, или просто название лица (лиц) таким именем; 3) замену нарицательного имени собственным, когда речь идет о некотором обобщении [23, с. 256]. В контексте нашего исследования термин «антономазия» имеет значение ‘прием, состоящий в замене перифразой имени собственного’, поскольку деривационной основой устойчивых единиц со значением онимов является антономазия первого типа.

Антономазия в ходе образования политических фразеологизмов-онимов является первым этапом в сложном процессе фразеологизации, которая завершается тем, что данные единицы приобретают признаки фразеологических оборотов. В результате фразеомообразования политические единицы с проприальным значением становятся устойчивыми. Их устойчивость проявляется как в структурном, так и в семантическом плане.

Структурная устойчивость обусловлена неизменностью компонентного состава фразеологизма и постоянством следования его компонентов. Изменение компонентного состава, морфологические преобразования компонентов фразеологизма-онима осознаются носителями языка как семантическое разрушение привычного сочетания языковых единиц. Этим объясняется тот факт, что при модификации фразеологизмов-онимов нередко используется повторная номинация – прямая номинация объекта, без которой смысл высказывания может оказаться не совсем понятным. Например, в нижеследующем отрывке газетной статьи компонентный состав фразеологизма-онима *буревестник революции* – ‘о М. Горьком’ [12, с. 26] – расширяется за счет компонента *пролетарский*, что приводит и к семантическим модификациям устойчивой единицы и вызывает необходимость в разъяснении значения фразеологизма с помощью повторной номинации: *3 июня. В этот день 82 года назад – 29 июня 1929 года – в Мурманск приехал «буревестник» пролетарской революции – писатель Алексей Максимович Горький. За год до этого Горький вернулся на родину из Италии и спешил своими глазами увидеть изменения, произошедшие в стране за время его отсутствия. Потому и отправился в большое путешествие по СССР. Заехал и на Кольский полуостров* (Комс. правда. 2011. 23 июня).

Семантическая устойчивость политических фразеологизмов-онимов обусловлена целостностью их значения. Так, значение фразеологизма *кремлевский горец* – ‘об И.В. Сталине’ [18, с. 157] – не является суммой значений его компонентов *кремлевский* и *горец*, а формируется в результате переосмысления их значений. Семантическое переосмысление деривационной основы политических фразеологизмов со значением имени собственного делает эти единицы образными, что является еще одной отличительной чертой фразеологических единиц.

Таким образом, рассматриваемые политические фразеологизмы-онимы обладают всеми сущностными признаками фразеологизмов: имеют устойчивую структуру и переносно-образное, целостное значение, что обуславливает их воспроизводимость. Однако у данной группы единиц есть особенность, которая стала основанием для отнесения этих устойчивых единиц к ономастическим: они номинируют не класс объектов, а единичную реалию, ср. значение фразеологизма *человек с большой буквы* – ‘человек, достойный уважения, отличающийся высокими моральными качествами’ [Там же, с. 748], номинирующего класс порядочных, высокоморальных людей, и фразеологизма-онима *самый человечный человек* – ‘В.И. Ленин’ [13, с. 279], используемого для номинации одного конкретного человека.

Политические фразеологизмы-онимы служат «для подчеркнуто конкретного называния отдельных предметов действительности и вследствие такой специализации вырабатывавшие некоторые особенности в значении <...>» [3, с. 27].

Поскольку вопрос о наличии семантики у онимов в общей теории имен собственных не имеет общепринятого, удовлетворяющего всех ответа, уточним, что вслед за А.В. Суперанской, В.Д. Бондалетовым В.И. Супруном и др. мы рассматриваем ономастические единицы как полноценные знаки, которые обладают и планом выражения, и планом содержания. История изучения специфики ономастической семантики содержит главы, в которых онимы рассматривались как «звуковые этикетки», как знаки, которые «не включают в себе ни понятия, ни значения», являясь только различающими знаками [6, с. 53], и выполняют только номинативно-опознавательную функцию (Дж.Ст. Милл, А. Гардинер, А.А. Уфимцева, Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, К.Д. Левковская и др.). Не соглашаясь с таким пониманием семантических и функциональных особенностей имен собственных, многие исследователи семантики онимов приводят убедительные аргументы, подтверждающие правомерность называть проприальные единицы значимыми языковыми единицами. Хотя во многих работах подчеркивается, что онимы обла-

дают специфическим значением, отличающимся от значения апеллятивов (А.В. Супранская, Л.В. Щерба, В.Д. Бондалетов, В.И. Супрун, Н.Ф. Алефиренко, Л.М. Щетинин, В.А. Никонов, Н.Д. Голев и др.). «В определенной связи с подходом и квалификацией семантики собственного имени лишь с позиций языка или речи находится подчеркивание понятийности нарицательных и непонятийности собственных имен. Наричательные – это слова-классификаторы («объединители», «генерализаторы»), собственные – слова-дифференциаторы («разъединители», индивидуализаторы). Наричательные обозначают предмет «через понятие», собственные – через прямую соотнесенность названия с предметом» [3, с. 23]. Следует признать, что разногласия, появившиеся в рассуждениях о семантической структуре имен собственных в середине XX в., не разрешены до сих пор. Одни исследователи полагают, что онимы обладают только речевым смыслом, который не имеет непосредственной связи с понятием и является семантической объективацией конкретно-образного представления об объекте номинации (А.В. Супранская, Н.В. Подольская и др.). «Непонятийность» когнитивной базы значения имен собственных называется основной причиной особенности их семантической структуры, которая обладает только денотативным компонентом. Отсутствием непосредственной связи ономастического значения с понятием объясняется и редукция семантического треугольника имен собственных, который «вытягивается в линию», утрачивая сигнификативный компонент [19, с. 125].

Считая эту точку зрения спорной, другая группа ученых-ономатологов утверждает, что генетическая связь значения проприальных единиц с понятием существует, и это проявляется в том, что в значении онимов содержится не только денотативный, но и сигнификативный компонент [3, с. 26]. «Имена собственные тоже содержат элементы сигнификативной стороны значения, так как подводят единичный объект под некоторый класс объектов» [5, с. 262].

В нашей работе мы разделяем взгляды исследователей, считающих, что семантическая структура онимов изоморфна структуре значения апеллятивов, «так как природу и сущность обеих определяют три основных компонента: референтный, денотативный и сигнификативный» [1, с. 148]. При этом важно отметить, что изоморфизм семантической структуры онимов и апеллятивов проявляется в их компонентном составе, но не в качественных характеристиках компонентов: денотат и сигнификат онима имеют отличительные черты. Обобщая размышления М.Э. Рут о семантике антропонимов, можно сказать, что денотат онима «максимально нагружен», т. к. имя собственное имеет смысл, если оно соотнесено с конкретно-чувственным представлением об объекте номинации [15, с. 61]. Выполнение онимом индивидуализирующей функции оказывается возможным потому, что онимом, как отмечает Н.Ф. Алефиренко, обладает экстенциональной спецификой: число дифференциальных признаков в денотате онима больше, чем в денотативном компоненте апеллятива. «И наоборот, денотативный объем (экстенционал), т. е. число объектов, подводимых под данный класс (разряд, категорию) у онимов меньше, чем у апеллятивов» [1, с. 150–151]. Денотативные особенности проприальных единиц определяют специфику его сигнификата, который в отличие от апеллятива содержит существенные признаки не класса объектов, а единичного объекта и «эксплицитно выражаются дескрипцией – описательной языковой конструкцией типа «тот...», «который...», «такой...», «что...» или типа именного словосочетания» [Там же, с. 153].

Компоненты семантической структуры политических фразеологизмов-онибов обладают всеми отличительными признаками семантических макрокомпонентов имен собственных. Так, значение устойчивой единицы *железная леди* – ‘Маргарет Тэтчер’ – структурируется из денотативного и сигнификативного компонентов. Денотат сформирован на основе представления, которое содержит общеизвестные диф-

ференциальные признаки конкретной женщины премьер-министра Великобритании, возглавлявшей правительство в период с 1979 по 1990 гг. Данный образ является вторичным в структуре денотата фразеологизма-онима по отношению к первичному образу – представления о железной женщине-англичанке из высших слоев общества. Такое строение денотата свойственно фразеологизмам как единицам вторичной номинации. Двуденотативность фразеологизмов-онимов определяет специфику их сигнификата, формирование которого происходит не без участия первичного и вторичного денотатов фразеологического значения. Так, сигнификат вышеназванного фразеологизма *железная леди* соотносится с понятием о единичном объекте – конкретном человеке, – сформированном на базе вторичного конкретно-чувственного представления о Маргарет Тэтчер, а следовательно, в состав сигнификата устойчивой единицы входят семы денотативного происхождения, семы вторичного денотата. Однако в составе сигнификативных смысловых элементов можно обнаружить и смысловые элементы ассоциативно-образной природы ('с твердым характером', 'холодная', 'непреклонная', 'с жестоким стилем правления' и т. п.), генетически связанные с первичным денотатом, переосмысленным в процессе фразеологизации. Способность проникать такого рода коннотативных смысловых элементов в сигнификат фразеологизмов-онимов – это характерная черта их коннотации.

Источником коннотативных смыслов политических фразеологизмов-онимов русского языка, как правило, являются фоновые знания общественно-политических и культурно-исторических событий, которые оказались частью политического дискурса – колыбели фразеологической единицы.

Таким образом, особенности семантики рассматриваемых политических фразеологизмов, а именно: устойчивость, целостность, образность, двуденотативность, генетическая связь с понятием о единичном объекте, – позволяют отнести их к устойчивым единицам со значением онимов, или фразеологизмам-онимам. Данное наименование языковых единиц указывает на комплекс признаков, отличающих их и от фразеологизмов, номинирующих классы объектов, и от многословных, описательных имен собственных.

В русской фраземике содержатся такие разновидности фразеологизмов-онимов, как фразеологизмы-антропонимы (*самый человеческий человек* – 'В.И. Ленин' [12, с. 279], *великий кормчий* – 'Мао Цзэдун' [Там же, с. 188], *вождь мирового пролетариата* – 'В.И. Ленин' [Там же, с. 37]), фразеологизмы-топонимы (*колыбель трех революций* – 'город Ленинград / Санкт-Петербург' [Там же, с. 108]), фразеологизмы-гипертопонимы (*дядя Сэм* – 'Соединенные Штаты Америки' [18, с. 215]; *британский лев* – 'Англия' [Там же, с. 378]), фразеологизмы-геортонимы (*Великий октябрь* – 'Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 г.' [17, т. 8, с. 829]), фразеологизмы-эргонимы (*дом на Лубянке* – 'Комитет государственной безопасности СССР' [11, с. 65]) и др.

Корпус политических фразеологизмов-онимов, как и политическая фраземика в целом, – это очень быстро меняющаяся система, поскольку является отражением стремительно преобразующихся процессов в общественно-политической сфере. Проникновение в речь новых устойчивых единиц со значением онимов (*рыжий кардинал* – 'о политическом и государственном деятеле А.Б. Чубайсе, советнике президента Б.Н. Ельцина' [13, т. 1, с. 739], *берлинский пациент* – 'А. Навальный', *янтарная леди* – 'о Казимере Прунскене – первом премьер-министре Литовской Республики после восстановления независимости' [Там же, т. 2, с. 461]), выход из активного употребления устаревших фразеологизмов-онимов (*рыцарь революции* – 'Ф.Э. Дзержинский' [12, с. 214], *всероссийский (всесоюзный) староста* – 'М.И. Калинин' [Там же, с. 231–232]) являются признаком живой, открытой системы, которая нуждается в дальнейших разносторонних исследованиях.

Список литературы

1. Алефиренко Н.Ф. Спорные проблемы семантики. Волгоград, 1999.
2. Арутюнян М.А. Антономасия как средство языковой номинации // Вестн. Моск. гос. обл. ун-та. Сер.: Лингвистика. 2010. № 2. С. 7–12.
3. Бондалетов В.Д. Русская ономастика. М., 1983.
4. Волошин Ю.К. Онимы в фразеологии // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 2(26). С. 125–132.
5. Гак В.Г. Лексическое значение слова //Языкознание: Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998.
6. Галкина-Федорук Е.М. Слово и понятие. М., 1956.
7. Декатова К.И. Фразеологическое значение как средство изучения политической картины мира // Жизнь фразеологии – фразеология в жизни. Кострома, 2018. С. 70–78.
8. Мицзити Ф. Продуктивные тематические группы перифраз (соционимы, топонимы, культуронимы) русского языка в лингвокультурологическом аспекте: на фоне китайского языка: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020.
9. Мокиенко В.М. О собственном имени в составе фразеологии // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980. С. 57–67.
10. Москвин В.П. Язык поэзии. Приемы и стили: терминологический словарь. М., 2017.
11. Новиков А.Б. Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики). М., 2004.
12. Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. / под ред. Т.Н. Буцевой (отв. ред.) и Е.А. Левашова. СПб., 2009–2014.
13. Осыка М. В. Топонимические фразеологизмы в национальной концептосфере: на материале русской и французской лингвокультур: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2010.
14. Рубцова Е.Ю. Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков): дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
15. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / сост. А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005.
16. Рут М.Э. Антропонимы: размышления о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. С. 59–64.
17. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М. – Л., 1950–1965.
18. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
19. Супрун В.И. Ментальный образ топонима в этнолингвостановлении // Когнитивно-дискурсивные стратегии развития языка. Белгород, 2016. С. 454–461.
20. Сызранова Г.Ю. Ономастика: учеб. пособие. Тольятти, 2013.
21. Уразметова А.В. Английская топонимика как лексическая подсистема языка: на материале топонимической лексики Великобритании и США: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2016.
22. Хазагеров Г.Г. Риторический словарь. М., 2011.
23. Хохлова В.А. Фразеологические единицы с топонимическим компонентом в английском и украинском языках: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 2017.
24. Яковенко Т.И. Антономасия в аспекте имплицитного смысла имени собственного [Электронный ресурс] // PRIORI. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21490722> (дата обращения: 22.03.2022).

* * *

1. Alefirenko N.F. Spornye problemy semantiki. Volgograd, 1999.
2. Arutyunyan M.A. Antonomasiya kak sredstvo yazykovoj nominacii // Vestn. Mosk. gos. obl. un-ta. Ser.: Lingvistika. 2010. № 2. S. 7–12.
3. Bondaletov V.D. Russkaya onomastika. M., 1983.
4. Voloshin Yu.K. Onimy v frazeologii // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2017. № 2(26). S. 125–132.

5. Gak V.G. Leksicheskoe znachenie slova // Yazykoznanie: Bol'shoj enciklopedicheskij slovar' / gl. red. V. N. Yarceva. M., 1998.
6. Galkina-Fedoruk E.M. Slovo i ponyatie. M., 1956.
7. Dekatova K.I. Frazeologicheskoe znachenie kak sredstvo izucheniya politicheskoy kartiny mira // Zhizn' frazeologii – frazeologiya v zhizni. Kostroma, 2018. S. 70–78.
8. Micziti F. Produktivnye tematicheskie gruppy perifraz (socionimy, toponimy, kul'turonimy) russkogo yazyka v lingvokul'turologicheskom aspekte: na fone kitajskogo yazyka: dis. ... kand. filol. nauk. SPb., 2020.
9. Mokienko V.M. O sobstvennom imeni v sostave frazeologii // Perspektivy razvitiya slavyanskoj onomastiki. M., 1980. S. 57–67.
10. Moskvina V.P. Yazyk poezii. Priemy i stili: terminologicheskij slovar'. M., 2017.
11. Novikov A.B. Slovar' perifraz russkogo yazyka (na materiale gazetnoj publicistiki). M., 2004.
12. Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-h godov XX veka: v 3 t. / pod red. T.N. Bucevoj (otv. red.) i E.A. Levashova. SPb., 2009–2014.
13. Osyka M.V. Toponimicheskie frazeologizmy v nacional'noj koncepcii: na materiale russkoj i francuzskoj lingvokul'tur: dis. ... kand. filol. nauk. Belgorod, 2010.
14. Rubcova E.Yu. Pragmaticheskoe sodержanie antroponimov (na materiale russkogo i anglijskogo yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2005.
15. Russkaya frazeologiya: istoriko-etimologicheskij slovar' / sost. A.K. Birih, V.M. Mokienko, L.I. Stepanova. 3-e izd., ispr. i dop. M., 2005.
16. Rut M.E. Antroponimy: razmyshleniya o semantike // Izv. Ural. gos. un-ta. 2001. № 20. S. 59–64.
17. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka: v 17 t. M. – L., 1950–1965.
18. Superanskaya A.V. Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo. M., 1973.
19. Suprun V.I. Mental'nyj obraz toponima v etnolingvosoznanii // Kognitivno-diskursivnye strategii razvitiya yazyka. Belgorod, 2016. S. 454–461.
20. Syzranova G.Yu. Onomastika: ucheb. posobie. Tol'yatti, 2013.
21. Urazmetova A.V. Anglijskaya toponimika kak leksicheskaya podsistema yazyka: na materiale toponimicheskoy leksiki Velikobritanii i SSHA: dis. ... d-ra filol. nauk. Ufa, 2016.
22. Hazagerov G.G. Ritoricheskij slovar'. M., 2011.
23. Hohlova V.A. Frazeologicheskie edinicy s toponimicheskim komponentom v anglijskom i ukrainskom yazykah: lingvokul'turologicheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. Doneck, 2017.
24. Yakovenko T.I. Antonomasiya v aspekte implicitnogo smysla imeni sobstvennogo [Elektronnyj resurs] // PRIORI. Ceriya: Gumanitarnye nauki. 2014. № 2. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21490722> (data obrashcheniya: 22.03.2022).



***Structural and semantic peculiarities
of political phraseological units – onyms***

The article deals with the processes of the sensemaking of the invariable units of the Russian language with the semantics of the propria units. The study was based on the political phraseological units, nominating the unique political realities and the concrete political leaders. There are described the varieties of the phraseological units – onyms of the Russian phrasemics, including the phraseological units – anthroponyms, toponyms, geortonyms and ergonyms.

Key words: *political discourse, semantics, political phraseological units, propria units, phraseological units – onyms.*

Л.Н. ФЕНЬКИНА, Т.В. ЧЕРНИЦЫНА
Волгоград

**МИФОПОЭТИКА ДОМА В ПРОЗЕ С.Т. АКСАКОВА И Б.П. ЕКИМОВА
(лексико-семантический аспект в описании быта и речи героев)**

Анализируется мифопоэтика Дома в прозаических произведениях двух русских писателей, широко раскрывших тему дома, воспоминаний о нем. Для анализа привлечены автобиографическая повесть С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука», повесть «Наш старый дом» и рассказы «Солонич», «Белые Воды», «Последняя хата» Б.П. Екимова. Предметом анализа являются средства раскрытия мифологемы Дома в художественном мире двух писателей.



Ключевые слова: мифопоэтика Дома, образ «дома», художественный мир писателя, русская деревенская проза, пространственно-временная проблематика, народное сознание, лексические средства репрезентации.

Творческое наследие С.Т. Аксакова и Б.П. Екимова – писателей, чья проза отразила сознание, традиции, быт и уклад нескольких поколений русского народа – свидетельствует о том, что художественный мир двух русских писателей, воспевавших усадьбную, деревенскую жизнь в разные исторические эпохи нашей страны, не только обладает схожими чертами, но имеет одни общие историко-философские, ментальные и культурные корни. Что, с одной стороны, не удивительно, а с другой – представляет богатейший материал для сравнения различных пластов литературоведческих, лексических, семантических, исторических и философских аспектов. Не случайно предметом анализа в настоящей работе стали такие понятия, как «мифопоэтика», «мифопоэтика дома», лексика и семантика речи героев, которая является одним из ключевых аспектов в раскрытии и описании образа дома (родины) в индивидуальном личном восприятии участников событий.

Рассматривая пространство дома в творчестве Б. Екимова, Л.Н. Савина и Н.Е. Тропкина отмечают ключевую тему художественного мира писателя – тему памяти, порождающей особый тип «воспоминательного пространства, которое реализуется в прозе писателя через систему образов <...> Особое место в этом ряду отводится Дому» [8, с. 147].

Дом относится к числу основополагающих, всеобъемлющих архетипических образов, с незапамятных времен функционировавших в человеческом сознании. Эквиваленты славянского слова «дом» в разных языках обозначали широкий круг понятий: от определений узких, таких как *кров, семья, жилище*, до явлений, связанных с культурной организацией жизни – *хозяйство, быт семьи или народа, наследство, иерархию и порядок*.

Кроме того, значение слова «дом» становится еще более широким. Так, в словаре В.И. Даля отмечается, что слово «дом» означает в русском языке не только «строение для жилья», но и «семейство, семью, хозяев с домочадцами» [5]. Если же говорить о мифологеме *Дом*, то существуют различные ее толкования, но есть общее ключевое представление о доме, отводящее ему чрезвычайно важное место в системе любых представлений и определений. В мифах пространство качественно неоднородно: оно делится на «свое» и «чужое». *Дом* всегда осмыслялся как «...мир, приспособленный к масштабам человека и созданный им самим. Жилище было по преимуществу носителем признака “внутренний”: оно оберегало человека от невзгод внешнего мира, создавало атмосферу безопасности, определенности, организованности, противостоящей внешнему хаосу...» [Там же].

Самое известное произведение Аксакова – сказка о верности и силе любви «Аленький цветочек», ставшая ключом к художественному миру Аксакова, – была рассказана Сереже (будущему писателю) ключницей Пелагеей именно в дедовском *Доме* (автобиографическая повесть «Детские годы Багрова-внука»). Глава этой повести «Первая весна в деревне» пропитана детскими впечатлениями, свежими, открытыми, неподдельными: о неизведанном мире, который открывается из окон дедовского дома. Именно в этом *Доме* происходило духовное, культурное становление будущего художника слова. Аксаковский *Дом*, словно оживший памятник, хранит народные традиции и знаковые для того времени черты.

В статье мы обращаемся к теме «памяти о Доме», занимающей особое место в пространственно-временной проблематике русской деревенской прозы. Ощущение *Дома* как очага безопасности необходимо каждому человеку, но более всего оно необходимо ребенку, вот почему одной из самых ярких иллюстраций данного положения может послужить автобиографическая трилогия С.Т. Аксакова, следует отметить, что в аксаковском произведении немалое место отводится различным описаниям жилища (как своего, так и чужого), быта, семейного уклада. Так, с самой первой главы отрывка из «Семейной хроники» читатель может увидеть, как почтительно относится к *Дому* в семье Багровых, называя его «родовой отчиной своей» [1, с. 24].

Основным мотивом в повестях служит символ *Дома* как родового гнезда, организующего начала всей жизни, где ни к чему уединяться и оно неподвижно, крепко вросло в землю. Вихрь перемен затрагивает не сам Дом – он лишает стабильности его обитателей. Если попытаться заглянуть внутрь такого гнезда, то можно увидеть, например, вот такую картину: *У крыльца уже стояли двое длинных дрог и телега. Все запаслись кузовьями, лукошками и плетеными корзинками из ивовых прутьев. На длинные роспуски и телегу насело столько народу, сколько могло поместиться, а некоторые пошли пешком вперед. Мать с бабушкой сидели на крыльце, и мы поехали в совершенной тишине; все молчали, но только съехали со двора, как на всех экипажах начался веселый говор, превратившийся потом в громкую болтовню и хохот; когда же отъехали от дому... девушки и женщины запели песни, и сама тетушка им подтягивала. Все были необыкновенно шутливы и веселы, и мне самому стало очень весело... а песни привели меня в такое восхищение, которое до сих пор свежо в моей памяти* [1]. Здесь явно ощущается тепло домашнего, уюта и довольства. Если же выделять общую тональность трилогии Аксакова, то она полностью будет соответствовать этому мироощущению, которое характеризуют лексемы общей тематической группы: «народ» (*мать с бабушкой, девушки и женщины, тетушка*), «радость» (*шутливы, веселы, хохот, веселый говор*) и т. д. Развитие лексико-тематической группы слов со значением «речевая деятельность» подчеркивает смену этой тональности: *в совершенной тишине, все молчали, но как только съехали со двора... начался веселый говор, переросший в громкую болтовню и хохот, девушки запели песни... все были необыкновенно шутливы и веселы*. Лексической доминантой художественного времени и пространства в приведенном примере выступает слово «восхищение», предающее эмоциональное состояние главного героя.

Тот же вихрь перемен заставляет Василия Солонича из одноименного рассказа Б.П. Екимова «Солонич» покинуть родной *Дом*. Дом, выстроенный собственными руками, защиту, надежду и опору, подобно солнцу, согревает своим теплом: *Дом Солонича... веселый, в резных наличниках, ставнях, железная крыша под свежим суриком пламенеет, словно рыжее вечернее солнце* [6, с. 298]. Ничто не могло заставить Солонича совершить подобный поступок, если бы не дети. Мысли о будущем дочери Ольги, для которой оказалось невозможным обучение в местной, «умирающей» школе, заставили его принять это не простое решение: *Жена заплакала в голос. Солонич курил. Хотя из всех троих горше его никто бы не смог сейчас плакать, было бы можно, так заревел бы сейчас кровавыми слезами. Но он лишь курил...* [3]. Архаичный и стабильный уклад

жизни Солонича был прост и ясен – Дом, Семья, Труд. В рассказе автор уделяет большое внимание описанию усадьбы Солонича, подробно раскрывает детали создания подворья, базов, сараев, сенника и даже огорода с поливом, с движком.

Начало рассказа «Последняя хата» Б.П. Екимова символично передает единое эмоциональное пространство дома и его хозяйки: *Баба Поля спала хорошо и проснулась здоровой. В хате было тепло, тепло стояло и на дворе...* [6, с. 251]. Олицетворение Дома символизирует «живую» энергетику дома, это ощущение усиливается за счет того, какая лексика используется автором: *Полино жилье – мазанка. Лепилась она не в один раз: сначала комнатка, потом другая, чулан, сараи, а там – плечом к плечу – прислонились друг за другом курник, дровник, козий катух, а за ним базок ..., как и положено ему, божьим промыслом да какой-то хурдой-мурдой* [Там же, с. 252]. Само слово «мазанка» уже говорит нам о том, что дом, сделан не просто собственными руками, а с особыми усилиями и любовью, где контакт с самим материалом, из которого создается дом, наиболее долгий и тесный. Диалектная лексика (*курник, дровник, козий катух, базок, хурда-мурда*) в описании жилища придает описанию деревенский колорит донской глубинки и свидетельствует о широком значении понятия «дом», указывая на тесную связь с родной землей. Если же говорить о роли лексических средств в описании эмоций, то очень четко прослеживается то, как изменение настроения хозяйки влияет на описание дома – Дом видится совершенно иным: *Тесной и какой-то темной, неудобной – может, после светлого дня – показалась бабе Поле родная хатка... Хоть и родная хатка, привычная, да не особо завидная* [Там же, с. 259]. Адъективы *тесная, темная, неудобная, не особо завидная*, выступая контекстными антонимами определения *родная*, позволяют автору показать психоэмоциональное состояние героини, которая стоит перед выбором, непростым, как выяснилось, для нее. Мечты о флигельке взамен старенькой мазанки возвращают ее в детство, к матери. Да и теперь, предчувствуя беду, не смерти она боится, а того, что дети ее могут остаться без крова: *Пусть заберет ее Бог и как хочет карает, Его Воля, но пусть не тронет детей ее. Пусть они дом построят и живут в нем хорошо* [Там же, с. 286]. Вот в чем заключается мудрость жизни народной: *построить дом как семейный кров и жить в нем хорошо*. После немых молитв приходит к бабе Поле умиротворение во сне, и связано оно с давно ушедшей матерью, родовым гнездом: *Полюшка, доченька моя, слава богу, дождалась я тебя. Уж как мы с тобой расхорошо заживем. Хатка у нас есть. Маленькая, но хорошая... Такая теплая хатка* [Там же, с. 287]. Повтор однокоренных слов с положительной коннотацией (*расхорошо, хорошая*) нивелируют размер хатки (*маленькая*), ассоциативно отсылая читателя к известной пословице *Мал золотник, да дорог*.

Автобиографическая повесть Б.П. Екимова «Наш старый дом» показывает читателю почти ту же картину в описании родного жилища, но заставляет читателя задуматься и о других, более сложных вопросах. *Но зимою нет-нет и вспоминается наш старый дом, а весною вовсе тянет туда* [Там же, с. 508]. *На воле – ветер. Старый дом мой – словно старый человек в непогоду, ему невозможно: он охает, стонет, тяжело вздыхает. Жалуюсь, и порой потихоньку плачет* [Там же, с. 510]. «Очеловечивание» дома, сравнение его с пожилым человеком, говорит нам о том, насколько родным, близким сердцу и дорогим становится жилище для его хозяина. Дом уже не просто дом, он как «кровный» родственник, за которым требуется уход, которому требуется сочувствие и понимание: *Старая кухня, старый сарай, старый погреб... На старый наш двор пришла пора запустенья...* [Там же, с. 512]; *Старый дом наш старый двор – это старая жизнь, с которой настала пора прощаться потому что нет в мире вечного* [Там же, с. 513]. Лексический повтор при описании *старого дома (кухни, сарая, погреба, двора)* усиливает градация (*старая жизнь*), раскрывая состояние Души и Духа самих хозяев, подчеркивая бренность всего земного, всего, что создано руками человека, но не самой Жизнью и ее Творцом: *Летом наши мазанки да землянки бугрились, словно грибы «под-*

*песочники», которые лишь поднимают землю, наружу не выбираясь; зимой снега и метели напрочь хоронили это бедное жилье [6, с. 513]; Вот этот – наш старый дом... Обмазывать дом глиной, белить его, изнутри и снаружи, всякий год по весне... Мыть, красить, чистить дымоходы; за печкой следить, подбеливать, чтобы гляделась она всем на завид: белая, словно курочка [Там же, с. 528]. Постоянное сравнение дома – жилой постройки – с живой природой осуществляется с помощью лексем *грибы* «подпесочники», «словно курочка», что не дает читателю отстраниться от единого восприятия времени, места, пространства и всего того, что этому пространству присуще, постоянно возвращая его к мысли о том, что все «живое» и все взаимосвязано: *Лето зеленое, старый наш дом, просторный огород... Кто там прячется меж капустных кочанов? Белая шапочка на голове. Идет и идет, и вдруг нет его. Потом поднялся, смеется. Малое дитя человеческое, в белой вязаной шапочке. Это брат мой... [Там же, с. 544]; Так сладко пахнет во дворе свежим печевом. Люблю этот **домашний дух**, ныне редкий. Люблю этот дом, этот двор... [Там же, с. 552]; «Ваш дом – как **пароход**», – хвалили монашки. А ударила рядом бомба и развалила... Немцы ... все увезли, до фундамента [Там же, с. 558] Не случайно, мы снова видим здесь сравнение Дома с лодкой, ковчегом, «плывущим» по волнам этой жизни под руководством Духа. Если Дух этот только человеческий, то пути этого ковчега могут быть суровы и всегда конечны, если же есть Одухотворенность, то Дом может стать обновляемым, окормляемым, Храмом и раем для всех его обитателей: *В пору летнюю тихий поселок наш становится людным. Съезжается народ погостить, навестить родителей да родню. Детворе здесь **рай**... Все мы здесь выросли и разъехались. Встречаемся реже и реже [Там же, с. 586–587]; Когда приезжаю в наш старый дом на долгое летование, то чувствую, как скоро, не за день, но уже за неделю, уходит ненужное, словно шелуха отлетает... [Там же, с. 595]; Скоро, скоро, мой старый дом, и нам уплывать туда, в странствие вечное. Уплывем. И кто-то другой с теплой земли будет следить наш путь. Но пока еще живы – старый дом мой и я [Там же, с. 602].***

Обращаясь же к тексту С.Т. Аксакова, мы видим, что основными элементами архаической модели жилища, функционировавшей в патриархально-аграрном укладе жизни, будут служить общий труд, общие досуги в людской и девичьей, а также безусловная власть старших по возрасту и по месту в общественной иерархии, господство авторитета старшего.

Немаловажный аспект в создании и сопоставлении образа истинного *Дома* и враждебного внешнего мира – это описание обязательной и единой для всех обитателей усадьбы религиозности и сакральной устремленности к высшим основам бытия. Оттого в Багровее и Чурасове важное место занимает молитва, здесь она служит более атрибутом повседневной жизни, чем предметом религиозного культа.

Как уже отмечалось выше, семья, быт, система – именно это определяет художественное построение событийного пространства произведения, где повседневность сформирована архаическими культурами (культы плодородия, почитания предков), взаимодействовавшими с православием.

Особое, во многом центральное, место занимает описание различных застолий и празднеств, что, как известно, всегда связано с приготовлением пищи. Культ еды – один из наиболее древних, т. к. пища служит источником силы и жизненной энергии. Совместная трапеза сближает и организует обитателей *Дома* вокруг общего очага, поддерживая основные охранительные функции жилища вообще.

В рассказе «Белые воды» Б.П. Екимова *Дом* как объединяющее и питающее начало не раз «выступает» в качестве главного героя: *А потом был долгий ужин с пахучей окуновой ухой, рыбными пирожками. Ужин и разговоры. Старики вспоминали о прошлом. Алексей любил слушать их... И далее по тексту: ...он забегал по дому, собирая еду прямо здесь, в дедовой комнате, самой лучшей в доме. Здесь... всегда лежали свежие яблоки.*

В полотняных мешочках и пучках сухие травы: чабрец, ромашка, зверобой. А для чая, в жестяных коробках, мята, липовый и боярки цвет. Мед – во фляге, моченый терн – в ведре. Всякие сладости. И потому пахло в доме не жильем, а волей [3].

Хуторской Дом родного деда Тимофея «кормил» главного героя рассказа городского внука Алексея сытно и вкусно, давая необходимое тепло, защищенность и безопасность. *Алексей ел много и с удовольствием: мясо лук, сладкий болгарский перец, последние уже помидоры, домашнее масло, откидное молоко – все подряд [Там же].* Родное гнездо – Дом бабушки Тимофея стал для Алексея не только местом, где могла в безопасности расти и развиваться детская душа, но и духовно-нравственным центром, определившим основную философию его уже взрослой жизни, определившим его Путь.

Нужно отметить, что в древней архаике Дом часто сравнивался с матерью, которая кормит и охраняет дитя. Закрытое, обжитое пространство, атрибутами, которого являются постель, печь, тепло, издавна осмысливавшиеся как женское, в отличие от неуютного и «холодного» внешнего мира, в котором главную роль играл мужчина – землепроходец, строитель, завоеватель.

Место, где живет человек, играет немаловажную роль в сознании русского народа. Дом осмысливается несколько шире, нежели просто жилое помещение. А именно: дом – это родина, родная страна, деревня, что выражено в пословице «Своя хатка – родная матка» [4, с. 64]. К женскому началу также можно отнести и такой атрибут родового гнезда, как «органическая связь с землей», будь то восприятие земли, как «матери-кормилицы», что характерно для крестьянского сознания, или необходимость соприкосновения с природой вообще, как в случае с Сережей Багровым и героями произведений Б.П. Екимова. И то, и другое восприятие обусловлено необходимостью органически вписаться в окружающую среду, чтобы сократить горизонты враждебного пространства и получить возможность даже неосознанно приобщиться к источнику жизни.

В своем исследовании творчества Б.П. Екимова М.В. Мокрова одной из составляющей авторской концепции писателя, наряду с верой в «живую душу» народа и труд как важнейший нравственный закон человеческой жизни, отмечает его стремление увидеть в человеке Хозяина самому себе, своему *Дому* [7, с. 18].

Важно отметить, что раскрытие мифологемы *Дом* в произведениях С.Т. Аксакова «Семейная хроника. Детские годы Багрова-внука» и в повести «Наш старый дом», рассказах Б.П. Екимова «Солонич», «Белые Воды», «Последняя хата» осуществляется, прежде всего, с помощью таких лексических средств, как диалектная, коннотативная лексика, сравнительные обороты, контекстные антонимы, лексические повторы, градация и др. Мифологема *Дом* в прозе обоих писателей и как родовое гнездо, и как хозяйственная постройка, но имеющая разные масштабы (усадебная – у С.Т. Аксакова и мазанка, хатка, землянка – у Б.П. Екимова). *Дом* как ковчег, как «свое пространство», где безопасно, воспринимается по-разному в текстах писателей: у Екимова *Дом* как храм, хронотоп которого кровно связан с жизненным циклом и судьбой героя, чье духовное становление происходит в относительно небольшом пространстве; у Аксакова же связующим звеном между героем и его *Домом* выступает природа, воспоминания о которой навевают детские воспоминания о дедовском *Доме*. Таким образом, проанализированный материал показал, что в прозе С.Т. Аксакова мифологема *Дом* ассоциируется с людьми и природой, а в прозе Б.П. Екимова *Дом* очеловечивается – это еще и то, что «дышит, растет, стареет – живет».

Список литературы

1. Аксаков С.Т. Собрание сочинений. М., 1982.
2. Аксаков К.С. Полное собрание сочинений. М., 1861. Т. I.

3. Афанасьев А.Н. Происхождение мифа: статьи по фольклору, этнографии и мифологии / сост., подгот. текста, ст., коммент. А.Л. Топоркова. М., 1996.
4. Боктаева В.Л. Анализ лексических единиц лексико-тематической группы «Дом» (на материале английского и русского языков) // Вестн. Калм. ун-та. Филологические науки. 2016. № 4(32). С. 58–65.
5. Екимов Б.П. Встреча не состоится: Рассказы. Волгоград, 1988.
6. Екимов Б.П. Как рассказать...: книга для школьного и семейного чтения. Волгоград, 2018.
7. Мокрова М.В. Жанр рассказа в творчестве Б.П. Екимова: традиции и новаторство: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2003.
8. Савина Л.Н., Тропкина Н.Е. Пространство дома в поэзии Н. Рубцова и в прозе Б. Екимова // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2009. № 10(44). С. 147–150.
9. Щукин В.Г. Статьи и критика. М., 1994.

* * *

1. Alefirenko N.F. Spornye problemy semantiki. Volgograd, 1999.
2. Aksakov K.S. Polnoe sobranie sochinenij. M., 1861. T. I.
3. Afanas'ev A.N. Proiskhozhdenie mifa: stat'i po fol'kloru, etnografii i mifologii / sost., podgot. teksta, st., komment. A.L. Toporkova. M., 1996.
4. Boktaeva V.L. Analiz leksicheskikh edinic leksiko-tematicheskoy gruppy «Dom» (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov) // Vestn. Kalm. un-ta. Filologicheskie nauki. 2016. № 4(32). S. 58–65.
5. Ekimov B.P. Vstrecha ne sostoitsya: Rassказы. Volgograd, 1988.
6. Ekimov B.P. Kak rasskazat'...: kniga dlya shkol'nogo i semejnogo chteniya. Volgograd, 2018.
7. Mokrova M.V. Zhanr rasskaza v tvorchestve B.P. Ekimova: tradicii i novatorstvo: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2003.
8. Savina L.N., Troпкиna N.E. Prostranstvo doma v poezii N. Rubcova i v proze B. Ekimova // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. 2009. № 10(44). S. 147–150.
9. Shchukin V.G. Stat'i i kritika. M., 1994.



***Mythopoetics of house in the prose by S.T. Aksakova and B.P. Ekimov
(the lexical and semantic aspect in the description of the everyday routine
and speech of the characters)***

The article deals with the analysis of the mythopoetics of House in the prose works of two Russian writers, discussing the theme of the house and the recollections of it. The analysis was based on the autobiographical story “The childhood years of Bagrov-grandson” by S.T. Aksakov and the stories “Our old home”, “Solonich”, “White water” and “The last hut” by B.P. Ekimov. The subject of the analysis is the means of revealing the mythologeme of House in the fictional world of two writers.

Key words: *mythopoetics of House, image of “house”, fictional world of writer, Russian country prose, spatial-temporal problematics, public consciousness, lexical means of representation.*

О.С. МАКАРОВА
Волгоград

КОНЦЕПТЫ «MACHT» И «GLÜCK» В КОНЦЕПТОСФЕРЕ Ф. НИЦШЕ

Рассматриваются особенности экспликации индивидуальных концептов «Macht», «Glück» немецкого философа Фридриха Ницше. Выявлены способы обозначения и выражения данных концептов, а также их функции, реализуемые средствами вторичной номинации в рамках философского дискурса.



Ключевые слова: лингвоаксиология, индивидуально-авторский концепт, элитарная языковая личность, метафора.

Взаимодействие естественного языка и языка философии определяется особенностями философского знания, согласно которому философия пытается выявить истину уже в существующих явлениях, вербализующихся средствами обыденного языка с учетом образных лингвистических единиц, в особенности метафор. Как правило, философский текст становится более прозрачным и понятным, если говорить о том, что новые факты не открываются заново, а по-новому интерпретируются. В частности, метафора как краткое или развернутое сравнение может рассматриваться посредством транспозиции естественных значений из одного слова в другое, тем самым не создавая их, а переставляя в них акцент.

В связи с вышесказанным полагаем, что язык становится основным источником понимания и оформления философской терминологии. Метафора привносит в философское знание восприятие тождества между разноплановыми и логически несходными, часто дистанцированными экспликациями. Поэтому в философских текстах обыденные смыслы с их семантическими характеристиками приобретают необходимые условия для формирования индивидуальных и оригинальных собственных философских значений.

Мы рассматриваем метафорическое воплощение концептов в индивидуальной концептосфере Ф. Ницше с учетом теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона и придерживаемся мнения Н.Д. Арутюновой, полагающей, что «метафора пронизывает всю нашу повседневную жизнь и проявляется не только в языке, но и в мышлении и действии» [1, с. 387]. Всю нашу естественную понятийную систему, которая упорядочивает реальность, наше поведение в обществе, взаимоотношения с окружающими, можно определить как метафоричную по своей сущности. Метафора позволяет концептуализировать любой фрагмент действительности с опорой на человеческое мышление. Такой потенциал метафорических манипуляций объясняется когнитивными свойствами метафорических значений: «понятийная система человека упорядочивается и определяется метафорически» [Там же, с. 389].

В данной статье представлены базисные типы метафорических экспликаций в лингвистической объективации концептов «Macht» (власть) и «Glück» (счастье). В фокусе нашего внимания их оценочно-характеризирующая функция в концептосфере Фридриха Ницше.

Опираясь на предложенную В.П. Москвиным классификацию метафор [2], мы выделили основную их функцию при описании ницшеанских концептов, согласно которой философ неодобрительно, скептически относится к анализируемым понятиям и всячески порицает стремления к власти и счастью: «Seht mir doch diese Überflüssigen! Reichtümer erwerben sie und werden ärmer damit. Macht wollen sie und zuerst das Brecheisen der Macht, viel Geld – diese Unvermögenden!» [3, S. 53]. Приобретение средств влияния на общество или индивидуума невозможно без потери внутренних ценностных ориентиров. Желание власти всегда подразумевает отсутствие свободы, что мы и отмечаем благодаря вышеприведенной метафоре, переосмысленной в рамках указанного контекста.

Ф. Ницше подчеркивает, что если власть оказывает давление на функционирование социума, то тем самым она полностью подчиняет себе человека. Такое негативное поведение даже возможно ввести в законодательные рамки и закрепить печатью, о чем свидетельствует следующая метафорическая единица: «das Siegel der Macht» [6, S. 385]. Благодаря подобного рода субстантивным метафорам раскрывается сущность отдельного философского опыта уподоблений в индивидуальной концептосфере автора.

В анализируемом нами лексическом фонде фиксируется чрезвычайно высокая плотность единиц, содержащих в своей структуре субстантивный и глагольный типы метафорического знания. В высказывании «die Macht wächst» [4, S. 12] немецкий философ с тревогой отмечает разрастание и воинственность власти. Кроме того, он высказывается о ее неустойчивости: «Was kann ich dafür, dass die Macht gerne auf krummen Beinen wandelt?» [3, S. 32]. Власть часто эфемерна и стремление получить ее всегда обращается, по Ф. Ницше, трагедией, поскольку она не является константой и не зависит от индивидуальности человека, порождает лишь толпу.

Метафорическая дескрипция «die Lücke unserer Macht» [6, S. 117] свидетельствуют также скорее о негативном отношении Ф. Ницше к рассматриваемому концепту, где словосочетание, обладающее властью, не всегда достаточно образовано и духовно, интеллектуально развито, чтобы заботиться о своем народе. При этом, обращаясь к характеристике власти как функционирующей институциональной структуре, философ трактует ее как наслаждение для тех, кто ею владеет: «den höchsten Genuss der Macht» [8, с. 57]. Но автор осуждает бездумность такого неумного наслаждения. Для характеристики такой власти Ф. Ницше использует адъективное сравнение, определяющее власть как слепую «die blinde Macht» [3, S. 90]. Совершенно очевидна отрицательная коннотация феномена власти в устах философа.

Известно, что Ф. Ницше по-разному интерпретирует власть и волю к власти. Данный концепт содержит в себе, в основном, пейоративную составляющую, т. е. человек, обладающий потребностью руководить другими, создает хаос внутри самого себя. Как полагает философ, со временем личность может испытывать не только отвращение к власти, но даже ненависть к ней. Власть всегда оказывается связанной с рабством, с бесплодными попытками остаться внутренне свободным. В данном случае ценность власти, согласно Ф. Ницше, нивелируется. Проиллюстрируем данный тезис следующей метафорической разверткой: «Da ekelt ihn endlich vor der Macht, welche das Böse und die Unfreiheit im Schosse trägt, sein Will bricht sich» [6, S. 206].

Говоря о специфике ницшеанских образных вторичных номинаций, следует выделить и саркастичное сравнение власти, отображающее намерение индивидуума при любых обстоятельствах получить ее: «nach der Macht die Hand ausstrecken» [3, S. 20]. Человеку свойственно желать властвовать, хотя такое властвование практически никогда не приносит счастье и удовлетворение.

Отрицательное отношение к власти, ее характеристика и внешний лоск ярко и наглядно прослеживаются и в следующей метафоре: «jenen Luxus von Skepsis und Toleranz, welchen sich jede siegreiche selbstgewisse Macht gestattet» [Ibid., S. 35]. Автор скептически относится к осознанию власти как добродетельной сущности, в глубине кото-

рой скрыты терпение и терпимость к окружающему миру, несмотря на имеющиеся в распоряжении у обладателя власти многочисленные возможности.

Описывая сущность властолюбия, философ сомневается в его внимании к индивидуальной личности, ее уникальности, самобытности, к уважению и истинному милосердию, поскольку власть редко нисходит до конкретного человека, что зафиксировано в нижеприведенном примере: «Wenn die Macht gnädig wird und herabkommt ins Sichtbare» [3, S. 121].

Анализ текстового материала позволяет заключить, что метафора пронизывает все творчество Ф. Ницше. Она эксплицирует ярко и образно глубинные смыслы, не всегда доступные для всеобщего понимания, если бы они были выражены иным, неметафорическим языком.

Учитывая жизненный путь философа и его пессимизм в отношении к современной ему действительности и современникам, стоит отметить, что концепт «Glück» опредмечен многочисленными метафорическими сравнениями, содержащими понимание счастья как некоего трудно достижимого феномена, пока реальность не освободится от старых представлений о сущности истины и путей ее достижения. В концепции Ф. Ницше счастье всегда остается грустным и сонным: «eines schwermüthigen und schläftigen Glücks» [5, S. 11]. Отметим, что счастье истинно воспринимается, если ценится каждое мгновение и каждая его «капля»: «der Tropfen Glück» [3, S. 278], и тогда оно может каждому подарить улыбку: «Das Glück lacht» [Ibid.].

Фигуративность речи Ф. Ницше в понимании концепта счастья и его личное отношение к нему носят, кроме того, сдержанный характер, описывают его красоту, но подчеркивают при этом и переменчивость, сопоставляемую с женским настроением: «Das Glück aber ist ein Weib» [Ibid., S. 164]. Счастье не следует выставлять напоказ: «mein verkrochenes Glück» [Ibid., S. 173], иначе его легко потерять, натолкнувшись на коварство окружающих: «denn mein Glück – es liebt das Necken! Denn mein Glück – es liebt die Tücken» [6, S. 355].

При характеристике ницшеанской индивидуальной концептосферы нельзя не упомянуть его оценочное отношение к женщинам. Оно амбивалентно. В каждом из своих текстов автор обращается к описанию важной роли женщины в обществе, но критически оценивает ее взаимосвязь со счастьем. Счастье возможно лишь тогда, когда отмечается отсутствие женщины. Продемонстрируем данное утверждение следующей сентенцией: «Das Glück läuft mir nach. Das kommt davon, dass ich nicht den Weibern nachlaufe» [3, S. 164].

Хотелось бы также заметить, что философ, дискутируя вопрос толкования счастья, обращает наше внимание на препятствия для его переживания в современном ему обществе, обществе, требующем непременно скорейших изменений. Хорошей языковой иллюстрацией сказанному служат, на наш взгляд, следующие метафорические единицы: «ein tiefes und gründliches Glück» [6, S. 411]. Вместе с тем автор указывает и на печаль глубокого счастья – «die Traurigkeit des tiefsten Glückes» [Ibid., S. 502]. К счастью необходимо идти постепенно («das Treppen-Glück» [8, S. 521]), лелея его, подобно бережному уходу за растением («die Vegetation des Glückes» [9, S. 339]).

Ф. Ницше достаточно уничижительно высказывается о своих современниках, подчеркивая их примитивные желания, страхи, волю к власти, агрессию, изменчивость душевных порывов. Апеллируя к пониманию счастья, философ также проводит аналогию с физиологическими, болезненными реакциями человеческого организма с незнакомым ему или недостижимым ощущением счастья. В качестве примера приведем следующий текстовый пассаж: «die Krämpfe eines unbekanntes Glückes» [10, S. 390].

В сфере употребления развернутых метафорических конструкций очень интересны лингвистические единицы, дающие положительные характеристики рассматриваемого концепта. Несмотря на трагичность своей судьбы, безуспешные попытки изме-

нить общественный строй, мифологизацию философии западной культурой и создание новых истин, философ не терял надежду на достижение нового порядка, открытие новых или же иную интерпретацию уже существующих истин, позволяющих избавиться от печального и трагичного в окружающем мире. Счастье и несчастье, по мнению немецкого философа, всегда неразделимы и не всегда достижимы: «denn das Glück und das Unglück sind zwei Geschwister und Zwillinge, die mit einander groß wachsen oder, wie bei euch, mit einander – klein bleiben» [6, S. 567]. При этом, однако, ученый нередко уподобляет счастье солнцу, которое, несмотря ни на что, продолжает светить и дарить радость и силу человеку, разрушает его деструктивные мысли, позволяет созидать новое: «das Glück mit immer gleichem Strahle, gleich der Sonne der Tropenländer, auf die solchermassen Geordneten niederbrennen müsse» [10, S. 205].

Философские тексты Ф. Ницше, изобилующие оригинальными, образными метафорами, особенно ярко, на наш взгляд, воплощают его идеи и представления о новом мире и уничтожении уже существующего, в котором концепт счастья индивидуума занимает не последнее место: «eines Gottes Glück voller Macht und Liebe, voller Thränen und voll Lachens, ein Glück, welches, wie die Sonne am Abend, fortwährend aus seinem unerschöpflichen Reichthume wegschenkt und ins Meer schüttet» [6, S. 567].

Таким образом, концептуализация окружающей действительности посредством метафорических единиц различного порядка всесторонне и многогранно представлена в творчестве немецкого философа. Его непосредственное наблюдение и анализ современного ему общества обнаруживают различные концептуальные фрагменты, играющие важную роль как для самого автора, так и для социума в целом.

Изложенный материал показывает доминантный статус концептов «Macht» и «Glück» в картине мира Ф. Ницше. Они действительно занимают значительные позиции на шкале его ценностей. Отметим также, что различные образные единицы убедительно свидетельствуют о неизменном человеческом желании обладать властью и стать счастливым человеком, несмотря на нередко используемую отрицательную коннотацию метафор в системе индивидуально-авторской вторичной номинации Фридриха Ницше.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры. М., 1990.
2. Москвин В.П. Русская метафора. Семантическая, структурная, функциональная классификация. Волгоград, 1997.
3. Nietzsche F. Also sprach Zarathustra. Ein Buch für Alle und Keinen. München, 1976.
4. Nietzsche F. Antichrist. 1986.
5. Nietzsche F. Der Fall Wagner [Electronic resource] // <http://gutenberg.spiegel.de/nietzsch/fallwagn/fallwagn.htm> (дата обращения: 23.03.2022).
6. Nietzsche F. Die fröhliche Wissenschaft. München, 1999.
7. Nietzsche F. Götzen-Dämmerung oder Wie man mit dem Hammer philosophiert. Frankfurt am Main, 2000.
8. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches I // Menschliches, Allzumenschliches I und II. München, 1999.
9. Nietzsche F. Menschliches, Allzumenschliches II // Menschliches, Allzumenschliches I und II. München, 1999.
10. Nietzsche F. Zur Genealogie der Moral // Jenseits von Gut und Böse. Zur Genealogie der Moral. München, 1999.

* * *

1. Arutyunova N.D. Teoriya metafory. M., 1990.
2. Moskvina V.P. Russkaya metafora. Semanticheskaya, strukturnaya, funktsional'naya klassifikatsiya. Volgograd, 1997.

*The concepts “Macht” and “Glück” in the sphere of the concepts
by F. Nietzsche*

The article deals with the specific features of the explication of the individual concepts “Macht” and “Glück” by the German philosopher Friedrich Nietzsche. There are revealed the ways of the denomination and expression of these concepts and their functions that are implemented by the means of the secondary nomination in the context of the philosophic discourse.

Key words: *linguistic axiology, individual author’s concept, elite language personality, metaphor.*

ЧЖАН ШУИ
Волгоград

ОТРАЖЕНИЕ КИТАЙСКИХ СУЕВЕРИЙ В ПОСЛОВИЦАХ

Представлен обзор научных исследований китайских ученых о происхождении суеверий и причинах их широкого распространения в древности и в современном мире. Суеверия нашли отражение в пословицах, фразеологизмах, словах и иероглифах, соответственно, представляют интерес для лингвокультурологии.

Ключевые слова: *суеверие, оккультизм, психология, феномен, наука и техника, мифологическое мышление, Китай.*

Проявление суеверий не редкость в современном социуме, несмотря на глобализацию и научно-технический прогресс, охвативший весь мир. В Китае вплоть до Нового времени (1840 г.) в обществе суеверия традиционно оценивались позитивно. По мере развития науки появилась уничижительная оценка суеверий, поскольку они противостоят основным идеям Китая («Защищайте науку, выступайте против суеверий»). Согласно китайскому словарю Синьхуа, к суевериям относятся астрология, гадание, фэншуй, оккультизм (迷信一词指相信占星术、占卜、风水、命相、鬼神等。也指盲目信仰或崇拜). С момента основания КНР (1949 г.) суеверия определяются как ненаучные иррациональные народные идеи периода феодализма, а само суеверное мышление противоречит современной китайской идеологии. Несмотря на это, суеверия все еще широко распространены в Китае и получают новое оформление в виртуальной действительности.

Согласно психологу-антропологу Л. Леви-Брюлю, суеверия носят императивный характер и воспринимаются индивидом почти автоматически, навязываются ему с раннего детства, почти не поддаются критике, передаются в неизменном виде [3, с. 8]. Полагаем, что именно по этой причине суеверия не получают критического осмысления в современном социуме и продолжают передаваться из поколения в поколение, получая трансформацию в новых коммуникативных условиях.

На формирование и развитие суеверий влияет множество факторов. Для индивида это не только его психологические черты личности, но и внешняя среда, в которой он находится. Суеверия появляются там, где существует необходимость предвидения событий и определенного влияния на будущее. Суеверные представления с давнего времени являются одним из компонентов духовной жизни. Не имея достаточной уверенности в себе, люди пытаются найти психологический комфорт посредством суеверия. Нередко можно наблюдать двойственную позицию по отношению к успеху: для одного человека – это результат тяжелого труда, для другого – счастливая судьба. Второй тип людей полностью зависит от судьбы, без хорошей судьбы невозможно добиться успеха. Безусловно, такая разница в мышлении определяет чувство контроля над событиями. И чувство контроля также оказывает важное влияние на проявление уровня суеверия. «Согласно предположению неопределенности, суеверные люди полагают, что результат конкретного события в определенной степени зависит от контролируемых сил, а другая часть – от неконтролируемых сил. Чем больше люди приписывают положительные результаты случайности или судьбе, тем больше у них шансов обратиться к суевериям. По сути, суеверные люди пытаются превратить неконтролируемые силы в контролируемые силы. Это увеличивает вероятность получения желаемого результата» [8, с. 134].

На заре человечества преобладало первобытное (мифологическое) мышление, согласно которому вся внешняя материя имеет жизнь и душу, т. е. материальное, идеальное и невещественное. В результате у людей появилась и зафиксировалась вера и поклонение определенным объектам и природным явлениям. Именно первобытное мышление дало толчок развитию суеверий в силу отсутствия научного познания. В рамках данного типа мышления происходит символическое восприятие действительности. «Если научное сознание строится на понятиях, то мифологическое основывается на символах и знаках», – справедливо утверждают Е.В. Бобырева и О.А. Дмитриева [1, с. 32]. Суеверие проистекает из естественных верований первобытных людей, не могущих понять и проконтролировать различные явления природы, такие как молнии, ветер и дождь, сновидения, болезни и смерть. Отрицательные эмоции: страх, растерянность, тревога, сопровождающие повседневность первобытного человека, не способствовали формированию чувства безопасности, соответственно, суеверия взяли на себя аффективно-защитную и компенсирующую функции, позволили снизить уровень тревоги, повысить уровень удовлетворенности жизнью и собой, обрести чувство безопасности и защищенности. Выполняя ритуалы, носящие охранительный характер, читая тексты заклинаний, исполняя обрядовые танцы, надевая обереги и амулеты, обращаясь к потусторонним силам, человек укрепляет веру в собственные силы, у него улучшается настроение, снижается уровень тревоги, появляется надежда избежать неудачи и неприятностей [6, с. 94].

Интерес к суеверию как объекту научного исследования в Китае появился в 1920-х гг. в кругах интеллектуалов в форме научных дискуссий, последовавших после анализа суеверий. Перечислим некоторые труды. Цзян Шаоюань установил понимание феномена суеверия, дал определение, опираясь на научные взгляды XIX и XX вв. британской и американской теории религии. Помимо Цзян Шаоюаня, свое внимание на суеверия обратили Чэнь Даци «Суеверие и психология» (1923), Жун Чжаоцзу «Суеверие и легенда» (1929), Фэй Хуннянь «Суеверие» (1931) и др. [10, с. 70–71]. Было установлено, что первопричиной суеверий является низкий уровень развития производительных сил в древности, низкий уровень грамотности людей, недоступная для широких масс наука, отсталая техника.

Древние китайцы верили в существование сверхъестественных существ (призраков и богов), объясняя их деятельностью все непонятные процессы и явления окру-

жающего мира. Взаимодействие со сверхъестественными силами происходило посредством определенного инструментария: ритуалов, сакральных текстов, предметов, получивших семиотическую нагрузку (амулеты, обереги), таким образом, суеверия представляют собой значительный пласт культурного достояния, который получил фиксацию в языке. В качестве примера обратимся к легендам Древнего Китая.

В одном селении жил Мулянь и его мать. Мулянь был добрым и почтительным сыном, а его мать была жестокой и злобной по натуре. Однажды, чтобы посмеяться над монахом, мать Муляна подменила овощные паровые булочки на 360 паровых булочек из собачьего мяса. Монах, которому нельзя есть мясо, съел их. После того как об этом узнал Юй-ди (верховный владыка, которому подчинена вся вселенная: земля, небо, подземный мир, а также все духи и боги), он отправил мать Муляня в 十八层地狱 (восемнадцатый ад), где она стала злобной собакой. Согласно даосизму, это место, где душа страдает после смерти, если люди при жизни творят зло. Сегодня в китайском языке 十八层地狱 используется как метафора трагического возмездия. Позже Мулянь освободил свою мать, и злая собака отправилась к Юй-ди, чтобы свести счеты после побега из ада, но не смогла найти его и решила съесть солнце и луну. Наблюдая за животными, люди заметили, что больше всего собаки боятся звука гонгов и взрывов петард, испугавшись, собаки выплевывают проглоченную пищу и убегают. Поэтому, увидев злую мать Муляня в образе собаки, люди начали издавать шум, эти звуки заставили ее выплюнуть солнце и луну. После того как солнце и луна были спасены, они снова засияли в небе. Собака очень рассердилась, и снова погналась за ними, и опять проглотила солнце и луну. Так в Древнем Китае появилась поговорка 天狗食月 – «Собака в небе ест солнце и луну» (здесь и далее перевод наш. – Ч.Ш.). С тех давних времен во время солнечных и лунных затмений люди бьют в гонги и барабаны и запускают петарды, чтобы отпугнуть собак в небе. В давние времена этот ритуал объяснялся отсутствием четкого понимания движения комических объектов, вызывающих солнечные и лунные затмения. Аналогично появились и другие суеверные представления, например суеверие, связанное с атмосферными явлениями, согласно которому гром воспринимался как гнев бога.

В Древнем Китае существовала поговорка 皇权神授 («Власть императора дарована небесами»). Монархи отстаивали свою власть, апеллируя к суеверному мышлению народа, стараясь подчинить их себе, понимая, что суеверные люди в большей степени характеризуются внушаемостью, низкой критичностью мышления, интеллектуальной пассивностью, тревожностью [4]. Суеверный человек не осмысливает критически постулат о том, что император послан богами в мир, чтобы управлять всеми вещами, является представителем богов в мире и поэтому необходимо следовать указаниям монарха и не сопротивляться.

Несколько позже, во времена династии Чжоу, была распространена идея о том, что монарх У (周武王) был «богом, посланным ему управлять миром, и его сила была дарована богами», царская власть является священной и неприкосновенной. Убеждение «天命» (воля небес) имеет многовековую историю и оказало существенное влияние на историю Китая [7]. У называл себя императором Чжоу (周天子), потому что под руководством монарха У, династия Западная Чжоу под его правлением уничтожила династию Шан, что дало право ему думать о поддержке самого Бога. При раскопках археологи обнаружили большое количество надписей на бронзе и гадательных костях. В период правления династии Инь было принято записывать на панцирях черепах или костях животных время, причину и результат гадания. Таким образом, удалось установить, что во времена правления династий Инь и Чжоу правящий класс использовал веру и поклонение трудящихся силе природы и позиционировал себя избранниками Бога – «наказом неба» (天命). Апеллируя к первобытному мышлению неграмотного населения, монарх укреплял свою власть, эксплуатируя народное поклонение богам.

Обратимся к еще одному распространенному суевию. В древней китайской традиционной культуре карп – хорошо известный тотем. Во времена династии Тан многие писатели описывали карпа в своих произведениях, а в домах традиционно держали карпов в аквариуме в качестве объекта преклонения, вознося ему молитвы о благословении, в монастырях монахи каждый день кормили карпов и читали им сутры.

Суеверное представление о карпе сформировалось еще в Древнем Китае. Далекие предки, жившие рыболовством, рисовали изображение карпа на глиняной посуде. Немалое количество рыбоподобных узоров обнаружено при раскопках. В период правления династии Тан фамилия императора звучала «Ли» (李), что совпадает с произношением слова «рыба» (鲤). Соответственно, произошла сакрализация карпа, который стал ассоциироваться с императором. В этот период все чиновники выше пятого ранга должны были носить «рыбные талисманы» (鱼符), чтобы показать свою избранность и достоинство.

Карпу уделяется большое внимание в традиционной китайской культуре. Обратимся к истории. Когда жена Конфуция родила сына, Конфуций был чиновником, отвечавшим за склады. 25-й император государства Лу в период весны и осени Лу Чжаогун (鲁昭公) был очень доволен его отношением к работе, поэтому послал в подарок большого карпа. Конфуций удостоился большой чести получить подарок от самого монарха, вследствие чего он назвал своего сына Карпом (鲤) – Ли. С этого момента зарождается обычай: если в семье родился ребенок, родные и близкие в качестве поздравления дарят карпа или подарок в виде карпа, чтобы новорожденный малыш рос как карп, не боялся трудностей и мужественно двигался вперед. Присутствие карпа в доме носит охранительный характер для ребенка.

Выражение 鱼水合欢 «рыба и вода вместе», согласно «Книге песен», олицетворяет институт брака, дружбу и любовь. В качестве благословения молодоженам дарят карпа, эта традиция также имеет давнюю историю, в древности люди использовали деревянные доски в форме рыбок в качестве конвертов для передачи писем.

В Древнем Китае получила распространение поговорка «Карп перепрыгивает через ворота Дракона» (鲤鱼跃龙门), что означает следующее: если карп перепрыгнет через ворота дракона, он станет драконом, но, если не может перепрыгнуть, все равно остается карпом. Так иносказательно иллюстрируется возможность для детей из бедных семей подняться по социальной лестнице при условии усердного обучения и успешной сдачи королевских экзаменов.

Много карпов содержится во многочисленных парках в разных городах современного Китая. Посетители могут купить еду, чтобы покормить карпа и загадать желание. Проведенный анализ исторических текстов показал, что символика карпа имеет отлегендарные и омонимические корни. Постепенно карп стал ассоциироваться с благодарностью, миром и святостью, став культурным символом, отражающем китайскую этнокультуру.

В современном Китае можно наблюдать проявление таких суеверий, как специальное использование ряда иероглифов – это традиция украшать двери, одежду и предметы быта иероглифами счастья (福), подарки молодоженам, двери, стены, постель в их комнате парным иероглифом счастья (囍) и т. д., полагая, что благодаря этим иероглифам счастье всегда будет рядом [5, с. 48].

Манипуляция с иероглифами связана также с оккультизмом. В своей знаменитой книге «Демонология древнего Китая» Ян Якоб Мария де Гроот описывает оккультные действия китайских колдунов – нанесение вреда живым людям через иероглифы, обозначающие даты их рождения – их гороскоп, которые можно было написать в перевернутом виде, перечеркнуть, приклеить с внутренней стороны колокола в храме и т. д., и таким образом лишить их обладателя покоя и благополучия [2, с. 82–83].

Как показал анализ научных источников, исследования суеверий в Китае в основном сосредоточены в рамках социологии, политологии, фольклоре. С позиции психологии суеверия фактически не анализируются. Чжэн Го определил суеверие с точки зрения концепции и поведения. Концептуально суеверие – это иррациональная вера. С точки зрения поведения суеверие – это действие без знания, слепое повиновение и одержимость [9, с. 219].

Лю Ляньчжун считает, что суеверие относится к слепой вере в вещи или точки зрения, которые нереальны и не имеют фактической основы. А суеверное поведение относится к поведению и практике, основанной на суеверии. Суеверие – это также подавленность, которую люди проявляют, когда сталкиваются с непознаваемыми вещами в социальной жизни, или соглашение с призраками, богами и судьбой, которое люди проявляют, когда сталкиваются с непреодолимыми неудачами и препятствиями, и молятся о том, чтобы через веру и определенные действия изменить свою судьбу.

Механизм зарождения и распространения суеверий связан в первую очередь с наблюдением и копированием. Например, если человек увидит, как кто-то зарабатывает состояние, поклоняясь Богу Богатства, он усваивает такое поведение в надежде разбогатеть. С другой стороны, суеверное поведение многих людей есть проявление конформизма. Конформность относится к явлению, при котором концепции и поведение людей изменяются в направлении, соответствующем мнению большинства, из-за руководства и давления группы. Иногда суеверия и поведение людей являются результатом влияния других. Например, люди не выбирают цифры 4 и 7 при выборе номерного знака машин или номера телефона. Некоторые люди видят, что другие носят амулеты, поэтому покупают их и носят, думая, что это мода. Наблюдение является важным способом широкого распространения суеверий.

Подведем итоги. Несмотря на уровень жизни, развитую науку и технику, преобладание логического мышления в социуме, среди наших современников отмечается большое количество суеверных людей. Суеверия, возникшие в период первобытно-общинного строя, неотступно сопровождают человечество.

Появление суеверий связано в первую очередь с отсутствием чувства безопасности в условиях недостатка научных знаний. В современном китайском языке фигурирует большое количество суеверий, имеющих долгую историю. Будучи элементом культуры, суеверия демонстрируют особенности исторического и социального развития китайского народа, обладают мощным лингвокультурологическим потенциалом и представляют собой ценнейший материал для научного, в том числе и лингвистического, анализа.

Список литературы

1. Бобырева Е.В., Дмитриева О.А. Тенденции и закономерности развития религиозного и мистического сознания: картина мира, ценностные доминанты, типаж. Красноярск, 2021.
2. Гроот Я.Я. М. Демонология древнего Китая. СПб., 2000.
3. Леви-Брюль Л. Первобытное мышление / пер. с франц. под ред. проф. В.К. Никольского и А.В. Кисина. М., 1930.
4. Лебон Г. Психология масс. Минск; М., 2000.
5. Рубец М.В. Влияние процессов модернизации на некоторые аспекты современного китайского языка // История философии. 2015. Т. 20. № 2. С. 47–60.
6. Саенко Ю.В. Психологические аспекты суеверий и суеверности // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2005. № 5.6. С. 86–95.

7. Чань С., Ли Б. Китайские династии, или воля небес [Электронный ресурс] // Великая эпоха. URL: <https://www.epochtimes.com.ua/ru/china/culture/kitayskie-dinastii-ili-volya-nebes-107211.htm> (дата обращения: 15.11.2022).
8. Чжан Шуи. Место суеверие в структуре современной языковой личности // Филологические науки в контексте инновационных исследований: сб. тр. конф. Баку, 2020. С. 132–135.
9. 陈永艳, 张进辅, 李建. 迷信心理研究述评[J]. 心理科学进展, 2009. 17(01): 218–226 (Чэнь Юнянь, Чжан Цзиньфу, Ли Цзянь. Обзор исследований в области психологии суеверий // Достижения психологической науки. 2009. № 17(1). С. 218–226).
10. 杨明晨. 迷信作为“知识”: 江绍原的迷信研究与学科话语的跨文化实践[J]. 文化遗产, 2019(06): 69–75 (Ян Минчэнь. Суеверие как «знание»: исследование Цзян Шаюаня о суеверии и межкультурной практике дисциплинарного дискурса // Культурное наследие. 2019. № 06. С. 69–75).
11. 在线汉语字典 (Китайский онлайн-словарь) [Электронный ресурс]. URL: https://cidian.bmcx.com/mixin_q8b__cidianchaxun/ (дата обращения: 07.11.2022).

* * *

1. Bobyreva E.V., Dmitrieva O.A. Tendencii i zakonomernosti razvitiya religioznogo i misticheskogo soznaniya: kartina mira, cennostnye dominanty, tipazhi. Krasnoyarsk, 2021.
2. Groot Ya.Ya. M. Demonologiya drevnego Kitaya. SPb., 2000.
3. Levi-Bryul' L. Pervobytnoe myshlenie / per. s franc. pod red. prof. V.K. Nikol'skogo i A.V. Kisina. M., 1930.
4. Lebon G. Psihologiya mass. Minsk; M., 2000.
5. Rubec M.V. Vliyanie processov modernizacii na nekotorye aspekty sovremennoego kitajskogo yazyka // Istoriya filosofii. 2015. T. 20. № 2. S. 47–60.
6. Saenko Yu.V. Psihologicheskie aspekty sueverij i suevernosti // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. 2005. № S.6. S. 86–95.
7. Chan' S., Li B. Kitajskie dinastii, ili volya nebes [Elektronnyj resurs] // Velikaya epoha. URL: <https://www.epochtimes.com.ua/ru/china/culture/kitayskie-dinastii-ili-volya-nebes-107211.htm> (data obrashcheniya: 15.11.2022).
8. Chzhan Shui. Mesto sueverie v strukture sovremennoj yazykovoj lichnosti // Filologicheskie nauki v kontekste innovacionnyh issledovanij: sb. tr. konf. Baku, 2020. S. 132–135.



The reflection of the Chinese superstitions in the proverbs

The article deals with the review of the scientific studies of the Chinese scientists, devoted to the origin of the superstitions and the reasons of their wide distribution in the ancient times and the modern world. The superstitions are reflected in the proverbs, phraseological units, words and hieroglyphics, consequently, they are interested for the linguoculturology.

Key words: superstition, occultism, psychology, phenomenon, science and technics, mythological way of thinking, the People's Republic of China.

ИЗУЧЕНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ И МЕТОДИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ *

О.М. ТАБАЧНИКОВА
Престон, Великобритания

ШЕСТОВ И ФРЕЙД: ЛИТЕРАТУРА В ФИЛОСОФСКОМ И ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В контексте диалога русской литературы и культуры с фрейдизмом рассматривается отношение Шестова и других мыслителей Серебряного века к психоанализу Фрейда изнутри русского литературоцентричного сознания. Отталкиваясь от существующих исследований о точках сближения Фрейда и Шестова, автор делает упор на различия и расхождения фундаментального, мировоззренческого характера между русской мыслью и идеями фрейдизма. Показано, что критика фрейдовских идей на русской почве становится особенно осязаемой (чтобы не сказать «закономерной») именно с позиций русской классической литературы.

Ключевые слова: *Шестов, Фрейд, русская литература, философия и культура.*

Основанием для активного диалога с фрейдизмом в России, как пишет Константин Антонов, послужило «широкое распространение в русской мысли XIX в. идеи бессознательного, восходящее, с одной стороны, к определенным элементам мистико-аскетической традиции православия (прежде всего концепту «сердца»), а с другой – к восприятию культуры романтизма, идей таких европейских мыслителей, как Лейбниц, Шеллинг, Шопенгауэр, Эдуард фон Гартман, позже – Ницше и Уильям Джеймс. Огромная роль принадлежала творчеству великих русских писателей, прежде всего Толстого и Достоевского» [3, с. 50]. Упоминание русских классиков (как и вообще отсылка к литературе) здесь, безусловно, не случайны, учитывая, что литературный дискурс в России традиционно вобрал в себя и любой другой. И восприятие фрейдизма русскими мыслителями происходило, как мы увидим, именно через призму литературоцентричного сознания.

Интерес к бессознательному и прежде всего активное обращение к вопросам пола характеризуют эпоху рубежа веков, Серебряного века русской культуры, с его снятием прошлых табу, переходом от незыблемых библейских истин к релятивизму «нового человека», для которого «Бог умер» или по крайней мере начал умирать (или коренным образом перерождаться). Александр Эткинд в своей книге «Эрос невозможного. История психоанализа в России» (1993) говорит о том, что русский символизм во многом стал воплощением русского фрейдизма. А американский славист Дэвид Бетей, рассуждая о русской литературе, идет дальше, заглядывая в отдаленное прошлое и объясняя, что «национальный русский миф в своей основе стал глубоко эротизированным и в то же время странно сублимированным/абстрагированным» [19, с. 172–173].

Лев Шестов, стоящий особняком среди русских мыслителей Серебряного века, во многом внеисторичный, иррациональный (в том смысле, что вел фронтальную атаку на Разум и любые формы вселенской Необходимости), рассматриваемый многими как предтеча экзистенциализма, остался хотя бы внешне не вовлеченным во фрейдизм при

* Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Изучение региональной литературы в историко-культурном и методическом аспектах» (Волгоград, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 15-16 ноября 2022 г.).

том, что был современником Фрейда и был связан с ним напрямую через своего близкого знакомого Макса Эйтингона, входившего во фрейдовский ближний круг и обучившего психоанализу сестру Шестова Фаню Ловцкую. Тем не менее тема «Шестов и Фрейд» поднималась, например, в работе К.В. Ворожихиной «Лев Шестов и история психоанализа» (2012) [7] и представляется нам не только закономерной, но и далеко не исчерпанной. В данной статье мы надеемся внести некоторые дополнения, если угодно, заметки на полях предыдущих исследований с отсылками к более широкому мировоззренческому контексту и при этом к литературе как таковой. И дело здесь не только в том, что Шестов, начав с литературной критики, в своем стремлении разгадать авторский замысел, заглянуть в душу каждого творца бессмертных произведений, продолжил странствования по душам великих писателей и в своих чисто философских изысканиях, невольно раскрывая психологическую подоплеку и во многом саму суть литературного процесса. Дело еще и в том, что в русской традиции именно литература воплощала мировоззренческие, ценностные ориентиры, и взгляд на литературу как на совесть, как на нравственный компас, дающий (не более и не менее!) личную ориентировку в пространстве жизни, был прочно укоренен и в русской философской мысли.

Из воспоминаний Аарона Штейнберга мы знаем, что в определенных кругах русской эмиграции Шестова видели если не русским Ницше, то русским Фрейдом, а Фаня Ловцкая считала своего брата «одним из самых выдающихся предшественников Фрейда». Благодаря книге младшей дочери Шестова Натальи Барановой-Шестовой хорошо известна и следующая выдержка из письма Шестова: «Я сказал Эйт(ингону), что жаль, что Фрейд стал врачом – не философом, ибо, если бы у него не было специальных задач, связанных с медициной, его смелость и наблюдательность могла бы привести к очень интересным открытиям. А он мне сказал, что если бы Фрейд знал меня, он бы пожалел, что я – не врач» [4, с. 243]. При этом Штейнберг утверждает, что на самом деле Шестов к психоанализу относился с недоверием и даже антипатией.

«Однако, по мнению сестры мыслителя, во всех своих произведениях Шестов занимается самоанализом, пользуясь при этом своими “литературными пациентами” как масками, и в этой его работе над собой – предвосхищение психоанализа», – отмечает Ворожихина [7, с. 29]. В связи с этой мыслью Фани о само-маскировке Шестова и проработке его собственных внутренних проблем посредством анализа других людей, которых Шестов выбирает героями своих философских работ, весьма напоминающих литературные эссе, уместно вспомнить слова Сергея Довлатова о том, что, «литературная деятельность – это скорее всего попытка преодолеть собственные комплексы, изжить или ослабить трагизм существования» [10, с. 341]. В своем горьком письме Игорю Ефимову Довлатов говорит: «Правы Вы и в том пункте, в котором проявили наибольшую степень проницательности. Вы пишете, и это может быть гораздо умнее, чем Вы думаете, и имеет отношение не только ко мне, но и к литературе вообще, и даже во многих случаях объясняет эту литературу, потому что очень часто, чаще, чем кажется, писатель старается не раскрыть, а скрыть, я говорю о Вашей фразе: “Всю жизнь Вы использовали литературу как ширму, как способ казаться”» [12, с. 435].

Можно предположить, что эта формула равно применима и к самому Шестову, а не только к персонажам его литературно-философских эссе, где он, как принято считать, как раз срывает маски со своих героев и антагонистов (которыми, по ироничному замечанию Чеслава Милоша, являются почти все мыслители «последних трех тысячелетий») [22], находя, как определил это Джон Бэйли, «зазор между тем, что великий художник слова думал, что он говорит (*intelligere*), и тем, что он на самом деле сказал с богоподобной уверенностью творца» [18, с. 4].

По мнению Мишеля Окутюрье, Шестов как литературный критик «не пытается объяснить литературное произведение, но ищет в нем подтверждение личного опыта писателя – как единственную гарантию философской ценности произведения. Ибо

настоящая философия в его глазах вырастает только из экзистенциального открытия» [17, с. 79].

Можно посмотреть на шестовский подход к чтению между строк – для расшифровки экзистенциального авторского опыта – как на разоблачение разрыва между пером и душой, ибо «всякое творчество (как писал И. Бродский) начинается как индивидуальное стремление к самоусовершенствованию и, в идеале, – к святости. Рано или поздно – и скорее раньше, чем позже – пишущий обнаруживает, что его перо достигает гораздо больших результатов, нежели душа. Это открытие часто влечет за собой мучительную душевную раздвоенность, но именно из нее и рождается писатель, видящий свою задачу в сокращении дистанции между пером и душой» [6]. В этом смысле Шестов как будто извлекает живую личность из-за глянцевого образа писателя, обнажая раскол между земным человеком и божественным художником в нем. Для этого он, как принято считать, во многом произвольно отождествляет писателя с его лирическим героем, наследуя романтизму, где «творчество уподобляется автопортрету» [9, с. 116], и в противоположность символистам с их принципом жизнотворчества, соединяющим человека и писателя воедино.

Николай Бердяев, отзываясь о шестовском методе, выделял в нем вполне фрейдовские мотивы самоотрицания и самооправдания. «При помощи своего психологического метода», – писал он, – «Шестову удалось открыть страшную и новую деятельность, скрытую под творениями Толстого, Достоевского и Ницше, сказать правду о пережитом этими великими, мутящими нас писателями. И все-таки Шестов впал в психологический схематизм, в столь ненавистные для него отвлечения и обобщения <...> По Шестову, в литературном творчестве всегда почти проецируются переживания писателя путем самоотрицания (например, Толстой. – *О.Т.*) и самооправдания (например, Достоевский. – *О.Т.*)» [5].

Ряд сближений Шестова с Фрейдом указан и в работе К.В. Ворожихиной. Наиболее значимыми в этом ряду мне представляются, во-первых, критика культуры и, во-вторых, отношения с отцом. «В основе культуры, утверждают Шестов и Фрейд, лежит Ананке (Необходимость). Для Фрейда культура есть основная причина психологического дискомфорта, испытываемая индивидом, по его мнению, “Большую долю вины за наши несчастья несет так называемая культура: мы были бы счастливее, если бы от нее отказались и восстановили первобытные условия”» [7]. Ворожихина заключает: «С одной стороны, Фрейд, как и Шестов, апеллирует к иррациональному в индивиде, с другой – считает, что конфликт бессознательного и сознания должен быть снят через осознание индивидом своих иррациональных влечений: “Я” *ego* должно прийти на место “Оно” *id*. И в этом проявляется двойственность отношения Фрейда к культуре и к человеческой природе» [Там же].

Хотелось бы добавить к этому, что точка соприкосновения Шестова и Фрейда указывает на внутренние противоречия и в самой шестовской философии. Как отмечает Виктор Ерофеев, «салвационизм Шестова в своей максималистской основе приходит в противоречие с требованиями культурной традиции, тем самым приводя философа к определенному культурному нигилизму» [11, с. 172]. Ерофеев подчеркивает, что «пафос М. Гершензона как оппонента Вяч. Иванова по “Переписке из двух углов” в рассмотрении культуры в качестве “системы тончайших принуждений” весьма родствен Шестову, который приходит в восторг всякий раз, когда “голос живой природы берет верх над наносными культурными привычками”» [Там же]. Георгий Адамович в своей статье «Вячеслав Иванов и Лев Шестов» идет еще дальше, утверждая, что в своей полемике с Гершензоном Иванов на самом деле обращался к Шестову [2, с. 253–254].

Можно сказать, что, по сути, Шестов стремится к тому, что в пределе будет, по терминологии Фрейда, победой Оно над Сверх-Я. Действительно, фрейдовскую концепцию сверх-Я – сущности, отвечающей за моральные и религиозные установки чело-

века, нормы поведения и нравственные запреты, можно интерпретировать как подразумевающую принудительный характер культурных и социальных норм, принимаемых людьми только для того, чтобы сделать их со-существование возможным. Иными словами, следствием как теории Фрейда, так и нападок Шестова на рационализм является утверждение чисто утилитарного характера человеческой морали. Точно так же утверждения Шестова, особенно в связи с Чеховым, о хрупкости наших культурных привычек, которые стремительно разрушаются перед лицом любого серьезного кризиса, болезни, смерти, также свидетельствуют о его близости к фрейдистским представлениям, к пониманию человека как вырастающего напрямую из животного мира.

Что же касается темы отца, то для Шестова олицетворением отцовства является Авраам – отец веры в живого Бога, тогда как для Фрейда – Моисей, отец закона, легшего в основу культуры и самосознания евреев. И если в психоаналитической концепции Фрейда отцовство предполагает преобладание разума, норм, предписаний, то для Шестова фигура отца связана с преодолением этического, с выходом за пределы разумного, с абсолютным доверием, с верой. Фаня Ловцкая считала, что Шестовым руководит страсть к самоутверждению, вечное соперничество с отцом. Как констатирует Ворожихина, и сестра, и Штейнберг полагали, что отец для Шестова был почвой, законом, который необходимо преодолеть [7].

Не стоит, однако, забывать, что тот же Штейнберг, говоря о почве, пишет не столько об отце, сколько о матери Шестова: «отношение (уже 60-летнего! – *О.Т.*) Шестова к матери поражало своим таинственно-религиозным характером. То была не сыновья любовь, не сохранившееся с детских лет преклонение, не нежность и благодарность, а благоговение, обоготворение, какое-то непроизвольное и непрерывное мифотворчество. Он правда продолжал участвовать в том, что происходило вокруг него, но как бы отсутствуя, всецело поглощенный чудесным явлением из другого мира – явлением Матери» [16]. И далее: «у самого Шестова с раннего детства были не две школы – отца и матери, а лишь одна – материнская, в которой не переставал учиться и отец его» [Там же]! По мнению Штейнберга, Шестов, начав с бунта, вернулся к материнской почве. Но, если вдуматься, то и в более ранние годы семиотика поведения Шестова, который страдал невротами, который был не в силах открыто противостоять давлению своих ортодоксальных родителей и в личной жизни, и в семейном деле, а склонен был идти на компромиссы, – это скорее семиотика поведения еврейского сына сильной и авторитарной еврейской матери.

Сочетая равнодушие к Фрейду со страстным интересом к «внутреннему человеку», Шестов все же предвосхитил психоаналитическое направление в литературоведении, равно как и современный, по сути постмодернистский, метод «нарративной психологии». Последняя рассматривает нарративы «как основу для понимания жизни людей и построения смыслов», особенно когда «объектом анализа является личный опыт». Поэтому ее обычно применяют к жанрам рассказов о себе, таким как «автобиографии, мемуары, личные истории, даже интервью», – пишет Марк Фриман, ибо «рассказывая о себе», люди осмысливают свой жизненный опыт, создают смыслы, а также конструируют свою собственную... идентичность» [21].

Другими словами, нарративная психология пытается декодировать (т. е. деконструировать и собрать заново более «аутентичным» способом) миф о себе, присущий само-рассказам. Но именно это и пытается сделать Шестов в своем анализе литературных произведений. Таким образом, он, по сути, рассматривает художественную литературу как само-рассказ автора, как если бы это была «закодированная автобиография» или своего рода мемуары. Ибо, как пишет Фриман, «само-рассказы <...> вместо того, чтобы быть простым вымыслом, за который их иногда принимают, могли бы вместо этого служить постижению именно тех форм истины, которые открываются только в ретроспективе» [Там же].

Нарративная психология «применяется в основном для изучения нарративов о болезни, которые часто имеют дело с личными травмами, фокусируясь на важных моментах перемен в жизни человека. <...> Такие моменты, – отмечает Анна Бул, – как правило, рассматриваются как начало нового пути в жизни и часто описываются как часть “жанра обращения”, который имеет много общего с религиозным обращением, при этом создаются новые нарративы, которые помогают нам понять жизнь после травмы» [20].

Это почти в точности совпадает с тем, что делает Шестов с изучаемыми им писателями и мыслителями. А именно, анализируя художественный текст как скрытую автобиографию писателя, он находит в каждой биографии точку разрыва, перерождения убеждений, переоценки всех ценностей, катарсиса, наступающего вследствие надлома и отчаяния, когда почва уходит из-под ног и жить, как прежде, более невозможно. Владимир Паперный называет это общим трагическим религиозным опытом, которым Шестов наделяет каждого из своих героев. И каждый из них этот опыт «одновременно принимает и отвергает, выражает и скрывает» [14]. При этом «свидетельство о герое оказывается одновременно свидетельством автора-свидетеля о самом себе» [Там же]. И если в автобиографиях и мемуарах автор не смеет выйти за рамки общепринятой морали, то в художественном произведении это табу снимается наличием отрицательных героев, чем и пользуется Шестов в своих (весьма вольных) интерпретациях.

Таким образом, ясно, что Шестов, разоблачая своих героев-собеседников, подвергает их некоему подобию психологического анализа, хотя и отличному от фрейдовского (ибо Шестов не апеллирует к сексуальному, а напротив, скорее замалчивает его: как писал он Фане, «с Эйтинггом мы больше беседуем о самых общих вопросах психоанализа – и Oedipus-Komplexus в наших разговорах уходит на последний план») [4, с. 243], но за этим разоблачением кроются его собственные поиски ответов на последние вопросы бытия, проработка собственных трагедий. В результате, как мы знаем, он создает нечто вроде «религиозно-философской биографии» писателя, интерпретируя художественную литературу как свидетельство экзистенциального опыта автора, как его рассказ о себе устами своих героев.

Но, будучи, с одной стороны, религиозным мыслителем, Шестов принадлежал при этом модернизму. Как отмечает Паперный, «разные интерпретации разных героев Шестова объединены в некоторой общей конструкции. Основные элементы этой конструкции носят повествовательный характер – представляют собой рассказы о героях веры и героях неверия. Конструкция же в целом типологически напоминает русский модернистский нарратив. В ней развита определенная система персонажей (“герои” Шестова), сложно взаимодействующих с автором и частично накладывающихся друг на друга и на автора. При этом персонажи и автор образуют характерно-модернистскую систему двойников – у Шестова часто трудно понять, где кончается Толстой и начинается Лютер, или Достоевский, или его собственная позиция. Повествуя и рассуждая, Шестов создает изоцированную сеть словесных и тематических лейтмотивов. <...> Тексты Шестова пронизаны символикой и прошиты цитатами, что также характеризует дискурс Шестова как модернистский» [14].

И одновременно, как верно замечает этот исследователь, «Шестов отчетливо выразил исключительно важное для него представление, что великая русская литература, от Пушкина до Толстого и Достоевского, является своего рода священным писанием – источником откровения веры. <...> В сознании сложившейся с середины XIX в. в русском обществе специфической интеллектуальной среды, “русской интеллигенции”, литература прочно заняла аксиологическое место религии, священного писания, а толкователи литературы воспринимались как единственно-легитимные вероучители – авторитетные носители священного предания» [Там же].

С этих позиций фрейдизм во многом представлялся русской религиозной мысли своего рода оскорбительной редукцией. И если Шестов, как писал о нем Василий Зень-

ковский, «прочувствовал и передал с необычайной силой инобытие веры» [13, с. 376], то Фрейд использовал явно нисходящую метафору, по существу, сводя религиозное начало к физиологии, что для той традиции, которая вскормила Шестова, было, попросту говоря, святотатством.

Борис Вышеславцев считал, что серьезнейшая ошибка Фрейда состоит в попытке объяснить высшие человеческие способности (духовную сферу) через низшие (инстинкты) и что глубокая иррациональность человеческой природы не поддается рационалистическому и натуралистическому подходу, предложенному Фрейдом. Называя фрейдовскую «нисходящую» теорию «профанацией», Вышеславцев с пренебрежением пишет, что для Фрейда «сублимация есть возвышение *над* природой, выход за пределы природы, и в чистом натурализме – просто невозможна. У Платона она была возможна, ибо *над* Эросом и *над* природой есть мир идей; а у Фрейда? Для него, в сущности, как и для всякого натурализма и материализма, все “возвышенное” есть *иллюзия*; индивидуальная любовь есть *иллюзия* (надстройка над сексуальным фундаментом); религия и любовь к Всевышнему – тоже *иллюзия* и тоже утонченная сексуальность. А что же не *иллюзия*? Не иллюзия – сексуальное влечение и его нормальное удовлетворение. К этому сводится, в сущности, вся терапевтика и вся “мораль” Фрейда» [8, с. 189].

Вышеславцев утверждает, что истинная сублимация заключается в том, что низшее поднимается (*ἀναγωγή*) к высшему, создавая тем самым качественно новый уровень бытия. Однако, чтобы понять это, надо иметь иерархическую систему ценностей и экзистенциальных категорий, столь знакомую христианским аскетам или древнегреческим философам, но которых «Фрейд и его школа не знают». Семен Франк в этой связи говорил о «сексуальном материализме» и «циничном мироощущении» фрейдистских концепций. По его словам, «психоанализ философски не справился с тем кладом глубинной душевной жизни, который он сам нашел. Плоскость его рационалистических и натуралистических понятий неадекватна глубине и иррациональности открытого им духовного материала» [15].

Причины такой суровой критики, как мне кажется, заключаются в том, что русская классика, зависая над метафизической пропастью, всегда устремлялась к главным тайнам бытия, размышляя о совести, нравственности, самоценности страдания, о том, что без Бога человек гибнет; продолжая цитату Дэвида Бетя о странной сублимированности русского национального мифа: «личная любовь в нем не может иметь смысла вне некоего высшего предназначения» [19, с. 172–173]. Фрейд же делает попытку не столько даже рационализировать иррациональное, сколько перевести моральные проблемы (для русской литературы основополагающие!) в плоскость психологии.

Уже в наше время Сергей Аверинцев писал, что «наши современники чересчур согласны рассматривать проблемы, что называется, экзистенциальные, проблемы души, как проблемы психики, соответственно улаживаемые методами психоанализа и психотерапии. Мое почтение великому венцу Зигмунда Фрейда – но, Бога ради, не будем давать его неисчислимым последователям последнего слова в экзистенциальных вопросах! Как сформулировал когда-то Райнер Мария Рильке свои резоны против того, чтобы даться в руки психоаналитикам: изгоняя моих бесов, они разгонят заодно моих ангелов. <...> Чересчур удобная и беспроблемная, одним словом – чересчур обезболенная жизнь становится лишена значительности, и вот уже жить не стоит» [1].

И хотя Достоевского и его героев часто использовали психологи и психиатры (в частности, и сам Фрейд) для анализа акцентуаций, неврозов, психозов и т. п., но самого писателя интересовал человек в гораздо более широком – антропологическом, философском и прежде всего нравственно-этическом и религиозном разрезе – метафизика, дух, добро и зло, вера и неверие, смысл существования, последние вопросы бытия, а не перевод иррациональных глубин в сферу отрефлексируемых психиатрических конструкций. Ибо Достоевский признавал прежде всего божественное начало в чело-

веке и уже тогда сопротивлялся попыткам науки редуцировать божественное до физиологического. Так, он с неизъяснимой горечью и издевкой говорил устами Мити Карамазова, рассказывающего Алеше о реальном открытии физиолога Клода Бернара (современника Достоевского), что хвостики нервов в мозгу являются причиной его мыслительной способности, а не его живая душа, не его сотворенность по божественному образу и подобию.

Таким образом, можно сказать, что задачи и установки фрейдизма оказались философски несоразмерны мироощущению русской классики и русской религиозной мысли. Шестов, интеллектуально и нравственно остававшийся пределами прежде всего русской литературной традиции, исходил из последних и поэтому к первым остался, по сути, равнодушен, несмотря на то, что в определенном смысле (как мы видели) мог двигаться параллельно Фрейду в своих странствованиях по душам великих. Но именно что параллельно, а ни в коем случае не вослед.

Список литературы

1. Аверинцев С. Связь времен. Собрание сочинений / под ред. Н.П. Аверинцевой и К.Б. Симова. Киев, 2005 [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/svjazvremen/5 (дата обращения: 19.10.2022).
2. Адамович Г.В. Вячеслав Иванов и Лев Шестов // Его же. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955. С. 251–270.
3. Антонов К.М. Рецепция классического психоанализа в русской религиозной мысли и современные психоаналитические теории религии // Вестн. Православного гуманитарного университета. 2014. Вып. 5(55). С. 47–67.
4. Баранова-Шестова Н.Л. Жизнь Льва Шестова. Париж, 1983. Т. 1.
5. Бердяев Н.А. Трагедия и обыденность (Л. Шестов) [Электронный ресурс] // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 255–288. URL: <https://philhist.spbu.ru/11-biblioteka/istochniki/129-berdyayev-n-a-tragediya-i-obydennost.html> (дата обращения: 04.11.2022).
6. Бродский И.А. Власть стихий. О Достоевском [Электронный ресурс]. URL: <https://rsp-souz.ru/stati/filosofiya-tvorchestva/442-iosif-brodskij-vlast-stikhij-o-dostoevskom.html> (дата обращения: 23.10.2022).
7. Ворожихина К.В. Лев Шестов и история психоанализа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 7: Философия. 2013. № 3. С. 28–37.
8. Вышеславцев Б.П. Этика преображенного Эроса. Париж, 1931.
9. Гандлевский С.М. Олимпийская игра // Иосиф Бродский: творчество, личность, судьба. Итоги трех конференций. Яков Гордин (ред.). СПб., 1998. С. 116–118.
10. Довлатов С.Д. Собрание прозы в трех томах. СПб., 1993. Т. 3.
11. Ерофеев Вик. В. «Остается одно: произвол» (Философия одиночества и литературно-эстетическое кредо Льва Шестова) // Вопр. литературы. 1975. № 10. С. 153–188.
12. Ефимов И.М. Эпистолярный роман с Сергеем Довлатовым. М., 2001.
13. Зеньковский В.В. История русской философии. История русской философии: в 2 т. Ростов н/Д., 1999. Т. 2.
14. Паперный В. Лев Шестов: религиозная философия как литературная критика и как литература // Toronto Slavic Quarterly. Spring 2005. № 12.
15. Франк С.Л. Психоанализ как мирозерцание // Путь. 1930. № 25. С. 22–50.
16. Штейнберг А.З. Друзья моих ранних лет (1911–1928). Париж, 1991 [Электронный ресурс]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/steinberg_aaron_druzja_moikh_rannikh лет_1991_text.pdf (дата обращения: 19.10.2022).
17. Aucouturier M. Le Dostoïevski de Chestov // Diagonales Dostoïevskiennes, Mélanges en L'Honneur de Jacques Catteau / ed. Marie-Aude Albert. Paris, 2002. P. 77–86.
18. Bayley J. Idealism and Its Critic // The New York Review of Books, 14 (12) June 18, 1970.
19. Bethea D. 'Literature' // Nicholas Rzhevsky (ed.) The Cambridge Companion to Modern Russian Culture, Cambridge, 1998.
20. Bull Anna Cento. Political violence, stragismo and "civil war": an analysis of the self-narratives of neofascist protagonists // P. Antonello and A. O'Leary, eds., Imagining Terrorism: The Rhetoric and Representation of Political Violence in Italy, 1969–2006. Oxford, 2009. Vol. 18.

21. Freeman M. Re-writing the Self: History, Memory, Narrative (London and New York: Routledge, 1993). Cited in Cento Bull, 'Political violence, stragismo and "civil war": an analysis of the self-narratives of neofascist protagonists' // P. Antonello and A. O'Leary, eds., *Imagining Terrorism: The Rhetoric and Representation of Political Violence in Italy, 1969–2006*. Oxford, 2009. Vol. 18.

22. Milosz Czeslaw. Shestov, or the Purity of Despair [Electronic resource]. URL: <http://shestov.phonoarchive.org/milosz.html> (дата обращения: 10.11.2022).

* * *

1. Averincev S. Svyaz' vremen. Sbranie sochinenij / pod red. N.P. Averincevoj i K.B. Sigova. Kiev, 2005 [Elektronnyj resurs]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Sergej_Averincev/svjaz-vremen/5 (data obrashcheniya: 19.10.2022).

2. Adamovich G.V. Vyacheslav Ivanov i Lev Shestov // Ego zhe. Odinochestvo i svoboda. N'yu-Jork, 1955. S. 251–270.

3. Antonov K.M. Recepciya klassicheskogo psihoanaliza v russoj religioznoj mysli i sovremennye psihoanaliticheskie teorii religii // Vestn. Pravoslavnogo gumanitarnogo universiteta. 2014. Vyp. 5(55). S. 47–67.

4. Baranova-Shestova N.L. Zhizn' L'va Shestova. Parizh, 1983. T. 1.

5. Berdyaev N.A. Tragediya i obydenost' (L. Shestov) [Elektronnyj resurs] // Voprosy zhizni. 1905. № 3. S. 255–288. URL: <https://philhist.spbu.ru/11-biblioteka/istochniki/129-berdyaev-n-a-tragediya-i-obydenost.html> (data obrashcheniya: 04.11.2022).

6. Brodskij I.A. Vlast' stihij. O Dostoevskom [Elektronnyj resurs]. URL: <https://rsp-souz.ru/stati/filosofiya-tvorchestva/442-iosif-brodskij-vlast-stikhij-o-dostoevskom.html> (data obrashcheniya: 23.10.2022).

7. Vorozhikhina K.V. Lev Shestov i istoriya psihoanaliza // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 7: Filosofiya. 2013. № 3. S. 28–37.

8. Vysheslavcev B.P. Etika preobrazhennogo Erosa. Parizh, 1931.

9. Gandlevskij S.M. Olimpijskaya igra // Iosif Brodskij: tvorchestvo, lichnost', sud'ba. Itogi trekh konferencij. Yakov Gordin (red.). SPb., 1998. S. 116–118.

10. Dovlatov S.D. Sbranie prozy v trekh tomah. SPb., 1993. T. 3.

11. Erofeev Vik.V. «Ostaetsya odno: proizvol» (Filosofiya odinochestva i literaturno-esteticheskoe kredo L'va Shestova) // Vopr. literatury. 1975. № 10. S. 153–188.

12. Efimov I.M. Epistolyarnyj roman s Sergeem Dovlatovym. M., 2001.

13. Zen'kovskij V.V. Istoriya russoj filosofii. Istoriya russoj filosofii: v 2 t. Rostov n/D., 1999. T. 2.

14. Papernyj V. Lev Shestov: religioznaya filosofiya kak literaturnaya kritika i kak literatura // Toronto Slavic Quarterly. Spring 2005. No 12.

15. Frank S.L. Psihoanaliz kak mirosozercanie // Put'. 1930. № 25. S. 22–50.

16. Shtejnberg A.Z. Druz'ya moih rannih let (1911–1928). Parizh, 1991 [Elektronnyj resurs]. URL: https://vtoraya-literatura.com/pdf/steinberg_aaron_druzja_moikh_rannikh_let_1991_text.pdf (data obrashcheniya: 19.10.2022).



Shestov and Freud: literature in the philosophic and psychoanalytic discourses

In the context of the dialogue of the Russian literature and culture with the Freudism there is considered the attitude of Shestov and the other thinkers of the Silver Age towards the Freud's psychoanalysis from within the Russian literature-centered consciousness. Build upon the current studies of the approach points of Freud and Shestov, the author focuses on the differences and contradictions of the fundamental worldview characters between the Russian idea and the ideas of the Freudism. There is demonstrated that the criticism of the Freud's ideas at the Russian ground is especially perceived (not to say "regular") particularly from the perspective of the Russian classics.

Key words: *Shestov, Freud, Russian literature, philosophy and culture.*

**ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ ОБРАЗЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО РЕГИОНА
В ПОЭМЕ С.М. ТРЕТЬЯКОВА «РЫЧИ, КИТАЙ!»**

Рассматриваются особенности репрезентации пространства Дальнего Востока в поэме Сергея Третьякова «Рычи, Китай!». Анализируются образы-символы, определяющие специфику дальневосточного топоса в поэме, что дает возможность установить важные грани рецепции образа Китая в русской поэзии 1920-х гг.



Ключевые слова: Третьяков, образ Китая, пространство, топос, символика.

Творчество С.М. Третьякова, публициста, поэта, одного из участников ЛЕФа, драматурга и теоретика литературы привлекает в последнее время многих исследователей. Жизнь и творчество Третьякова были тесно связаны с Дальневосточным регионом. Он входил, наряду с Н. Асеевым, Д. Бурлюком, в группу футуристов во Владивостоке, был сотрудником «Окнон ДАЛЬТа» – Дальневосточного телеграфного агентства, созданного по аналогии с «Окнами РОСТа».

Значительное место в творческом наследии писателя занимает и тема Китая. К ней он обращается произведениях различных жанров – лирических стихотворениях, прозе, драматургии. Это не случайно – жизнь Третьякова была связана с Китаем. Н.В. Дави-тадзе в статье пишет о том, что в апреле 1920 г., когда во Владивосток, где жил и работал Третьяков, пришли японские войска, он в трюме парохода тайно бежал в Пекин, а затем через Харбин доехал до Читы [3]. Известно пребывание Третьякова в ряде китайских городов: Тяньцзине, Харбине, Пекине и других, его преподавательская деятельность в университете Пекина, куда он попал по предложению наркома просвещения А.В. Луначарского и где обучал студентов русской литературе. Он носил китайское имя Те Цзекэ (铁捷克), что в переводе обозначает «железный победитель». За полтора года жизни в стране С.М. Третьяков хорошо узнал Китай, познакомился и с литературной жизнью страны, о чем пишет ряд исследователей, и жизнью китайских студентов, которые были выходцами из различных слоев населения страны. Кроме того, «писатель часто бродил по улицам Пекина в сопровождении своих студентов, заглядывал в двери разных лавочек и мастерских, разговаривал с простыми людьми, что помогало понять жизнь людей изнутри», – пишет А.Л. Верченко [2, с. 246].

Под впечатлением от бурных событий в жизни Китая 1920-х гг. Третьяков пишет пьесе «Рычи, Китай!», благодаря которой он стал широко известен не только в Советской России, но и за рубежом. Пьеса «Рычи, Китай!», была впервые поставлена в Москве в театре Вс. Мейрхольда в 1926 г. Позже ее перевели на языки народов СССР, она шла на сцене в китайского театра во Владивостоке, а также в Германии, Франции Австрии и Америке многих других странах.

Название «Рычи, Китай!» перекликается со знаменитой цитатой из стихотворения В.В. Маяковского «Руки прочь от Китая», исследованию которого посвящен ряд специальных работ [1; 7]. С. Третьяков создал и поэму с одноименным названием, которую мы рассмотрим в данной статье.

Основой сюжета пьесы и поэмы послужили реальные события, которые произошли в провинциальном городе Ваньсянь, расположенном в провинции Сычуань [5, с. 145]. Столкновения китайского народа с империалистами и колонизаторами произошли на почве протеста против угнетателей, которые подавляли и притесняли простых китай-

цев. С. Третьяков читал об этих событиях в прессе, все происшедшее оказалось созвучно его идеям борьбы за социальные преобразования. Преподавательская работа С. Третьякова в Пекинском университете сочеталась с деятельностью агитатора и пропагандиста идей марксизма. В статье А.Л. Верченко «Художественная литература и публицистика как источник исследования истории Китая (на примере литературного творчества С.М. Третьякова)» приводится показательный факт: «Из документов в архиве Третьякова следует, что в аудитории русской секции висели плакаты на русском и китайском языках: “Угнетенные народы всего мира, под знаменем Коминтерна свергайте империализм”» [2, с. 43].

Пространственная структура поэмы обозначена уже с самого начала: ее первая глава называется «Стены». Образ стены имеет в тексте поэмы знаковый, эмблематический смысл:

У Китая много тяжелых стен
Цапают небо зубами за кожу (с. 233)*

В поэме этот образ один из наиболее частотных, он упоминается в тексте 14 раз. Художественный смысл его варьируется. Традиционно образ стены может имплицитно указывать и на закрытость Китая, и на его силу и мощь. Великую китайскую стену С. Третьяков называет «государственной стеной», которая отгораживала страну от враждебного мира и оберегала от набегов других народов. Однако в произведении С. Третьякова художественный смысл образа иной: стены обозначают классовую стратификацию жителей Китая. Уже с первых строк стены представлены как многочисленные, они наделены фантастическим, грандиозным масштабом – от земли до неба – и негативной характеристикой, актуализированной в олицетворении – образе монстра, который «цапает небо», в свою очередь представленное как антропоморфное существо с кожей. В тексте поэмы этот образ получает дальнейшее развитие в главе «Квартал». Возникает символически обобщенный образ хищного, враждебного человеку и природе чудовища в образе стен, которые уже не цапают, а хватают зубами небо:

Много стен у Китая
Небо зубами хватают (с. 235).

Сама структура китайского города позволяет С. Третьякову уравнивать пространство стен и квартала. Пространство обретает историческую и политическую конкретику:

Эта стена –
Посольский квартал.
В самом сердце в Пекине
Затаил динамит арсенал (с. 235).

Изображение враждебных простым китайцам колонизаторов-поработителей наделено и чертами бытовой конкретики, историческими реалиями:

стене родня – конторы и банки.
Стены сыновья – конторы и копи (с. 235).

Враждебные народу Китая силы показаны с агитационной обобщенностью в духе «Окон РОСТА», изображающих буржуев: «За этой стеной шик и лак манер»; «Генералы, / Купцы / И всех мастей чиновники. / Жратвой и жиром себя нагрузив». Наряду с этим они наделены inferнальными чертами – иностранцы и местная элита – это «рыжие дьяволы», это хтонические персонажи, которые обращаются с народом как с жертвой – надрезают, сосут. В этом ряду знаменательный и узнаваемый в агитационной по-

* Здесь и далее тексты произведения С. Третьякова цитируются по изданию [8] с указанием страниц в круглых скобках.

эзии 1920-х гг. «крестобрюхий гад» – миссионер. Оба типа изображения сливаются во-едино в строках:

И свои и чужие заплывшие в сале
Мышцы Китая с чавком сосали (с. 237).

Все эти враждебные силы окружили себя стенами, отгородились ими и от народа Китая, и от самой страны:

Из-за этой стены сквозь зубы
Китаю:
«Цуба!» (с. 237)

Стене противостоит народ Китая: его труд, его тяжелая жизнь. Постоянное чувство простых китайцев – усталость от тяжелого труда, вызванная постоянным порабощением, ощущение унижений и несправедливости. В поэме Третьякова Китай предстает как страна-труженик, однако труд этот рабский. Китай трудится и производит рис не для себя, а для завоевателей, и именно это обстоятельство и вызывает гнев автора, выступившего с футуристическим лозунгом «Рычи, Китай!».

Третьяков создает обобщенный портрет китайца, занятого постоянным рабским трудом:

Синий китаец на почве рыжей.
Юлит, городит.
Строгает, копает.
Века позади
Века впереди
И ежедень тупая.
Возит, сеет (с. 234–235).

Этот труд ничего не дает китайцу, не обогащает его, а, напротив, обкрадывает, превращая жизнь человека в «ежедень тупую». И в этом состоит трагедия Китая, которую автор ощущает как свою собственную. Характерен в этом контексте авторский неологизм «ежедень» – прием, характерный для поэта-футуриста. Время обозначено как неподвижное, повторяющееся, день и век оказываются равны друг другу.

Китай предстает в поэме Третьякова как страна, которая обладает внутренней силой, в ней заложен мощный потенциал, Он воспеваает генетическую мощь страны, твердый стержень нации, формировавшийся веками. Однако, с точки зрения революционера-марксиста, которым был Третьяков, губит Китай губит его инертность, «кротость» и «пчелиное усердие», с которыми китайцы выполняют свою каждодневную работу, оборачивается против них, все превращается в повторяемость и неподвижность:

Попади победитель в эту страну
Опары не сдвинешь – пойдешь ко дну.
В чинных детях сдохнет разгул.
Глаза замесятся парюю скул (с. 234).
Ничто не может измениться:
Все растворится, размякнет, растает
В крепко замешанной гуще Китая (с. 234).

На стороне простых китайцев сама природа, она так же, как и они, терпит притеснения – небу, как и людям, враждебна стена. Природное ложе должно дать им отдых.

Пространственная оппозиция «народ – стена» в поэме Третьякова обретает и цветное решение. Автор использует в тексте многочисленные цветные определения. Это и «желтый лесс», и «зеленый рисовый мех», и «желть и синь», и «синяя бязь», которые он созерцает вокруг, и «синий китаец на почве рыжей», «рыжие дьяволы». А в центре

этого цветового вихря – автор и лирический герой, слитые воедино и обличающие иностранных эксплуататоров. Неслучайно целая строфа посвящена личности лирического героя поэмы, который ощущает единство с народом Китая:

Это я в квартальный уют
От лица китайцев пою.
Это я в арсеналью дыру
От лица китайцев ору.
В обмен на тысячи плюх
Жадным зубом пера скриплю (с. 236).

Эти эксцентричные строки вновь позволяют вспомнить о Маяковском в частности и о футуризме в целом. Футуристическая эстетика здесь проявляется посредством четкой маршевой ритмики, инверсионным синтаксисом, яркостью и оригинальностью сравнений, метафор; окказионализмами и личностью лирического героя – мощного, смелого, эгоцентричного, который прямо говорит о том, что его волнует.

Воссоздавая пространственный образ Китая, Третьяков использует традиционные национальные символы страны, например бамбук, который, по своей сути, является достоянием страны, одним из поводов для гордости, однако империалисты и колонисты превратили его в оружие против народа. С помощью таких деталей показывается разрушение древних устоев Китая, спровоцированное иноземными властителями. Другой пример – паланкины, в которых засели «всех мастей чиновралы» и которые тащат на себе китайцы.

Обличая их, автор создает точный и емкий образ рабства, вызывающий у него негодование:

И везет пестропузье кровососейшей оперы
Арбу
На горбу
Дюжит пеший,
В мужицкий кулак зажимая копперы
И кеши (с. 235)

Ярчайшая метафора, созданная из окказионализмов, очень точно отражает суть империализма и колониализма как порабощающего явления. Не в первый раз автор прибегает к синекдохе, насыщая текст необходимыми ассоциациями и образами. При этом он не забывает подчеркивать национальное. Описывая тяжкий труд простых китайцев, он выделяет ничтожность оплаты за него – коппер и кеши, являющиеся очень мелкими копейками.

Важную роль в создании образа Китая играет сцена в Посольском квартале. Это место является роковым для «рыжих дьяволов» (именно так в поэме названы агрессоры):

В самом сердце в Пекине
Затаил динамит арсенал.
До пустыни тени закинет,
До Тибета страну осеня (с. 237).

Вторая часть поэмы – картина бунта жителей Китая против колонизаторов, работодателей, против посольского квартала, в котором обосновались европейцы, против стены. Этот бунт показан не как реальность, а как мечта простых людей о мщении. Выстраивается вереница персонажей, каждый из которых представляет человека определенной профессии – это рикша, точильщик, грузовоз, навозник, водовоз, фруктовник, цырульник. Каждый из них мечтает по-своему отомстить за свой рабский труд, и эти мечты воссозданы с натуралистическими подробностями: фруктовник мечтает врагов отравить ядом («В сливу надо / Каплю яду»). Особо надо отметить, что последний

в этом ряду жестоко поработанных – студент. Он страдает не от непосильного труда, а от унижения человеческого достоинства. Возникает новый пространственный образ – вагон-ресторан поезда Пекин – Мукден, в котором студент-китаец получает удар от майора-француза. И не случайно, что этот персонаж последний в ряду описанных Третьяковым – в нем его надежда на неизбежное пробуждение униженных и поработанных – известно, что Третьяков верит в силу китайского народа, который способен к сопротивлению, способен добиться справедливости, в неизбежность мести и расправы с посольским кварталом, со стеной, которая не сможет защитить угнетателей и колонизаторов. Знаменательно, что сам процесс пробуждения народа Китая представлен через пространственный образ – точильщик мечтает от том, что он будет резать врагов и разрушит стену:

Моим железом
Резать да резать.
Дуди труба.
Кричи! Кричи!
Из серой стены
Кроши кирпичи (с. 238).

Поэт же предрекает скорую победу китайского пролетариата и грядущую достойную оплату за его труд – Красный Интернационал.

Анализ образов пространства в поэме С. Третьякова «Рычи, Китай!» позволяет выявить существенные грани восприятия поднебесной в русской поэзии 1920-х гг., связанной с революционным, агитационным направлением в литературе.

Список литературы

1. Ван Тяньцзяо. Образ Китая в творчестве В.В. Маяковского // Культурология, искусствоведение и филология: актуальные вопросы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Чебоксары, 11 февр. 2021 г.). Чебоксары, 2021. С. 165–168.
2. Верченко А.Л. Художественная литература и публицистика как источник исследования истории Китая (на примере литературного творчества С.М. Третьякова) // Проблемы новой и новейшей истории Китая: сб. ст. М., 2018. С. 32–54.
3. Давитадзе Н.В. Футуризм на Дальнем Востоке // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2009. № 4. С. 82–87.
4. Косых А., Арсеньев П. Китайское путешествие Третьякова: поэтический захват действительности на пути к литературе факта // Транслит. 2010. № 11. С. 14–30.
5. Красноярова А.А. «Китайский текст» в советской литературе 1920-х гг. (на примере творчества С.М. Третьякова) // Litera. 2019. № 4. С. 143–152.
6. Ли Иннань. Китай в творчестве Сергея Третьякова: роман «Дэн ши-хуа» // Русский Харбин, запечатленный в слове. К 70-летию профессора В.В. Агеносова: сб. науч. ст. / под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2012. Вып. 6. С. 237–250.
7. Пороль П.В. Китай в рецепции поэтов Серебряного века (поэтика и эстетика): дис. ... канд. филол. наук. М., 2020.
8. Третьяков С.М. Итого. Собрание стихов и статей о поэзии. М., 2019.

* * *

1. Van Tyan'czyao. Obraz Kitaya v tvorchestve V.V. Mayakovskogo // Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: aktual'nye voprosy: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Cheboksary, 11 fevr. 2021 g.). Cheboksary, 2021. S. 165–168.
2. Verchenko A.L. Hudozhestvennaya literatura i publicistika kak istochnik issledovaniya istorii Kitaya (na primere literaturnogo tvorchestva S.M. Tret'yakova) // Problemy novoj i novejshej istorii Kitaya: sb. st. M., 2018. S. 32–54.
3. Davitadze N.V. Futurizm na Dal'nem Vostoke // Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2009. № 4. S. 82–87.

4. Kosyh A., Arsen'ev P. Kitajskoe puteshestvie Tret'yakova: poeticheskij zahvat dejstvitel'nosti na puti k literature fakta // Translit. 2010. № 11. S. 14–30.
5. Krasnoyarova A.A. «Kitajskij tekst» v sovetskoj literature 1920-h gg. (na primere tvorcestva S.M. Tret'yakova) // Litera. 2019. №. 4. S. 143–152.
6. Li Innan'. Kitaj v tvorcestve Sergeya Tret'yakova: roman «Den shi-hua» // Russkij Harbin, zapечатlennyj v slove. K 70-letiyu professora V.V. Agenosova: sb. nauch. st. / pod. red. A.A. Zabiako, G.V. Efendievoy. Blagoveshchensk, 2012. Vyp. 6. S. 237–250.
7. Porol' P.V. Kitaj v recepcii poetov serebryanogo veka (poetika i estetika): dis. ... kand. filol. nauk. M., 2020.
8. Tret'yakov S.M. Itogo. Sobranie stihov i statej o poezii. M., 2019.

The spatial images in the poem “Growl, China!” by S.M. Tretyakov

The article deals with the peculiarities of the representation of the space of the Russian Far East in the poem “Growl, China!” by S.M. Tretyakov. There are analyzed the images-symbols, defining the specific features of the Russian Far East topos in the poem, it allows to establish the important boundaries of the reception of the image of the People’s Republic of China in the Russian poetry of the 1920s.

Key words: *Tretyakov, image of China, space, topos, symbolics.*

О.Н. КОВАЛЬЧУК
Брест, Беларусь

**МИФОПОЭТИКА ЗМЕЕБОРЧЕСТВА В РАССКАЗЕ В. БЫКОВА
«НА ВОСХОДЕ СОЛНЦА»**

Рассказ белорусского прозаика В. Быкова «На восходе солнца» интерпретирован с точки зрения мифопоэтики змеборчества. Традиционно творчество автора рассматривалось в аксиологически-патриотическом ключе, поскольку военная тематика его произведений располагает к привычному для реалистической литературы подходу. Однако рассказ содержит ряд образов, которые позволяют провести параллели с упоминаемыми В.Я. Проппом характеристиками мотива змея.

Ключевые слова: *В. Быков, мифопоэтика, змеборчество, мотив змея, белорусская литература.*

Змеборчество является традиционным не только для славянской, но и для мировой культуры мотивом. Авторитетнейший в области мифопоэтики фольклорист В.Я. Пропп отмечает: «Змеборство в развитом виде встречается во всех древних государственных религиях: в Египте, Вавилонии, в античности, в Индии, в Китае <...> Но мотива змеборства нет у народов, еще не образовавших государства» [3, с. 224]. При этом сам образ змея является более древним и потому более репрезентативным, а вместе с тем и

сложным по вариативности и семантике: «Каждому, хоть немного знакомому с материалами по змею, ясно, что это – одна из наиболее сложных и неразгаданных фигур мирового фольклора и мировой религии. Весь облик змея и его роль в сказке слагаются из ряда частных. Каждая такая частность должна быть объяснена. Частность, однако, непонятна без целого; целое, в свою очередь, слагается из частных. Способы изложения могут быть различны» [3, с. 216]. Мы обратимся к более позднему с генетической точки зрения литературному способу изложения текстового материала и затронем вопрос реинтерпретации мотива змея в реалистической литературе, образность которой обычно не включает широкие отсылки подобного плана.

В. Быков – широко известный советский, белорусский писатель. Зачастую он, написав произведения на белорусском языке, сам занимался и их переводом на русский. При этом существовали и переводы других авторов. Однако исследуемый нами текст будет рассмотрен в оригинальном белорусскоязычном варианте. Приведенный перевод выполнен нами для удобства понимания.

Рассказ «На восходе солнца» написан в 1959 г. и, на первый взгляд, воплощает традиционные для В. Быкова черты: посвящен военной тематике, представляет короткое фабульное время, лаконичен по стилю, трагичен по финалу. Однако при более внимательном прочтении становятся заметными не характерные для автора параллели с народно-эпическими коннотациями героизма.

Лейтмотивом в рассказе прослеживается ожидание восхода солнца (чему соответствует и название произведения), который ассоциируется с радостью победы: *Над крутымі дахамі гарадскіх будынін, над балконамі з навяслымі ў цішы прасціна-мі – флагамі капітуляцыі, над шызаі брусчаткай вуліцы весела займаўся першы пасляваенны ранак. Ад далёкае ласкі нябачнага сонца прагным бляскам ірджелі снежавыя вяршаліны гор, у суцэльнай засені вуліцы мацней запахла клейкім тапаліным водарам і хмельнай духмянасцю ўначы зацвіўшых акацый* («Над крутыми крышами городских зданий, над балконами с повисшими в тишине простынями – флагами капитуляции, над сизой брусчаткой улицы весело занималось первое послевоенное утро. От далекой ласки невидимого солнца жаждающим блеском рдели снеговые вершины гор, в цельной сени улицы сильнее запахло клейким тополиным ароматом и хмельной душистостью ночью зацветших акаций»* [2, с. 433]. Складывается впечатление, что самые разные способы чувствования человека (зрение, слух, обоняние) обострились и усиливаются природой, которая персонифицируется через образ утра и почти живого солнца. Уместно привести мнение известного исследователя славянской мифологии А.Н. Афанасьева, который отмечал неразрывную взаимосвязь восприятия базовых для человека понятий: «Противоположность *света* и *тьмы*, *тепла* и *холода*, *весенней жизни* и *зимнего омертвления* – вот что особенно должно было поразить наблюдающий ум человека. Чудная, роскошная жизнь природы, громко звучащая в миллионах разнообразных голосов и стремительно развивающаяся в бесчисленных формах, обуславливается силой света и тепла; без нее все замирает» [1, с. 100]. Именно такое смысловое наполнение ярко представлено автором в названном рассказе. Структура его довольно прозрачная, объем небольшой, но на несколько страниц текста приходится четыре эпизода, связанных с восходом солнца. Сюжет очень прост: группа солдат должна проследовать к месту соединения с союзниками, однако на пути у них оказывается одно из строений, наверху которого остается периодически обстреливающий солдат гитлеровец.

Экзистенциальная проблематика актуализируется через соединение мотивов жизни и смерти (а также надежды на спасение), однако ее суть становится многомерной за счет сосуществования двух уровней: человеческого (на примере различных героев произведения) и общечеловеческого (через сопоставление войны и мирной жизни).

* Перевод здесь и далее наш. – О.К.

Первый день мира оказывается для бойцов продолжением войны, поэтому их внутренний конфликт еще более осязателен. Каждый понимает, что такой угрозы жизни, какая была ранее, больше может и не быть. Однако смерть в облике выстрелов из ратуши не оставляет им выбора. Показательно то, что солдаты оказываются в ситуации, когда им нужно двигаться вперед, но они встречают преграду, похожую в архетипическом смысле на упомянутую В.Я. Проппом «переправу»: *Нейкі здзічалы гітлеравец, засеўшы з кулямётам, на золку спыніў іх тут, не даючы рухацца далей на злучэнне з саюзнікамі* («Какой-то одичавший гитлеровец, засев с пулеметом, на рассвете остановил их тут, не давая двигаться дальше на соединение с союзниками») [2, с. 433]. Вражеский солдат изображается похожим не на человека, а на нечеловеческое существо, как чудовище в сказке, тем более что он находится в ратуше, которая напоминает замок, возвышающийся над окружающим пространством. Продолжая отмечать архаические мотивы, в самом тексте рассказа находим сходства с мотивом «змея», а соответственно, и змеборчества, при котором герой должен победить хтоническое существо, воплощающее зло. Необычно предлагать такое сравнение относительно военной прозы, тем более быковской, однако в рамках гипотезы отметим, что совпадения с подобными древними сюжетами на этом не заканчиваются: на первой странице рассказа находим упоминание гор (*снегавыя вершаліны гор* / «снеговые вершины гор»), прямое оскорбление врага, которое реализует хтоническое подобие фашиста «змею» («*Во гадзюка!*» / «Вот гадюка!»), и связь с огнем (*У гэты час чорная пляма рулі пад вежавым гадзіннікам раптоўна бліснула чырвонай іскрынкай – і ад прасценка, ад жалезных бэлек абрушанага перакрыцця сыпанулі ва ўсе бакі кулі* / «В это время черное пятно дула внезапно сверкнуло красной искоркой – и от простенка, от железных балок обрушившегося перекрытия посыпались во все стороны пули») [Там же, с. 433]. Справедливо будет отметить, что В.Я. Пропп перечисляет намного больше характеристик и возможных черт «змея», но среди них есть «связь с горами» [3, с. 217], благодаря чему он иногда именуется «Горынычем», и «огневая» характеристика: «Как извергается этот огонь – мы опять не знаем. <...> тем не менее можно сказать, что эта связь змея с огнем – постоянная черта его» [Там же, с. 217]. Еще одна функция, которая может быть свойственной «змею», упоминается В.Я. Проппом дальше: «Змей – охранитель границ» [Там же, с. 219]. Обычно в таком случае он находится возле реки, над которой есть мост, но ключевая характеристика данной ситуации – защита входа в иной мир или часть мира. В этом смысле мотив переправы актуализируется снова, и хоть в тексте В. Быкова нет реки и переправы в первоначальном смысле, соединение разных частей мира для героев очевидно: вражеский солдат не дает им пройти к союзникам и фактически завершить окончание войны, выполнить задание. Кроме того, он воплощает угрозу их жизни, что сближает материальный мир и мир потусторонний. В.Я. Пропп отмечает: «Переправа в иное царство есть как бы ось сказки и вместе с тем – середина ее. Достаточно мотивировать переправу поисками невесты, диковинки, жар-птицы и т. д. или торговой поездкой и придать сказке соответствующий финал (невеста найдена и пр.), чтобы получить самый общий, еще пока бледный, несложный, но все же осязательный каркас, на основе которого слагаются различные сюжеты» [Там же, с. 202].

Схожесть образности рассказа с фольклорными текстами усиливается тем, что одной из вариаций мотива переправы является «лестница». В таком случае она чаще ведет на небо, а не под землю: «Эта лестница служит не только для того, чтобы подняться на небо, но и для восхождения на гору» [Там же, с. 213]. Солдаты, которых отправили «выкуривать» врага из ратуши, должны были сначала преодолеть открытое пространство, где были на виду и могли оказаться под огнем (сходство на уровне закреплённой в языке связи обстрела и огня не намеренно, но показательны), а позже шли вверх по лестнице. И хоть изначально их и должно было быть четверо, но в итоге осталось трое (как три брата в сказках). Добравшись до ратуши, бойцы увидели вход в другое простран-

ство, отчетливо отделенное от того, из которого пришли они: *Праз першыя расчыненыя дзверы віднеліся другія, такія ж вялізныя. Яны былі зачынены, а побач у змрочным куце пад стрэльчатой аркай пачыналіся нейкія прыступкі ўгору. Стараючыся не парушаць цішыні, усе трое засцярожліва падаліся да таго ўваходу* («Через первые открытые двери виднелись вторые, такие же большущие. Они были закрыты, а рядом в мрачном углу под стрельчатой аркой начинались какие-то ступеньки вверх. Стараясь не нарушить тишины, все трое осторожно двинулись к этому входу») [2, с. 435]. Разделение пространства границами продолжается и дальше, потому что даже за дверьми герои не все могут видеть, как в ином мире, который организован по другим принципам: «через три шага впереди» спираль закручивалась довольно круто. Бойцы оказываются в замкнутом месте, которое дает только одно направление: вверх. Дальнейшая структура рассказа расширяет пространство за счет окон. В этот момент актуализируется лейтмотив солнца, которое в начале произведения было связано с жизнью, победой, надеждой, радостью. *Оно неўзабаве павінна было вырвацца ў неба; мелася сёння быць асаблівым – яркім і захмялела вясёлым, гэтае веснавое сонца першага дня міру* («вскоре должно было вырваться в небо», «должно сегодня быть особенным – ярким и захмелевшие веселым, это весеннее солнце первого дня мира») [Там же]. Обратим внимание, что солнце «вырывается», как если бы оно было похищено, удерживаемо, съедено и т. д. Это схоже с разными мифопоэтическими вариациями проявления антиномии «добро – зло», в том числе на уровне «солнце–змея». Как отмечает В.Я. Пропп, существует множество вариаций «змея-похитителя», среди которых наличествует и связанная с солнцем: «Представление о змее как поглотителе солнца ясно развито в ведической Индии» [3, с. 268]. Приводятся им и примеры, хоть и редкие, аналогичной трактовки мотива в сказках из сборника А.Н. Афанасьева.

В следующем абзаце рассказа В. Быкова конкретизируется и углубляется значение мотива солнца для одного из героев, младшего Синцова, а вместе с тем усиливается коннотация сказочности: *Ён усё больш зачаравана ўглядаўся ў кожнае акенца на ўсход і чакаў, што вось-вось з-за зубчатой стэны гор брызнет то самое необычное и дивное солнце* («Он все больше очарованно всматривался в каждое окошко на восток и ждал, что вот-вот из-за зубчатой стены гор брызнет то самое необычное и дивное солнце») [2, с. 435]. К реальности героев возвращают выстрелы, которые контрастируют и по звуковым ощущениям, и по художественным средствам описания с той тональностью, которая была избрана автором прежде. Теперь враг явно в человеческом обличье, но он по-прежнему способен отобрать жизнь.

Когда приходится принимать решение, кто первым выбежит навстречу фашисту, каждый из бойцов сомневается, каждый хочет жить. Экзистенциальный выбор изображен в тексте отчетливо, хоть и лаконично. При этом никто из солдат не отказался бы быть первым, и хоть сержант и должен был давать приказ, а не бежать сам, хоть этот приказ и получил старший солдат Черняк (как старший брат в сказках, где он обычно имеет право первенства), но каждый после небольшой паузы на что-то решился и был готов бежать сам. Однако первым оказался младший Синцов, который хотел всех спасти и *як мага хутчэй дабежчы даверху* («как можно скорее добежать кверху») [Там же, с. 436]. Нередко в сказках младший и будто бы более слабый в итоге проходит испытания лучше других. Дополнительно можно обратить внимание на детали во внешнем описании врага: *нейкі даўгашыі гітлеравец у цыратовым зялёным плашчы* («какой-то долгошей гитлеровец в клеенчатом зеленом плаще») [Там же, с. 436]. Он и правда сближается с мифологическим «змеем», особенно когда сидит *укленчыўшы на запэцканых галубамі прыступках* («на коленях на запачканных голубями ступеньках»), а потом слышит Синцова и мгновенно реагирует: *вораг з дзівосным спрытам адкінуў кулямёт, скочыў угору, і з яго рук грывнулі запар два стрэлы* («враг с удивительной ловкостью откинул пулемет, прыгнул вверх, и из его рук прогремели сразу два выстрела») [Там же]. Это напоминает огонь чу-

дища с несколькими головами, тем более что выстрелы в тексте В. Быкова будто бы гремят «из рук», новое оружие не упоминается. Это не значит, что его не было, но оно не вербализовано. Враг поднимается вверх, будто бы взлетая от прыжка, смотрит на солдата (голова направлена на него), а из двух рук ведет огонь по Синцову (еще два источника направленного на солдата действия, в этом случае «огневого»).

В сказках обычно главный герой живет долго и счастливо после завершения испытаний, но В. Быков является писателем-реалистом. Его герой гибнет, однако, переходя в иной мир, он соединяет земное и небесное пространство символично и с честью, как это делали персонажи героического эпоса, генетически более ранней ступени развития литературы. И если *немец брязнуўся на прыступкі* («немец брязнул на ступеньки»), то Синцов *пад самыя ногі байцоў ціха, без аніводнага стогну апусціўся* («под самые ноги бойцов тихо, без единого стога опустился») [2, с. 437]. Вниз товарищи спустили только «теплое тело», автор больше не называет героя по фамилии, как будто он сам остался вверху, как и должно настоящим эпическим героям, высшей целью для которых было погибнуть, спасая других. Только после этого солнце, которое по-прежнему лейтмотивно связано с радостью, *весела асвятціла змрочную ратушу* («весело осветило мрачную ратушу») [Там же]. Зло побеждено, солнце освобождено, жизнь снова идет своим чередом.

Нельзя утверждать, что В. Быков стилизует произведение под сказку. Очевидная реалистическая линия, о которой мы в данном случае говорили лишь фрагментарно, прослеживается как основная на протяжении всего рассказа. Кроме того, финал произведения далеко не оптимистичен: солнце осветило в том числе *недарэчна застылых у немай журбоце байцоў і таго, на зямлі, што на пяць хвілін не дажыў да чаканага дня* («нелепо застывших в немой скорби бойцов и того, кто на земле, который пяти минут не дожид до ожидаемого дня») [Там же]. Контраст между счастьем победы, обновлением жизни и горечью потерь, смертью делает истинно ощутимым и искренним антивоенный пафос произведения. При этом можно констатировать, что автор использует богатую образность, которая соединяет различные семантические уровни философско-культурологического, мифопоэтического и собственно литературного плана.

Список литературы

1. Афанасьев А.Н. Живая вода и вешее слово / сост., вступ. ст. А.И. Баландина. М., 1988.
2. Быкаў В. Збор твораў: у 4 т. Т. 4: Апovesці і апавяданні. Мінск, 1982.
3. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

* * *

1. Afanas'ev A.N. Zhivaya voda i veshchee slovo / sost., vstup. st. A.I. Balandina. M., 1988.
2. Bykaŭ V. Zbor tvoraŭ: u 4 t. T. 4: Apovesci i apavyadanni. Minsk, 1982.
3. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoj skazki. L., 1986.



Mythopoetics of snake fighting in the story “At sunrise” by V. Bykov

The story of the Belarusian prose writer V. Bykov “At sunrise” is interpreted from the perspective of the mythopoetics of snake fighting. Traditionally the creative work of the author is considered in the axiological and patriotic aspect, because the war theme of his works inclines to the common approach for the realistic literature. However, the story contains the row of the images, that allow to draw the parallels with the characteristics of the snake motive, mentioned by V.Ya. Propp.

Key words: V. Bykov, mythopoetics, snake fighting, motive of snake, Belarusian literature.

**ПОВЕСТЬ В.П. НЕКРАСОВА «В ОКОПАХ СТАЛИНГРАДА»
В ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ XIX–XX ВВ.**

Изучение повести «В окопах Сталинграда» писателя-фронтовика В.П. Некрасова в широком историко-культурном контексте двух минувших столетий позволяет выявить силу воздействия героико-патриотических традиций русской и мировой классики на бойцов Красной армии, отстоявших город на Волге.



Ключевые слова: автор, герой, традиция, Отечество, казачество, Сталинградская битва.

Творческое наследие Виктора Платоновича Некрасова, автора повести «В окопах Сталинграда» (1946), первого произведения, написанного не военным корреспондентом, не профессиональным литератором, а командиром саперного батальона на Сталинградском фронте, только сегодня возвращается к нашим соотечественникам. Про за этого художника связывает воедино прежде разъединенные «потoki» отечественной словесности (произведения, «официально» опубликованные, «задержанные» у нас в период советской истории и книги авторов русского зарубежья), доказывая, что историко-культурные традиции не прерываются. В 1974 г. вынужденно оставивший Родину вследствие идеологических разногласий с властными «верхами», русский офицер-«сталинградец» В.П. Некрасов и в эмиграции не забывал о героической борьбе за город на Волге, что отразилось в его «зарубежной» прозе. Но главное то, что он «превратил» свои фронтовые впечатления в эпический образ нашей победы, написав повесть «В окопах Сталинграда», не утратившую и сегодня своего патриотического звучания и потому входящую в образовательные программы школ и вузов страны. Во многом это объясняется тем, что «региональный компонент» повествования, заданный заглавием, не сужает, а расширяет пространственно-временные параметры произведения, включая его во многовековой историко-культурный контекст. Ведь писатель воссоздает собирательный образ нашей армии, боевой дух которой не истребим в дни смертельной опасности для Родины. Герои повести считают оборону Сталинграда не только своим личным, но и общенародным делом, ни разу не усомнившись в том, что «мы будем воевать до последнего солдата. Русские всегда так воюют» (с. 123)*.

Такую решимость поддерживают эпизоды повести, мобилизующие силы отступающих летом 1942 г. красноармейцев: «Мимо проходила артиллерийская часть – новенькая, идущая на фронт. Молодые, веселые бойцы, с красными от загара лицами, тряслись по пыльной дороге <...> смеясь и перебрасываясь шутками» (с. 77). Художник-реалист рисует картины, подтверждаемые историческими свидетельствами: «Решение на переброску в район Сталинграда резервов было принято уже 25 августа <...> В район к северо-западу от города к началу сентября начали прибывать полки артиллерии, «катюш» и танковые бригады» [9, с. 114]. Персонажи повести В. Некрасова с удовлетворением и надеждой отмечает, что «появляются первые части, идущие на фронт, хорошо одетые, с автоматами, касками. Командиры в желтых, скрипучих ремнях, с хлопающими по бокам новенькими планшетками. На нас смотрят чуть-чуть иронически. Сибиряки» (с. 69). О боевых соединениях, формировавшихся в годы Великой Отечественной на территории Сибирского Военного округа и переброшенных на Сталинградский

* Здесь и далее повесть В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда» цитируется по изданию [11] с указанием страниц в круглых скобках.

фронт, Некрасовым сказано немало добрых слов. В данном эпизоде, по-видимому, речь идет о встрече персонажей «Окопов» с 284-й стрелковой дивизией 2-ого формирования под командованием полковника Батюка, занявшей «жесткую оборону <...> передний край которой – по восточным скатам Мамаева кургана» [2, с. 106–107]. Важно то, что именно в 284-ю стрелковую дивизию полковника Батюка попадает полковой инженер Виктор Некрасов, а с ним и младший лейтенант Юрий Керженцев, главный герой его «Окопов», с неизменным уважением повествующий о своих сослуживцах, будь они хорошо знакомые или безымянные. Особенного внимания заслуживают в произведении красноармейцы-сибиряки, в честь которых в 2022 г. 19 ноября (это дата восьмидесятилетия со дня начала нашего контрнаступления под Сталинградом) была высажена аллея морозоустойчивых саженцев кедра на Мамаевом кургане: то в повести В.П. Некрасова появится «рядовой боец, сибиряк, старик <...> Ему перебило мизинец на правой руке, но держится он бодро» (с. 245), то в памяти нет-нет и возникнет «тот пацан-сибирячок, который все время смолку жевал», «веселый, смысленный такой, прибауточник <...> Потеряли его на Мамаевом кургане... С двумя противотанковыми гранатами он подбежал к подбитому танку и обе в амбразуру бросил» (с. 356). Среди героев писателя особенного внимания заслуживает Валега, надежный связной Керженцева, который «всегда рядом со своим командиром шагает «мягкой, беззвучной походкой охотника». У этого «замечательного паренька» с Алтая – «золотые руки»: «Он никогда ничего не спрашивает и ни одной минуты не сидит без дела. Он умеет стричь, брить, чинить сапоги, разводить костер под проливным дождем. И все это молча, быстро, безо всякого напоминания» (с. 35–36). Невозможно забыть и образ Карнаухова, командира четвертой роты, на которого тоже во всем можно положиться. В прошлом он «на шахте работал. В Сучане. Около Владивостока» (с. 190), на фронте тоскует о родных краях, особенно в слякотную осеннюю пору: «А в Сибири уже снег, – говорит Карнаухов. И морозы» (с. 216). Внимание Керженцева часто задерживается на этом герое: «Лицо у него хорошее, какое-то ясное, настоящее. Голубые глаза. Неглупые, спокойные. С какой-то глубокой, никогда не проходящей улыбкой» (с. 280), выявляющей мечтательность натуры этого двадцатипятилетнего богатыря. У Карнаухова «приятный грудной голос и замечательный слух», в минуты затишья он под гитару поет «песни все русские, задумчивые. Хорошо поет». А еще – он стихи сочиняет и записывает их «в тетрадку клеенчатую» (с. 282), но стесняется прочитать вслух. А стихи эти «простые, ясные и чистые – такие, каким сам был» (с. 325). Карнаухов, – заключает после трагической гибели своего боевого товарища Керженцев, сохраняя ту «клеенчатую тетрадку» в своем нагрудном кармане.

Намеренно расширяя «географию» своей повести, показывающую войну как Великую Отечественную, писатель, конечно, не забывает о том, что сюжет его произведения разворачивается в местах, где исстари селились донские казаки, поэтому героика «тихого Дона» поднимает боевой дух персонажей повести, под напором фашистов временно оставляющих Калач, Абганерово, Кривую Музгу, Цимлянскую, Морозовскую, «несуществующую речушку с пышным названием – Царица» (с. 72) и отступающих «Туда... За Дон» (с. 66). Актуальной представляется «историческая» параллель, устанавливаемая учеными наших дней: в 1914 г. «широкое распространение патриотических настроений <...> (особенно на начальном этапе) <...> наряду с масштабностью боевых действий и значимостью для судеб страны позволило и в официальной пропаганде, и в народном сознании утвердиться таким определением Первой мировой войны как Великая, Отечественная и Народная. Лишь многие годы революционного нигилизма и отрицания старых ценностей постепенно стерли из исторической памяти народа эти названия, заменив их такими определениями как война «империалистическая» или «германская» [6, с. 32]. Однако В.П. Некрасов доказывает, что забвению предано не все: в его повести достойное место занимает «настоящий, живой, золоточубый Ширяев <...> в

залихватски сдвинутой на левую бровь пилотке» (с. 17). Этот аккуратный и подтянутый командир первого батальона, на которого «приятно смотреть» даже в дни мучительного отступления, важен не только потому, что акцентирует внимание на «чести мундира» как на «исключительной, ни с чем не сравнимой почетности статуса военного» и о том, что «красивая, ладно сидящая одежда поднимает дух человека, делает его более уверенным в себе, а на войне ободряет и других» [17, с. 88]: детали портрета этого героя («смеющиеся голубые глаза <...> ширяевские глаза <...> и чуб ширяевский») сопровождаются мыслемким авторским комментарием: «В полку у нас его называют Кузьма Крючков» (с. 17). Само упоминание о легендарном казаке, уроженце Усть-Хоперской станицы, кто двадцатичетырехлетним за подвиг в бою с «германцами» удостоился звания Первого Георгиевского кавалера Первой мировой войны, в годы создания повести В.П. Некрасова было делом рискованным: в Гражданскую Козьма Фирсович Крючков, хорунжий Войска Донского, сражался на стороне белых. У Некрасова комбат Ширяев ни «генетически», ни «географически» не связан с этой исторической личностью, однако писателю важно было подчеркнуть духовную связь между поколениями воинов, защитников Отечества. Историки утверждают: казачество, верное служению по совести, и во «времена притеснений и гонений продолжало жить как «состояние души», и парадоксальным образом даже гонителям было лестно, если они хоть каким-то боком приписывались к этому состоянию. Есть сведения, что перед войной на Верхнем Дону приняли в казаки И.В. Сталина» [5, с. 15].

Таким образом, «региональный» аспект произведения расширяет временные рамки повести В.П. Некрасова «В окопах Сталинграда», затрагивая историческую память народа, связанную с Первой мировой войной. В связи с этим уместным видится и обращение к «Чертовой семерке», к третьей части повести «В окопах Сталинграда», посвященной дням победы на Волге и впервые опубликованной только в 1971 г. «Чертовой семеркой» красноармейцы называли один из наших танков, в страшные холода спешивших на помощь сражающимся за водонапорные баки на Мамаевом кургане. Этот танк, «вымазанный в белую краску с черной корявой цифрой “7” на борту, подорвался на mine, неизвестно, нашей или немецкой, но перед саперным подразделением главного героя – боевая задача: любой ценой “захватить эту чертову семерку”». Задача выполнена, однако командир Керженцев тяжело ранен и проходит лечение в госпитале, где лучшим историком и лучшим рассказчиком среди раненых по праву считается Никодим Петрович. «Удивительно много знает» (с. 407) этот немолодой капитан, страдающий бессонницей оттого, что у него «все немцы уничтожили. И дом, и жену, и двух детей. Один сын только остался – танкист, майор...» (с. 410), поэтому для него внимание слушателей – своего рода успокоительное лекарство, отвлекающее от душевных мук. В один из дней Никодим Петрович предпринимает «экскурс» в историю Первой мировой войны: «Или вот в ту войну. Брат мой был во Франции с экспедиционным корпусом. Прапорщиком. Два “Геоorgia” заслужил. Он бы уж вам понарассказывал, как там англичане воевали. Нация спортсменов... Каждое утро какао и прочие деликатесы... А вот в окопы попали, коснулись матушки-земли, так сразу половина в лазаретах оказалась...» (с. 398).

Недоуменно-насмешливое отношение наших соотечественников к английскому воинству в годы Первой мировой войны, высказанное героем В.П. Некрасова, подкрепляется выводами современных историков: несмотря на то, что газеты Великобритании усиленно подчеркивали то, что помогает союзникам лучше узнать друг друга, «лучше понять соратников по коалиции, осознать возможности совместной борьбы» («На участках фронта, занятых английскими войсками, – отмечалось в “Новом времени”, – спортивные развлечения вытесняют сценическое искусство. Футбол, крокет и даже поло – вот развлечения английского солдата в минуты отдыха»), скрыть истинных намерений англичан «реализовать в войне свои собственные национальные интересы и сохранить сильную армию ко времени раздела “плодов победы”, было немедленно расце-

нено в России как эгоизм, расчетливость и предательство общих интересов» [14, с. 168]. Как знать, быть может, представление о том историческом периоде В. Некрасову помог составить автобиографический роман «Солдаты России» (1969) маршала Родиона Яковлевича Малиновского, несколько раз переизданный в Советском Союзе. Герой Малиновского, как и сам талантливый военный, начинает свой боевой путь ранней осенью 1914 г. шестнадцатилетним пулеметчиком, затем воюет в составе экспедиционного корпуса Русской армии во Франции. За годы Первой мировой будущий маршал Р.Я. Малиновский получает два солдатских «Георгия», а в годы Великой Отечественной доблестно сражается «по соседству» с саперным подразделением Некрасова, снискав заслуженную славу командующего 2-й гвардейской армии Сталинградского фронта, успешно контратаковавшей котельниковскую группировку оккупантов.

«Неустойчивость» позиции наших союзников в годы Второй мировой войны не раз подчеркивается в повести Некрасова «В окопах Сталинграда». Юрий Керженцев, защищавший наш город в течение всех месяцев Сталинградской обороны, старается по возможности регулярно следить за фронтовой печатью, временами «наслаждаясь чтением московских газет» (с. 264), даже в то тяжелое время доставлявшихся на передовую. Столичные газеты знакомят героя повести (и читателей, разумеется) с тем, что «на земном шаре спокойно. Авиация союзников совершает небольшие налеты на Буа Новой Гвинеи и на остров Тимор. На Мадагаскаре английские войска тоже куда-то движутся, что-то занимают – трудно понять с кем – воюют и даже пленных захватывают» (с. 265). Высокий интеллектуальный и образовательный уровень младшего командира Красной армии, который, по мнению недоброжелателей, имел при себе только «карту-двухверстку» и не видел ничего дальше своего «окопа», подтверждает в своих мемуарах Командующий Сталинградским фронтом А.И. Еременко: «Ясно, что, если бы одновременно с ударом наших войск в районе Сталинграда были бы начаты военные действия в Европе, война закончилась бы, наверное, в течение 1943 года» [7, с. 265].

А в повести В.П. Некрасова несколько ироничное отношение к союзникам, нередко воюющим «из-за океана», особенно сильно третьей части произведения, где нашу «чертову семерке» фрицы называют «долиной смерти», «островом смерти»: туда «только штрафников посылают. Кто сутки просидит – оправдывается, кто двое – получает железный крест, кто трое – с дубовыми листьями. Но таких еще не было...» (с. 379). Автору, видимо, было известно, что о «долине смерти», о Балаклавском ущелье в Крыму, «в Англии написано множество книг и статей, снято два кинофильма» [3, с. 53]. В годы Крымской войны здесь, под Севастополем, англичане потеряли двадцать две тысячи человек, но «так и не смогли взять третий бастион, не одержав побед ни на суше, ни на море», в результате чего «антирусская коалиция расплзлась по швам» [4, с. 16]. История помнит: «В Крым отправился цвет английской аристократии. Французы были поражены количеством прихваченного их союзниками багажа; так, личный обоз командира дивизии герцога Кембриджского состоял из семнадцати повозок; начальник легкой бригады лорд Кардиган обедал и почивал на собственной яте; многие офицеры привезли с собой лошадей, предназначенных для охоты». Однако «крымская прогулка» не удалась: «Славы на поле брани воинство королевы Виктории не снискало» [Там же, с. 15]. Конечно, в повести В.П. Некрасова упоминание о «долине смерти» становится прогнозом для фашистов в Сталинграде.

Важно при этом, что В.П. Некрасов на протяжении всего повествования не позволяет себе залихватского тона бывалого «войки», не забывая о «человеческом» аспекте военной истории, о «психологическом» измерении темы войны в мировой литературе. Вот почему в прозе писателя батальные эпизоды, зарисовки фронтового быта неизменно соседствуют с обостренно-личностными переживаниями художника-гуманиста. «Знамя России никогда не было «этническим» [1, с. 167], поэтому «В окопах Сталинграда» главный герой В.П. Некрасова на Мамаевом кургане словно заново переживает тя-

желые страницы мировой истории: «В детстве я любил рассматривать старый английский журнал войны четырнадцатого года, где были картинки на целую страницу: английские томми в окопах, морские сражения с пенящимися волнами и таранящими друг друга миноносцами <...> Мне казалось, что ничего более страшного и величественного быть не может <...> Сейчас мне вспоминается эта картинка и становится совершенно ясно, как бессильно и беспомощно искусство. Никакими клубами дыма, никакими лижущими небо языками пламени <...> не передашь те того ощущения, которое испытываю сейчас <...> черный город и красное небо. И Волга красная. “Точно кровь”, – мелькает в голове» (с. 135). Писатель, в довоенное время окончивший архитектурный факультет Киевского строительного института, взглядом художника улавливает травмирующие особенности «военного пейзажа», словно «отменившего» все радующие глаз краски и до неузнаваемости искажившего завораживающий облик волжских просторов, поразивших его (и его автобиографического героя) при первой встрече с Волгой в начале августа 1942 г.

Война в творчестве Некрасова и во всей «лейтенантской прозе» лишена героического ореола, однако подвиги русского солдата, сохраняющиеся в исторической памяти человечества, и спустя столетия пользуются заслуженным уважением. В этом смысле особенно показательным является то, что в «Чертовой семерке» наши раненые в госпитальных палатах еще не могли знать, а автору повести, созданной в 1946 г., уже было известно, что по окончании Второй мировой войны рядом с именем генерал-фельдмаршала князя Баркляя де Толли, в 1814 г. вошедшего с русскими войсками в Париж и получившего британский рыцарский орден Бани, встали имена героев Сталинградской битвы – Г.К. Жукова [8] и К.К. Рокоссовского [15]. Разумеется, писатель расценивает эти награды как знак признательности Великобритании нашим выдающимся военачальникам и всему советскому народу, оказавшемуся достойным ратной славы своих предков и победившему немецко-фашистских агрессоров во Второй мировой войне. На страницах повести «В окопах Сталинграда» лично пережитое автором соотносится с пунктирно представленным исследованием «военной проблематики в мировой литературе», где намечен своего рода «компаративный анализ войн различных эпох, стран и народов, их освещение в наиболее заметных произведениях литературных жанров» [16, с. 634]. Недаром в истории с «чертовой семеркой» на помощь нашим саперам приходит опыт севастопольских инженеров периода Крымской войны: чтобы отбить у фашистов «чертову семерку», решено «рыть ход», хоть это «тридцать пять метров... При наших лопатах и замершем уже грунте. <...> грунт как камень...» (с. 367). Однако саперы Керженцева делают подкоп к этому объекту, будучи уверенными в инженерном мастерстве своих предшественников: «Это же как в годы Крымской войны под Севастополем! <...>Заложим толу килограмм сто – и как ахнем!» (с. 372). Действительно, зимой 1856 г. русские «саперы и выделенные им в помощь пехотинцы пробили в скале ров <...> 22 колодца, вывели из них 22 галереи, длиной до 30 метров, заложили 12 пудов пороха» и произвели взрыв такой мощной силы, что «все последующие семь месяцев <...> враг не смог приблизиться под землей к 4-му бастиону» (с. 75).

В условиях обороны Сталинграда особенно важны были ободряющие уроки Крымской войны, которые актуализирует память Керженцева и его создателя, у кого в «самые юные годы – «Севастопольские рассказы» Л. Толстого» [13], подпоручика артиллерии в годы Крымской кампании, были «настойной книгой». Не случайно на Мамаевом кургане младший лейтенант Красной армии вспоминает о героях кургана Малахова и о той «скрытой теплоте патриотизма», что, по мнению офицера-«севастопольца» Л. Толстого, внушала нашим матросам и солдатам искреннюю веру в то, что Севастополь выстоит. С событиями Крымской войны связана и память рода самого писателя: «Антон фон Эрн, бабушкин отец, швед по национальности, генерал-майор» [12, с. 64], – написал В.П. Некрасов в своей эмигрантской повести «По обе стороны стены». Прадед

писателя в молодости бился с войсками Наполеона на Бородинском поле, однако в отставку ушел только в 1858 г. в чине генерал-майора, награжденного несколькими боевыми орденами и бронзовой медалью в память о Крымской войне 1853–1856 гг. В советский период истории было не только предосудительно, но и опасно говорить о своих дворянских истоках, но «особая география памяти» (В. С. Маканин) художника всегда поддерживала нерушимую ни временем, ни идеологией связь поколений, достойно служивших в русской армии, выдвигая на первый план «Окопов Сталинграда» общенародные, а не пропагандистские лозунги, придающие этой повести о войне сильнейшее антивоенное звучание.

Список литературы

1. Анненский Л. Плеск знамен // Родина. 1995. № 3-4. С. 166–167.
2. Баранов В. В окопах Сталинграда. Сибирские дивизии в Сталинградской битве [Электронный ресурс]. URL: https://ridero.ru/books/v_okopakh_stalingrada/?ysclid=lbpfj8jap938719370 (дата обращения: 12.04.2022).
3. Васильев А. Долина смерти // Родина. 1995. № 3-4. С. 53–57.
4. Виноградов В. Головокружение без успехов // Родина. 1995. № 3-4. С. 12–16.
5. Гавриляченко С. Служение без холопства // Родина. 1995. № 8. С. 10–15.
6. Герасимова И.Ф. Художественно-философское осмысление Первой мировой войны в русской поэзии 1914–1918 гг. в историко-культурном контексте эпохи: моногр. Рязань, 2013.
7. Еременко А.И. Сталинград. Записки командующего фронтом. М., 1961.
8. Жуков Георгий Константинович [Электронный ресурс] // Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1612 (дата обращения: 11.11.2022).
9. Исаев А.В. Сталинград. За Волгой для нас земли нет. М., 2017.
10. Ляшук П. «Обер-крот». Штабс-капитан Мельников – подземный страж 4-ого бастиона // Родина. 1995. № 3-4. С. 74–75.
11. Некрасов В.П. В окопах Сталинграда: повесть. СПб.; М., 2018.
12. Некрасов В.П. По обе стороны стены. N.Y., 1984. P. 8–131.
13. Некрасов В.П. Трагедия моего поколения. «В окопах Сталинграда»: до и после // Лит. газ. 1990. 19 сент.
14. Поршнева О.С. Представления о Великобритании в России в годы Первой мировой войны: эволюция образа союзницы (1914-й – Февраль 1917 г.) // Imagines mundi : альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. № 8. Сер.: Альбионика. Екатеринбург, 2013. Вып. 4. С. 158–169.
15. Рокоссовский Константин Константинович [Электронный ресурс] // Герои страны. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=357 (дата обращения: 11.11.2022).
16. Сенявская Е.С. Военная проза писателей-фронтовиков как исторический источник // Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: литература и история. М., 2020. С. 630–438.
17. Смирнов А. «Солдат должен быть ... украшен» // Родина. 1995. № 1. С. 84–88.

* * *

1. Annenskij L. Plesk znamen // Rodina. 1995. № 3-4. S. 166–167.
2. Baranov V. V okopah Stalingrada. Sibirskie divizii v Stalingradskoj bitve [Elektronnyj resurs]. URL: https://ridero.ru/books/v_okopakh_stalingrada/?ysclid=lbpfj8jap938719370 (data obrashcheniya: 12.04.2022).
3. Vasil'ev A. Dolina smerti // Rodina. 1995. № 3-4. S. 53–57.
4. Vinogradov V. Golovokruzhenie bez uspekhov // Rodina. 1995. № 3-4. S. 12–16.
5. Gavriilyachenko S. Sluzhenie bez holopstva // Rodina. 1995. № 8. S. 10–15.
6. Gerasimova I.F. Hudozhestvenno-filosofskoe osmyslenie Pervoj mirovoj vojny v russkoj poezii 1914–1918 gg. v istoriko-kul'turnom kontekste epohi: monogr. Ryazan', 2013.
7. Eremenko A.I. Stalingrad. Zapiski komanduyushchego frontom. M., 1961.
8. Zhukov Georgij Konstantinovich [Elektronnyj resurs] // Geroi strany. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1612 (data obrashcheniya: 11.11.2022).

9. Isaev A.V. Stalingrad. Za Volgoj dlya nas zemli net. M., 2017.
10. Lyashuk P. «Ober-krot». Shtabs-kapitan Mel'nikov – podzemnyj strazh 4-ogo bastiona // Rodina. 1995. № 3-4. S. 74–75.
11. Nekrasov V.P. V okopah Stalingrada: povest'. SPb.; M., 2018.
12. Nekrasov V.P. Po obe storony steny. N.Y., 1984. P. 8–131.
13. Nekrasov V.P. Tragediya moego pokoleniya. «V okopah Stalingrada»: do i posle // Lit. gaz. 1990. 19 sent.
14. Porshneva O.S. Predstavleniya o Velikobritanii v Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny: evolyuciya obraza soyuznicy (1914-j – Fevral' 1917 g.) // Imagines mundi : al'manah issledovanij vseobshchej istorii XVI–XX vv. № 8. Ser.: Al'bionika. Vyp. 4. Ekaterinburg, 2013. S. 158–169.
15. Rokossovskij Konstantin Konstantinovich [Elektronnyj resurs] // Geroi strany. URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=357 (data obrashcheniya: 11.11.2022).
16. Senyavskaya E.S. Voennaya proza pisatelej-frontovikov kak istoricheskij istochnik // Velikaya Otechestvennaya vojna 1941–1945 gg.: literatura i istoriya. M., 2020. S. 630–438.
17. Smirnov A. «Soldat dolzhen byt' ... ukrashen» // Rodina. 1995. № 1. S. 84–88.

The story “In the Trenches of Stalingrad” by V.P. Nekrasov in the historical and cultural context of the XIX–XXth centuries

The study of the story “In the Trenches of Stalingrad” by V.P. Nekrasov, the veteran writer, in the wide historical and cultural context of the two past centuries allows to reveal the action force of the heroic and patriotic traditions of the Russian and world classics on the Red Army soldiers, defending the city on the Volga.

Key words: *author, character, tradition, homeland, the Cossacks, the Stalingrad battle.*

И.С. ЛЕОНОВ
Москва

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ В ТВОРЧЕСТВЕ
ПРОТОИЕРЕЯ НИКОЛАЯ АГАФОНОВА**

Рассматриваются особенности регионального (нижневолжского) текста в творчестве протоиерея Николая Агафонова. В повестях и рассказах автор обращается к локусам, связанным с его биографией: Самарской (Куйбышевской), Саратовской, Волгоградской областям, включая крупные города, небольшие поселки и станицы. Формированию особого типа художественного пространства способствует обращение к местным преданиям, природному, географическому, религиозному контекстам.

Ключевые слова: *православная художественная проза, творчество Н.В. Агафонова, региональный текст, художественное пространство.*

Православная художественная проза XXI в. [3; 4; 6; 7] в течение всего периода своего становления и развития обращается к феномену регионального текста. В ее рамках возникает вологодский и ярославский (прот. Алексей Мокиевский, прот. Ярослав Шипов, прот. Александра Шантаев), владимирский (прот. Александр Дьяченко), воронежский текст (прот. Алексей Лисняк). Книга архим. Тихона (Шевкунова) «Несвятые свя-

тые и другие рассказы» включает элементы московского, нижегородского (дивеевского) текста, однако основное внимание рассказчика уделяется Псковско-Печерскому монастырю и окружающей его территории.

При создании определенных пространственных образов каждый автор учитывает исторические, культурные, социальные, природные, религиозно-конфессиональные аспекты, которые в совокупности формируют особый тип локаций. Как отмечают исследователи В.А. Храпова и И.В. Карандашов, «важнейшим элементом региональной культуры становится региональный текст, аккумулирующий в себе систему ключевых для данной культуры значений и реконструирующий черты образа региона в процессе социальной коммуникации. Формирование регионального текста является важным этапом самоопределения региона, характеризует его состояние в настоящем и предопределяет позицию в будущем» [8, с. 126].

Цель настоящей работы связана с рассмотрением специфики регионального текста в повестях и рассказах одного из создателей православной художественной литературы сегодняшнего дня протоиерея Николая Агафонова (1955–2019), судьба которого тесно связана с регионами Нижнего Поволжья: Самарской, Саратовской, Волгоградской областями России. Во многих произведениях автору удалось сформировать уникальное нижневолжское пространство, которое включает как крупные города, так и небольшие поселки, хутора, станицы.

Важным этапом биографии писателя стало его служение в Волгоградской епархии, в которой он в течение нескольких лет возглавлял миссионерский отдел и был настоятелем плавучего храма, на борту которого совершал миссионерские поездки по населенным пунктам, находящимся на берегах Волги и Дона, а также соединяющего их канала. Впечатления от этих поездок, а также мысли и выводы духовного содержания, рожденные во время миссионерской и пастырской деятельности, также нашли отражение в его творчестве.

Следует признать, что ключевым вопросом для писателя становится вопрос веры, к которой внутренне стремится наш современник, связанный с советской и постсоветской эпохами. Знаковым для автора также становится вопрос о воздействии Промысла Божьего на жизнь человека, его духовно-нравственный выбор, проблема эволюции, решение которой соотносится с понятиями «неверие – вера».

При создании регионального нижневолжского текста в творчестве писателя наблюдается два подхода. Первый связан с автобиографическим контекстом, особенностями становления рассказчика как пастыря и миссионера. Второй выходит за автобиографические рамки. В этом случае на формирование художественного пространства влияют крупные исторические события и народные предания, характерные именно для данного локуса.

К автобиографическим произведениям Н. Агафонова можно отнести следующие: «Плавучий храм», «Штрихи к портрету архиепископа Пимена», «Я отпускаю его с миром» [1].

Произведение «Плавучий храм» построено на воспоминаниях автора о собственном служении на корабле-храме в течение нескольких летних сезонов. В структуру произведения включены фрагменты путевого журнала, в котором автор фиксирует маршруты, остановки на хуторах, в станицах, на туристических базах, встречи с людьми и беседы с ними. Таким образом, выстраивается своеобразная география путешествия, благодаря которой читатель узнает о небольших населенных пунктах Волгоградской области, их истории, населении, церковной жизни или ее отсутствии. Кроме того, здесь представлены элементы богослужебного журнала – своеобразного ежедневного отчета о проведенных службах, требах и количестве участвующих в них прихожан. Подобное включение официального документа в структуру художественного произведения наблюдается также в книге протоиерея Александра Шантаева «Между небом и Львами» [9].

В начале произведения повествователь изображает особое пространство – поселок Нариман, построенный в советские годы во время создания Волго-Донского канала. Исторические реалии способствовали формированию особого безхрамового локуса. В то же время это пространство уже и не «советское». Один из главных атрибутов советского времени – пионерский лагерь – изображается в разоренном состоянии (остались асфальтированные дорожки и фундаменты корпусов). Возникает ощущение, что населенный пункт пребывает в состоянии безвременья, что отражается и на его жителях. Жители поселка различают доносящийся от плавучего храма колокольный звон, вспоминают о празднике Троицы, осеняют себя крестным знаменем при виде стоящего на реке храма. При этом их сознание несколько эклектично, в нем сочетаются элементы христианства и язычества: при совершении крестного знамения они произносят фразу «чур меня».

Регионы юга России, Нижнего Поволжья в произведениях Н.В. Агафонова появляются не только в качестве пространства для христианской миссии, но и как мир, в котором происходит духовный и пастырский рост самого писателя. С этим связан жизненный период, проведенный в Саратове, во время которого отец Николай являлся ректором местной духовной семинарии. События этого этапа отражены в произведениях «Штрихи к портрету архиепископа Пимена», «Я отпускаю его с миром», центральной фигурой которых становится незаурядный архиерей Пимен (Хмелевский), возглавлявший в течение длительного времени епархию и ставший для повествователя примером подлинного пастыря и служителя церкви. Основные локации, отраженные в тексте произведения, – Троицкий кафедральный собор, архиерейский дом, отдаленные приходы епархии.

Тематическая доминанта данного цикла – раскрытие специфики церковной жизни конкретной епархии, управляемой архиереем, сочетающим в себе черты пастыря, аристократа, светского интеллигента, библиофила. И архиепископ, и окружающие его люди ощущают грядущие перемены в церковной среде, каждый из них исполнен энтузиазма, надежд на возрождение духовной жизни в регионе. С этими надеждами связано ключевое событие в жизни протоиерея Николая: его поступление в Ленинградскую духовную академию и переезд к новому месту служения.

Формирование регионального текста вне автобиографической основы находит отражение в повести протоиерея Николая Агафонова «Стояние», действие которой разворачивается вокруг полулегендарного события, произошедшего в Куйбышеве (ранее и сейчас Самара) зимой 1956 г. Согласно преданию, комсомолка по имени Зоя Карнаухова танцевала на вечеринке с иконой св. Николая, за что была наказана: окаменела на месте с образом в руках.

Протоиерей Н.В. Агафонов, относящийся к числу основоположников «православной художественной прозы», сам многие годы прослуживший в Самаре священником и лично знакомый с некоторыми участниками событий 1956 г., попытался художественно осмыслить «Зоино стояние», опираясь при этом главным образом на архивные источники и рассказы очевидцев.

Повесть «Стояние» написана в русле традиции миссионерской прозы (подробнее см.: [6]). В ней раскрывается сложный духовный путь обретения веры людьми, ставшими свидетелями чуда, т. е. воздействия Божественной реальности на человеческую жизнь. Для миссионерской прозы характерен особый тип персонажа, претерпевающего своеобразную духовную эволюцию и совершающего внутренне движение от неверия к вере.

К этим персонажам в повести относится и сама Зоя, наказанная за грех святотатства, и свидетели произошедшего с ней чуда – жители Куйбышева: Кузьма Петрович Сапожников, Вадим Болонкин, подруга Лариса. Определенный внутренний перелом происходит в душе лейтенанта Мельникова и профессора Нижегородского, призван-

ных дать юридическую и медицинскую оценку произошедшему. Следует признать, что авторы, работающие в русле миссионерской прозы и обращающиеся к мотиву чуда, подлинным чудом считают не нарушение или изменение физических законов, а преобразование внутреннего мира своих персонажей, которое выражается в примирении с Богом, отказе от стереотипов прошлой жизни, обретении веры и воссоединением с Церковью небесной и церковью земной. Эти мотивы достаточно ярко отражаются в повести протоиерея Николая Агафонова «Стояние». Как отмечает автор, «... повесть не столько о самом чуде, сколько о том, что происходило вокруг этого чуда. Вообще, по моему твердому убеждению, настоящее чудо в художественном произведении невозможно изобразить» [2, с. 7].

Читатель смотрит на куйбышевские события с точки зрения разных персонажей: пожилого сторожа Кузьмы Петровича Сапожникова, бывшего уголовника Вадима Болонкина и его девушки Ларисы, милиционеров Тарасова и Мельникова, офицера КГБ Плетнева, уполномоченного по делам религии Никифорова, Зоиной матери, представителей Церкви. В общий калейдоскоп реплик суждений о случившемся вплетаются обрывки фраз ученых и медиков, призванных разобраться в ситуации, представителей партии, органов правопорядка, епархиальной власти, простого народа. Таким образом, создается своеобразный звуковой комплекс, который можно обозначить рабочим термином «голоса Куйбышева» (или «голоса куйбышевских улиц»). Эти голоса состоят из отдельных реплик, свидетельствующих о неверии, сомнении, страхе, подозрении, понимании закономерности происходящего, исповедничестве.

Пространство города включает доминантные локусы: дом на Чкаловской и место вокруг него, Петропавловский храм. Храм показан автором в нескольких ракурсах: в период закрытия и разорения, когда происходит кощунственный вынос и поспрашивание икон большевиками, во время длительного периода опустошения (именно в этот период происходит крещение Зои мирским чином в церковной сторожке), а также в богослужебно-литургическом контексте, в котором актуализируются мотивы молитвы-стояния и преобразования души ряда персонажей повести, в частности Кузьмы Петровича Сапожникова: «Вечерняя служба закончилась, народ выходил из храма, а Кузьма Петрович все стоял перед иконой. Молитв он никаких не знал, а потому просто стоял, решив, что пусть его стояние и будет молитва» [Там же, с. 101].

В этом ключе пространства собора и дома на Чкаловской улице взаимно отражают и дополняют друг друга: и там, и там происходит стояние, тесно связанное не столько с наказанием, возмездием, сколько с очищением и преобразованием внутреннего мира человека. Молясь за Зою, заводской сторож берет на себя часть ее греха и страданий, предстает за нее перед Богом и святителем Николаем, тем самым на метафизическом уровне способствуя скорейшему освобождению девушки от выпавших на ее долю испытаний.

Созданное в произведении Н.В. Агафонова куйбышевское пространство выходит за пределы города, включает в себя широкий природный пласт: Волгу и местность на ее противоположном берегу. В начале произведения читатель наблюдает, как Кузьма Сапожников пересекает замерзшее водное пространство: происходит его сакральный переход из мира, живущего по духовным законам, в соответствии с традиционными ценностями (село Рождествено), в мир, который подчиняется правилам атеистического и материалистического общества (город – Куйбышев). В финале повести персонажи пересекают Волгу в обратном направлении: из своеобразного пространства смерти в пространство исцеления и обретения духовных и физических сил. Наряду с этим в произведении возникает молитвенный мотив: сидящие на санях совершают пение молитвы «Царице моя преблагая» (анализ повести в контексте доминирующего в ней мотива иконы см.: [5]).

Очевидно, что региональный текст играет значительную роль в творчестве протоиерея Николая Агафонова. В его автобиографических повестях и рассказах формирует-

ся пространство, в котором глубоко раскрывается личность пастыря и миссионера, происходит постижение рассказчиком Промысла Божьего. Выход за пределы автобиографического контекста, наблюдаемый в повести «Стояние», способствует формированию более широкого идейно-тематического спектра: в произведении на первый план выходит проблема встречи человека, живущего в атеистическом обществе, со своим Создателем вопреки сложным историческим, социальным и культурным явлениям эпохи.

Список литературы

1. Агафонов Н., протоиерей. Отшельник поневоле: рассказы. М., 2009.
2. Агафонов Н., протоиерей. Стояние: повесть. М., 2017.
3. Бойко С.С. Книги для бессмертных: теоцентричная проза православных писателей XX–XXI вв. М., 2021.
4. Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016.
5. Леонов И.С., Вальчак Д. Мотив иконы в повести протоиерея Николая Агафопова «Стояние» // Проблемы исторической поэтики. 2022. Т. 20. № 1. С. 360–377. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10283.
6. Леонов И.С. Православная художественная проза XXI века: типология и поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2019.
7. Пращерук Н.В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика: учеб. пособие. Екатеринбург, 2018.
8. Храпова В.А., Карандашов И.В. Региональный текст в современной социокультурной динамике // LOGOS ET PRAXIS. 2018. Т. 17. № 4. С. 125–131.
9. Шантаев А., свящ. Между небом и Львами. Записки на полях церковного года. М., 2005.

* * *

1. Agafonov N., protoierej. Otshel'nik ponevole: rassказы. М., 2009.
2. Agafonov N., protoierej. Stoyanie: povest'. М., 2017.
3. Bojko S.S. Knigi dlya bessmertnyh: teocentrichnaya proza pravoslavnyh pisatelej XX–XXI vv. М., 2021.
4. Krasnyakova M.S. Sovremennaya pravoslavnaya proza: genesis, osnovnye motivy, tipologiya syuzhetov: dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2016.
5. Leonov I.S., Val'chak D. Motiv ikony v povesti protoiereya Nikolaya Agafonova «Stoyanie» // Problemy istoricheskoy poetiki. 2022. Т. 20. № 1. С. 360–377. DOI: 10.15393/j9.art.2022.10283.
6. Leonov I.S. Pravoslavnaya hudozhestvennaya proza XXI veka: tipologiya i poetika: dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2019.
7. Prashcheruk N.V. Sovremennaya duhovnaya proza: tradicii, smysly, poetika: ucheb. posobie. Ekaterinburg, 2018.
8. Храпова В.А., Карандашов И.В. Региональный текст в современной социокультурной динамике // LOGOS ET PRAXIS. 2018. Т. 17. № 4. С. 125–131.
9. Shantaev A., svyashch. Mezhdubom i L'vami. Zapiski na polyah cerkovnogo goda. М., 2005.



The regional text in the creative work of the protopriest Nikolay Agafonov

The article deals with the peculiarities of the regional (the Lower Volga) text in the creative work of the protopriest Nikolay Agafonov. In the stories and novels, the author appeals to the locuses, associated with his biography: Samara (Kuibyshev), Saratov and Volgograd regions, including the major cities, small settlements and Cossack villages. The development of the special type of the fictional space is supported by the appeal to the local legends and the natural, geographical and religious contexts.

Key words: *Orthodox Christian fictional prose, creative work of N.V. Agafonov, regional text, fictional space.*

Д.Л. РЯСОВ
Москва

М.А. ШЕЛЕНОК
Санкт-Петербург

**КОНФЛИКТЫ И ХАРАКТЕРЫ В ПЬЕСАХ САРАТОВСКОГО ДРАМАТУРГА
ДМИТРИЯ БОРИСОВА «ВЕЛИКИЙ ПРЕДТЕЧА» И «ПЛЕНЕННЫЕ ДУШИ»**

Рассматриваются пьесы Д.М. Борисова – заметного саратовского писателя, основные этапы творчества которого пришлись на 20–30-е гг. XX в. Анализируются два драматургических текста автора – «Великий предтеча» и «Плененные души» (опубликованы в 1922 г.). Внимание уделяется прежде всего персонажам и самой природе конфликта в указанных сочинениях. Освещается ряд упоминаний об одной из пьес Борисова в периодической печати соответствующего периода.



Ключевые слова: *драматургия, конфликт, 1920-е гг., Д.М. Борисов, региональная литература, Саратов.*

Если за дореволюционным Саратовом закрепился стереотип «город купеческий», то XX в. помог взглянуть на него уже как на «город театральный». Саратовская земля родила и взрастила большое количество талантливых актеров, режиссеров, театральных журналистов и критиков, чьи имена известны не только в России, но и за рубежом. При этом литературная основа театрального мира – т. е. драматургия – местными именами не богата. Саратовским поэтам и прозаикам неоднократно уделяли внимание филологи, краеведы и литературные критики. Саратовским драматургам же не повезло по очень простой причине – их практически не было. Тем для нас и интересна фигура Дмитрия Борисова (1883–1948) – автора нескольких пьес, написанных в 1920-е гг.

Свой творческий путь этот писатель начал значительно раньше, в качестве журналиста. Затем последовали небольшие прозаические опыты. Рассказы Борисова 1913–1919 гг. впоследствии составили сборник «Голгофа» (1922). Испытав себя в эпических жанрах, автор обратился к драматургии. Позже он активно занимался редактированием; участвовал в издании альманаха «Литературный Саратов», где также печатал сочинения.

Отметим, что в прошедшем 2022 г. исполнилось ровно сто лет публикациям таких произведений, как «Великий предтеча: трагедия преобразования» и «Плененные души». Книжечки малого формата выходили относительно небольшим тиражом и на сегодняшний день стали настоящей библиографической редкостью. Кстати, судя по объявлениям Торгового Сектора Госиздата в столичной периодике 1923 г. (еженедельник «Зрелища», журнал «Театр и музыка»), экземпляры «Великого предтечи» можно было приобрести в Москве и Петрограде – наравне, например, с пьесами А.В. Луначарского [10, с. 3; 11, с. 599].

Имеются сведения и о сценической жизни творений саратовского драматурга. Как можно узнать из объемного справочника 1925 г. «Весь Саратов» (изданного, кстати, под редакцией самого Д.М. Борисова), «пьесы ставились на сценах: в Ленинграде, Витебске, Перми, Покровске, Саратове и др. городах» [6, с. 398]. Эта информация частично подтверждается и в периодической печати 1920-х гг. Так, имеются данные о подготовке постановки в Витебске. Местный журнал «Искусство» сообщает о переработке «неудовлетворительного репертуара» Губтеатра с целью включить в него «ряд классических и современных пьес». Аккурат после «Бесприданницы» Островского упомянут «Великий

предтеча» с характерным уточнением – «революционная пьеса Борисова» [5, с. 48]. Еще одну оценку (правда не собственно произведения, а лишь его рекламы) можно найти и в более позднем материале – статье из московского издания «Вестник работников искусства» (1925). Рассуждая о непростой ситуации с провинциальными театрами, обозреватель Э. Бескин с сожалением сетует: «по Уралу обильно расклеена афиша, оповещающая из города в город, что “артисты московских театров”» (следуют три совершенно незнакомых фамилии) ставят «первый раз в провинции СССР идущую в столице с колоссальным успехом боевую новинку сезона психологическую драму в 4 д. Борисова “Трагедия Преображения”. По ходу действия в 1 действии американский танец исполнит Арлета» [1, с. 8]. Несмотря на общий холодный тон данного текста, он (равно как и предыдущий) дает основание говорить об определенной известности сочинения Д. Борисова.

Неудивительно, что из его пьес именно «Великий предтеча», в отличие от «Плененных душ», так или иначе был отмечен в материалах журналов и газет. Как можно будет убедиться далее, эта вещь куда более цельная, с «живыми» портретами персонажей и четкой пространственно-временной организацией. Кроме того, она лучше отражает настроение и «дух» времени.

Ведущий конфликт – противостояние художника и толпы/массы. Илья Крутояров – нестандартно мыслящий живописец, к которому в провинциальном городе многие жители относятся как к местному сумасшедшему, посмеиваются над ним и его картинами. В кабаре «Вавилон» он знакомится с женой миллионера Гордеева Риммой (она же бывшая танцовщица Нейга), после чего красавица становится музой и натурщицей Крутоярова. Так в пьесе возникают два любовных треугольника: Крутояров – Нейга – Гордеев и Нейга – Крутояров – Елена (жена художника).

В этой связи стоит сказать пару слов о столь оригинальном псевдониме Риммы. Имя «Нейга» можно встретить в рассказе самого Д. Борисова «Любовь горного бога» из сборника «Голгофа» (авторская датировка – 1914 г.). Он представляет собой пересказ старинной осетинской легенды о горном духе Гуде, который влюбился в прекрасную девушку, живущую в одном из аулов. Это, собственно, Нейга – «такая красавица, какой нынче и не сыщешь» [3, с. 18]. Узнав о том, что героиня влюблена в храброго охотника и воина Наруна, старый Гуд благодаря своим чарам сумел разрушить отношения пары. Подобная автореминисценция дополняет происходящее в пьесе рядом любопытных переключек.

Сама же картина, которую пишет Илья, должна, по авторскому замыслу, преобразить массу, искоренить мещанство и утвердить силу красоты (уникальное жанровое определение «трагедия преображения» маркирует не только собственно трагический подтекст произведения, но и стремление творческого человека изменить мир к лучшему).

Время действия – дореволюционная Россия. Композиционно события разворачиваются в нескольких локациях. В первом акте Борисов в карикатурных красках показывает «вавилонское» общество – пошлых, пустых и невежественных прожигателей жизни. На их фоне заметно выделяются и главный герой, и супруги Гордеевы. Эпизод в «Вавилоне» важен для завязки как любовной линии, так и для конфликта между художником и безнравственной толпой. Второй акт посвящен творческому процессу в мастерской Крутоярова, с которым выяснить отношения поочередно пытаются обиженная супруга Елена и ревнивый Гордеев. Миллионер готов смириться с тем, что Нейга в обнаженном виде позировала Илье, но выступает против массовой демонстрации картины. В третьем акте читатели/зрители наблюдают в доме Гордеевых за ссорой и окончательным разрывом между супругами, а также узнают из реплик разных гостей подробности о состоявшейся выставке, где толпа осмеяла художника и вульгарно отреагировала на картину с обнаженной Риммой. Зритель также узнает, что все было подстроено с пода-

чи Гордеева. Финальный акт возвращает зрителей в мастерскую. Нейга признается Илье в своих чувствах, благодаря чему художник преодолевает депрессию. Так Борисов вводит позитивную развязку не только любовного конфликта, но и признания художника.

Зимахов, коллега Ильи, с восторгом сообщает: «Я пришел сказать... Весь город в движении... Всюду говорят только о твоей картине... Твой неуспех, твоё крушение производят обратное действие... Молодежь готовится чествовать тебя. Твое имя у всех на устах. Ты стал великим...» [2, с. 123].

Кроме того, на протяжении всего действия неоднократно возникают реплики с явно выраженным социальным подтекстом. Например, «богема» с отвращением и опаской реагирует на заявления о том, что Крутойяров – социалист. Илья обличает не только «вавилонское общество», но и весь старый мир: «У вас весело... А там люди умирают с голоду... Там десятилетние девочки торгуют собою. <...> Не-е-т. Сгинет эта проклятая жизнь!» [Там же] и т. д.

В пьесе можно углядеть также ряд своеобразным образом преломленных гоголевских мотивов. Так, истребление художником выдающейся картины невольно заставляет вспомнить поступок сошедшего с ума Чарткова из повести «Портрет». Однако тонкость в том, что борисовский Крутойяров (напомним, что, по общему мнению, он также безумен) уничтожает именно собственное творение: великий, гениальный труд. В этой связи приходит на ум непростая ситуация со вторым томом «Мертвых душ», описанная в сборнике «Выбранные места из переписки с друзьями»: произведению необходимо было умереть, чтобы воскреснуть, но уже «в очищенном и светлом виде» [7, с. 86]. Финал пьесы вполне дает надежду на такой исход. Более того, радостный художник восклицает: «Я был мертв. Был труп. И вот – воскрес!» [Там же, с. 121]. Не лишним будет подметить, что и завершающая статья гоголевских «Выбранных мест...» носит заглавие «Светлое Воскресенье».

Что же касается второй пьесы Борисова («Плененные души»), то она, по всей видимости, была написана несколько позже предыдущей. В очевидно более раннем издании «Предтечи» «Души» обозначены лишь «приготовленными к печати» [Там же, с. 124]. Сама датировка произведения, указанная автором – «июнь-декабрь 1921» [4, с. 111]. При этом «Великого предтечу», как мы помним, собирались ставить в Витебске, что отражено в летнем номере «Искусства» за 1921 г. [5, с. 48].

В целом «Плененные души» – незамысловатая мелодрама, где центральный конфликт основан на переживаниях двух девушек, влюбившихся в пижонов с «заморскими» именами. Капризная Шура и высокомерная Оля, будто по щелчку пальцев, превращаются в наивных дурочек, клянутся в любви и готовы отдаться двум братьям – Рудольфу и Фердинанду (последний, как выяснится, уже женат). Каждая из девушек делает тот выбор, который приводит к бесконечным слезам и страданиям. Большую часть пьесы составляют малосодержательные диалоги, в которых героини в истериках повторяют из раза в раз, как и кого они любят и что это приносит им безудержную боль. Финал произведения не разрешает конфликта: Шура признается подруге в убийстве своего любимого мучителя (абыюзера – как сказали бы сегодня), без которого ей жизнь равно в тягость: «не знаю, откуда у меня в руках оказался нож... И вот, я прямо ему в грудь... <...> Смотрю, Рудольф весь лежит в крови... Я вскрикнула и бросилась целовать его мертвого... <...> Ведь я его так любила, так любила...» [4, с. 110–111]. Завершается действие тем, как Шура и Оля, «обнявшись, рыдают» [Там же, с. 111] под закрытие занавеса.

Действие разворачивается в провинции. На Саратов прямых указаний нет, однако ряд косвенных можно усмотреть. Во-первых, обозначено, что город – губернский, что само по себе сужает круг потенциальных мест-кандидатов. Во-вторых, считается упоминание купеческого прошлого населенного пункта. Третья деталь – наличие в сюжете квартиранта семьи Шуры Бессоновой, доктора Мартона, «военнопленного венгер-

ца» [4, с. 3], которого (и на этом делается акцент) отец героини попросил приглядывать за семьей во время собственного отсутствия.

Известно, что в годы Первой мировой войны в Саратовскую губернию массово отправляли пленных солдат австро-венгерской и германской армий. Приезжали сюда и беженцы. При этом отношение коренных жителей к вновь прибывшим иностранцам было несколько более спокойное, нежели в ряде других регионов. Это неудивительно, учитывая более чем вековое проживание на саратовской земле русских немцев, потомков колонистов. «Местное население в большинстве случаев относилось к пленным благопривно, иногда с сочувствием» [9, с. 19], – указывает историк А.В. Калякина. Разумеется, бывшие солдаты так или иначе взаимодействовали с коренным населением. Остро стоял вопрос об их трудоустройстве. Так, Б.К. Дулатов в своем исследовании отмечает: согласно «данным саратовских властей, частные лица нередко использовали пленных в качестве домашней прислуги, приказчиков торговых заведений, бухгалтеров, дворников, водителей, кучеров» [8, с. 360].

Что же касается непосредственно доктора, то он показан скорее другом и советником семейства. Симптоматично при этом, что именно Мартон когда-то свел Бессоновых со злополучными братьями, а позднее, будучи прекрасно осведомленным о всех «сердечных делах» Оли и Шуры, ничем не смог помочь запутавшимся подругам и лишь с укоризной рассуждал о вопросах нравственности.

Интересно обстоят дела и с временными рамками – они также размыты. Несмотря на художественную условность и линейный сюжет, действие будто разворачивается в какой-то временной петле: в тексте содержатся некоторые намеки на новую – пост-революционную – эпоху (например, отец Шуры подчеркнута обозначен как «бывший купец» [4, с. 3], упоминается милиция и т. п.), при этом языковые портреты всех персонажей соответствуют шаблонам конца XIX в. Центральные и второстепенные герои – маски-типы: обманутые невесты; соблазнитель с несерьезными целями; стыдящие свою дочь мать и отец; бедные и непримечательные доктор и благородный студент, которые тщетно пытаются отговорить девушек от неправильных шагов. Кстати, история студента Яши, которого «мобилизует партия» [Там же, с. 17], по-видимому, указывает на Гражданскую войну. Но это единственный намек: все остальные ведут себя как ни в чем не бывало, даже подчеркнута праздность. Так, героини вместе с их кавалерами-обольстителями радостно встречают Новый год в компании постоянно отпускающего шутки циркового артиста Джона.

Вообще создается ощущение, что герои полностью отрешились от глобальных проблем. Они погружены в собственный мир и заняты поисками исключительно личного благополучия, зачастую сопряженного с мещанским комфортом. При этом персонажи категорически не желают верить в наступление новой реальности. Так, на все доводы Якова Оля беззастенчиво и прямо замечает: «Вся эта революция, все, чем ты увлекаешься – ненадолго. Все это пройдет... Опять вернемся к старому» [Там же, с. 15].

В целом же явной динамики характеров не наблюдается (прежде всего оттого, что самих характеров как таковых нет). «Картонный» мелодраматический сюжет с «картонными» же персонажами способствуют тому, что в тексте нет четко выраженной авторской позиции. На наш взгляд, Борисов предпринял попытку обращения к проблеме взаимоотношений старшего и младшего поколений посредством раскрытия темы ветрености девушек, вешающихся на шею к не способным на любовь рудольфам и фердинандам. Таким образом, заглавие пьесы намекает на плененные страстями души, которые слепы не только в своем выборе судьбы, но и в незаслуженном отношении к близким по-настоящему людям. Но также они находятся «в плену» у старого, уходящего поколения. Студент Яков ближе к концу пьесы замечает: «Вы, Оля, если бы пошли навстречу жизни... бурной, кипучей, клокочущей... вы бы увлеклись» [Там же, с. 96]. К сожалению, без этого истинного счастья, по мысли автора, не обрести.

На наш взгляд, для творчества драматурга характерна тяга к экспериментам. В «Пленных душах» он выбирает мелодраму с простейшими диалогами, конфликтом и шаблонными типами, пытаясь при этом некоторым образом связать происходящее с актуальными на тот момент темами. «Великий предтеча», напротив, произведение многоплановое. Любовный конфликт «трагедии преобразования» является вспомогательным для решения более сложного противостояния настоящего искусства, живой истинной красоты, их носителей и выразителей с массовыми невежеством и пошлостью. Борисову удалось создать объемные портреты центральных персонажей (Крутоярова, Нейги, Гордеева) и по-своему яркие образы «вавилонского» «темного царства». Несмотря на отсутствие новаторских шагов и «чувства сцены», представленные драматургические опыты интересны (хоть и не в рамках общекультурного историко-литературного процесса) для изучения жанрово-тематической среды литературного Саратова в переломные для страны годы.

В перспективе уместно обращение к еще одной пьесе Борисова – исторической хронике 1926 г. «Властители и чудотворцы», где, кстати говоря, уже прямо упоминается город Саратов.

Список литературы

1. Бескин Э. У провинциальной афиши // Вестник работников искусства. 1925. № 5–6 (27–28). С. 8–9.
2. Борисов Д.М. Великий предтеча: трагедия преобразования в 4 актах. Саратов, 1922.
3. Борисов Д.М. Любовь горного бога // Его же М. Голгофа: рассказы. Саратов, 1922. С. 17–21.
4. Борисов Д.М. Пленные души: пьеса в 4 д. Саратов, 1922.
5. В Губнаробразе // Искусство: журнал художественной комиссии Губнаробраза и Губрабиса. Витебск. 1921. № 4–6 (июнь-авг.). С. 48.
6. Весь Саратов. Альманах-справочник на 1925 год / под ред. Д.М. Борисова. Саратов, 1925.
7. Гоголь Н.В. Четыре письма к разным лицам по поводу «Мертвых душ» // Его же. Полное собрание сочинений: в 17 т. / сост., подгот. текстов и коммент. И.А. Виноградов, В.А. Воропаев. М.; Киев, 2009. Т. 6. С. 75–88.
8. Дулатов Б.К. Пребывание австро-венгерских военнопленных и беженцев в Поволжье в контексте экономических и политических процессов в годы Первой мировой войны (по материалам государственного архива Волгоградской области) // Русин. 2019. № 57. С. 349–373.
9. Калякина А.В. Подданные стран-участниц Четверного Союза в Саратовском Поволжье (1914–1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013.
10. Торговый Сектор Государственного Издательства // Зрелища. 1923. № 21 (24–29 янв.). С. 3.
11. Торговый Сектор Государственного Издательства // Театр и музыка. 1923. №5 (18) (6 фев.). С. 599.

* * *

1. Beskin E. U provincial'noj afishi // Vestnik rabotnikov iskusstva. 1925. № 5–6(27–28). S. 8–9.
2. Borisov D.M. Velikij predtecha: tragediya preobrazheniya v 4 aktah. Saratov, 1922.
3. Borisov D.M. Lyubov' gornogo boga // Ego zhe M. Golgofa: rasskazy. Saratov, 1922. S. 17–21.
4. Borisov D.M. Plenennye dushi: P'esa v 4 d. Saratov, 1922.
5. V Gubnarobraze // Iskusstvo: zhurnal hudozhestvennoj komissii Gubnarobraza i Gubrabisa. Vitebsk. 1921. № 4–6 (iyun'-avg.). S. 48.
6. Ves' Saratov. Al'manah-spravochnik na 1925 god / pod red. D.M. Borisova. Saratov, 1925.
7. Gogol' N.V. Chetyre pis'ma k raznym licam po povodu «Mertvyh dush» // Ego zhe. Polnoe sobranie sochinenij: v 17 t. / sost., podgot. tekstov i komment. I.A. Vinogradov, V.A. Voropaev. M.; Kiev, 2009. T. 6. S. 75–88.
8. Dulatov B.K. Prebyvanie avstro-vengerskih voennoplennyh i bezhencev v Povolzh'e v kontekste ekonomicheskikh i politicheskikh processov v gody Pervoj mirovoj vojny (po materialam gosudarstvennogo arhiva Volgogradskoj oblasti) // Rusin. 2019. № 57. S. 349–373.

9. Kalyakina A.V. Poddannye stran-uchastnic CHetvernogo Soyuza v Saratovskom Povolzh'e (1914–1922 gg.): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Saratov, 2013.

10. Torgovyy Sektor Gosudarstvennogo Izdatel'stva // Zrelishcha. 1923. № 21 (24–29 yanv.). S. 3.

11. Torgovyy Sektor Gosudarstvennogo Izdatel'stva // Teatr i muzyka. 1923. №5 (18) (6 fev.). S. 599.



***The conflicts and characters in the plays “The Great Forerunner”
and “Captive souls” by the Saratov playwright Dmitriy Borisov***

The article deals with the plays of D.M. Borisov – a prominent Saratov writer, the basic stages of his creative work were in the 1920–1930s. There are analysed two dramatic texts of the author – “The Great Forerunner” and “Captive souls” (published in 1922). There are emphasized the characters and the nature of the conflict of these works. The authors describe the row of the references of one of the plays of D.M. Borisov in the periodical press of the corresponding period.

Key words: *drama, conflict, 1920s, D.M. Borisov, regional literature, Saratov.*



О.А. ДМИТРИЕВА, Н.А. ВАНЮШИНА
Волгоград

ОБЪЕДИНЯЯ ГОРОДА И СТРАНЫ: IV МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ ОНЛАЙН-КОНФЕРЕНЦИЯ «РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ»

24–25 ноября 2022 г. в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете проходила IV ежегодная Международная научная онлайн-конференция «Русский язык в поликультурной образовательной среде». Это научное мероприятие является не только одним из направлений деятельности университета по продвижению русского языка за рубежом и экспорту образовательных услуг, но и своеобразным итогом сотрудничества вузов-партнеров ВГСПУ – Кавказского университета (Турция), Нукусского государственного педагогического института имени Ажинияза (Узбекистан), Таджикского государственного медицинского университета имени Абуали ибн Сино (Таджикистан), Таджикского государственного института языков имени Сотима Улугзода (Таджикистан) и Термезского государственного педагогического института (Узбекистан). Примечательно, что в этом году в ВГСПУ впервые приехали студенты из Кавказского университета для продолжения обучения по программам магистратуры. Их приезд на обучение – один из результатов работы ежегодной конференции.

Традиционно работа конференции проходит в смешанном формате, спикерам предлагается как очный формат работы, так и дистанционный, что расширяет географический охват участников конференции, обуславливает ее международный статус и привлекает большое число участников из разных стран.

IV Международная научная онлайн-конференция «Русский язык в поликультурной образовательной среде» объединила более 160 участников из 20 вузов Таджикистана, Туркменистана, Турции, КНР, Южной Кореи, Узбекистана и России, а также средних учебных заведений как российских, так и ближнего и дальнего зарубежья. По итогам работы конференции планируется выход сборника научных докладов участников.

С приветственным словом обратились к участникам проректор по научной работе ВГСПУ С.Ю. Глазов, а также руководители вузов-партнеров, отметив важную роль проведения совместных научно-исследовательских мероприятий с целью укрепления и продолжения сотрудничества, обмена опытом и разработки перспективных направлений дальнейшей деятельности.

На пленарном заседании выступили видные научные деятели вузов – участников конференции. Стоит отметить, что организаторы не вводили ограничений, и тематика пленарных докладов была достаточно разнообразна, что являлось хорошей возможностью познакомиться с направлениями научных школ партнеров. Так, доктор филологических наук, профессор Кавказского университета Фирангиз Шахмуровна Пашаева Юнус выступила с докладом «Концепт “свадьба” в русском и турецком языках». Изучение концептосферы лингвокультурных сообществ в русле компаративного анализа и прагмалингвистики в значительной мере не только обогащает профессиональные знания лингвистов, но и способствуют диалогу культур как единственно верной основе для построения успешной межкультурной коммуникации. Исследователь отметила, что в

турецком языке слово *свадьба* передается словом *düğün*. Докладчик указала на две версии происхождения данного слова. Одни исследователи считают, что оно этимологически восходит к слову *düğüm* (узел), передающее основное значение слова «свадьба» – жених и невеста женятся и связывают свои жизни. Другие исследователи полагают, что слово *düğün* восходит к словам *toy-kün/ doy-gün* – день пиршества, застолья, праздника.

Не менее содержательным был доклад «Топонимы как средство развития лингвокультурных отношений» доктора филологических наук, профессора кафедры методики преподавания ТГИЯ им. С. Улугзаде (Таджикистан) Олимджона Хабибовича Касимова. Докладчик мотивировал обращение к выбранной теме возросшим интересом к дисциплинам, описывающим различные аспекты триады «язык – сознание – культура». Топонимическая лексика содержит в себе национально-специфическую информацию, играет важную смыслообразующую роль в любом тексте, нередко те или иные единицы вызывают определенные эмоциональные ассоциации у носителей языка, понять которые иностранец может только при условии наличия у него соответствующих фоновых знаний.

Большой интерес участников вызвал доклад «Моделирование лингвокультурных типажей как средство формирования межкультурной компетенции в процессе обучения русскому языку как иностранному» профессора Волгоградского государственного социально-педагогического университета О.А. Дмитриевой, предложившей практическое применение результатов лингвистических исследований в образовательном пространстве. Согласно концепции О.А. Дмитриевой, обращение к теории лингвокультурных типажей в рамках преподавания русского языка как иностранного в высшей степени продуктивно, плодотворно, поскольку когнитивным содержанием лингвокультурного типажа выступает типизированная языковая личность, которая является не только отражением обобщенных, устойчивых представлений о носителях того или иного национального менталитета. Гибкость структуры лингвокультурного типажа и его аккумулятивная природа позволяют данной когнитивной единице расширять границы своего содержания путем персонификации в конкретных языковых личностях, а также модифицироваться в зависимости от культурно-социальной среды, исторической эпохи своего существования. Моделирование лингвокультурного типажа позволяет изучить национальный менталитет, сформировать языковое сознание, расширить языковые знания, освоить специфику речевого – в целом – коммуникативного поведения. В процессе изучения лингвокультурного типажа затрагиваются вопросы национальных стереотипов, изучение и коррекция которых приводит к смягчению культурного шока и формированию этнической толерантности. Прикладной характер теории лингвокультурных типажей позволяет студенту-иностранцу не только отчетливо увидеть ментальное пространство русского языка и русской культуры, но и сопоставить его с родным посредством обращения к лингвострановедческой, исторической, социологической, психологической базе данных в процессе моделирования типажа.

В рамках работы конференции состоялось заседание четырех секций – «Межкультурная коммуникация в практике преподавания РКИ», «Актуальные проблемы современной русистики: взгляд молодых ученых», «Современные подходы к организации образовательного процесса в рамках обучения РКИ», «Актуальные проблемы современной русистики и филологии».

В каждом вузе есть свои научные школы, профессорско-преподавательский состав, отличающийся высоким профессионализмом, творческим, инновационным подходом в научной и педагогической деятельности. Конференция «Русский язык в поликультурной образовательной среде» также объединила единомышленников и профессионалов, вкладывающих свои силы, знания, талант в учеников – продолжателей добрых традиций своей *alma mater*. И поэтому особое внимание уделялось работе секции «Актуаль-

ные проблемы современной русистики: взгляд молодых ученых», которая была одной из самых многочисленных и объединила в своей работе студентов, магистрантов и аспирантов всех представленных вузов. Наряду с именитыми учеными молодое поколение, у которого впереди все свершения в научной и образовательной сферах, с энтузиазмом поделилось со старшими коллегами промежуточными итогами и перспективами своих исследований. Стоит отметить, что представленный формат работы конференции – это своего рода стартовая площадка для многих начинающих исследователей, которых объединил русский язык. Именно на этой платформе появляется возможность поделиться результатами своего труда, услышать комментарии коллег, а также рекомендации более опытных наставников. Подавляющее большинство участников конференции составили студенты ВГСПУ, что свидетельствует об их высокой мотивации к проведению исследований и умении научных руководителей университета результативно организовать научно-исследовательскую работу молодого поколения.

Что касается заседаний секции «Актуальные проблемы современной русистики и филологии», то они продолжались 2 дня, объединив ученых из российских вузов и лингвистических школ, а также исследователей из Таджикистана, Туркменистана, Турции и Узбекистана. Участники секции представили доклады по широкому кругу тем. Преподаватель Акденизского университета Рената Акташ подробно рассказала о положении русского языка в Турции, о возросшем интересе к изучению русского языка и возможностях, которые предоставляют сейчас для этого турецкие вузы. Большинство докладов было посвящено вопросам русистики и лингвокультурологии. По сложившейся традиции были широко представлены сопоставительные исследования, авторы которых фокусировали свое внимание на контрастивном описании нескольких языков (таджикского, узбекского, русского, английского). Ряд докладчиков представил исследования из области литературоведения и литературного перевода иноязычных произведений на русский язык. Актуальными и интересными были результаты исследований по микропонимии. Так, А.В. Правдикова, доцент ВГСПУ, остановилась на освещении проблемы отражения традиционных ценностей русской лингвокультуры в современной городской микропонимии. Весомую часть современной городской микропонимии, согласно наблюдениям А.В. Правдиковой, составляют ойкодомонимы – наименования жилых комплексов. Тенденция, имеющая место в номинации жилых объектов, – важный показатель происходящих в общественном сознании процессов. Исследователь отметила, что свойственными русской языковой картине мира ценностями являются склонность к широте, свободе, а также стремление к уюту, комфорту и теплу.

Особый интерес вызвали доклады, представившие совершенно новые языковые явления, возникшие в последнее время («Фанфики как полинаучный феномен» и «Копипаста как новое языковое явление в интернет-коммуникации», «Кликбейт как лингвокультурный феномен»).

Участники отметили высокий уровень организации конференции, выразили благодарность организаторам за создание творческой атмосферы и комфортных условий для эффективной работы.



СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авилова
Анна Александровна* – ассистент кафедры немецкого языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: avilova97@mail.ru
- Бобырева
Екатерина Валерьевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: new_life@mail.ru
- Брысина
Евгения Валентиновна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: filolog@vspu.ru
- Ван Тяньцзяо* – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: wangtianjiao19870821@yandex.com
- Ванюшина
Наталья Анатольевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: wanjuschina@yandex.ru
- Волкова
Яна Александровна* – доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов. E-mail: yana.a.volkova@gmail.com
- Гребнёва
Екатерина Андреевна* – E-mail: one_more_night19@mail.ru
- Декатова
Кристина Ивановна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: dekatovaki@mail.ru
- Дмитриева
Ольга Александровна* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: dmoa@mail.ru
- Дьякова
Анастасия Алексеевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: twinsi@mail.ru
- Карасик
Владимир Ильич* – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: vkarasik@yandex.ru

- Ковальчук
Ольга Николаевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина (Брест, Беларусь). E-mail: opushko@tut.by
- Красавский
Николай Алексеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: nkrasawski@yandex.ru
- Леонов
Иван Сергеевич* – доктор филологических наук, профессор кафедры мировой литературы Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. E-mail: mamif.lis@rambler.ru
- Макарова
Ольга Сергеевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: olka1@inbox.ru
- Мещерякова
Юлия Витальевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: julmesh@gmail.com
- Мосейко
Анна Александровна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: mosanya74@mail.ru
- Москвин
Василий Павлович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: vasmoskvin@yandex.ru
- Перевалова
Светлана Валентиновна* – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: cavalier@yandex.ru
- Птукян
Армен Рубенович* – аспирант кафедры теории и практики иностранных языков Института иностранных языков Российского университета дружбы народов. E-mail: armen.ptukyan@gmail.com
- Рясов
Даниил Леонидович* – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник библиотеки ГБУК г. Москвы «Дом Гоголя». E-mail: ryasovdaniil@yandex.ru
- Солодовникова
Наталья Геннадиевна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: tommyboy22@mail.ru
- Супрун
Василий Иванович* – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: suprun@vspu.ru

- Табачникова
Ольга Марковна* – доктор философии, заведующий кафедрой русистики, директор Центра имени Владимира Высоцкого по изучению русского языка и культуры Университета Центрального Ланкашира (Престон, Великобритания). E-mail: otabachnikova@uclan.ac
- Тропкина
Надежда Евгеньевна* – доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и методики ее преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: netropkina@mail.ru
- Фенькина
Лидия Николаевна* – редактор ГКУ Волгоградской области «Центр информационного и материально-технического обеспечения». E-mail: l-volga@yandex.ru
- Ху Юйпинь* – ассистент кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: 1973771985@qq.com
- Черницына
Татьяна Владимировна* – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru
- Чжан Шуи* – ассистент кафедры русского языка как иностранного Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: 1377527581@qq.com
- Шевченко
Татьяна Юрьевна* – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета. E-mail: shefdtj@yandex.ru
- Шеленок
Михаил Алексеевич* – кандидат филологических наук, доцент кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов. E-mail: shelenokmishka@rambler.ru



INFORMATION ABOUT AUTHORS

- Anastasiya Dyakova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: twinsi@mail.ru
- Anna Avilova* – Assistant, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Department of German Language and its Teaching Methods. E-mail: avilova97@mail.ru
- Anna Moseyko* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: mosanya74@mail.ru
- Armen Ptukyan* – Post Graduate Student, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, People’s Friendship University of Russia. E-mail: armen.ptukyan@gmail.com
- Daniil Ryasov* – PhD (Philology), Senior Research Scientist, N.V. Gogol House-Memorial Museum and Scientific Library (Moscow). E-mail: ryasovdaniil@yandex.ru
- Ekaterina Bobyreva* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: new_life@mail.ru
- Ekaterina Grebneva* – E-mail: one_more_night19@mail.ru
- Evgeniya Brysina* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: filolog@vspu.ru
- Hu Yupin* – Assistant, Department of Russian Language as a Foreign Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: 1973771985@qq.com
- Ivan Leonov* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of World Literature, Pushkin State Russian Language Institute. E-mail: mamif.lis@rambler.ru
- Kristina Dekatova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: dekatovaki@mail.ru
- Lidiya Fenkina* – Editor State Public Institution of the Volgograd region “Center for Information and Material and Technical Support”. E-mail: l-volga@yandex.ru
- Mikhail Shelenok* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Philosophy and Culture Studies, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences. E-mail: shelenokmishka@rambler.ru

- Nadezhda Tropkina* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: netropkina@mail.ru
- Nataliya Solodovnikova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Language Studies, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: tommyboy22@mail.ru
- Natalya Vanyushina* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language as a Foreign Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: wanjuschina@yandex.ru
- Nikolay Krasavskiy* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: nkrasawski@yandex.ru
- Olga Dmitrieva* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language as a Foreign Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: dmoa@mail.ru
- Olga Kovalchuk* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Literature and Journalism, Brest State University named after A.S. Pushkin (Brest, Belarus). E-mail: opushko@tut.by
- Olga Makarova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of German Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: olka1@inbox.ru
- Olga Tabachnikova* – Advanced PhD (Philosophy), Head of the Department of Russian Studies, Head of The Vladimir Vysotsky Centre for Russian Studies, the University of Central Lancashire (Preston, UK). E-mail: otabachnikova@uclan.ac
- Svetlana Perevalova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: cavalier@yandex.ru
- Tatyana Chernitsyna* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: tatyana-chernicyna@yandex.ru
- Tatyana Shevchenko* – PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: shefdtj@yandex.ru
- Vasilij Moskvín* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: vasmoskvín@yandex.ru
- Vasilij Suprun* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Russian Language and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: suprun@vspu.ru
- Vladimir Karasik* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of General and Russian Language Studies, Pushkin State Russian Language Institute. E-mail: vkarasik@yandex.ru

- Wang Tianjiao* – Post Graduate Student, Department of Literature and its Teaching Methods, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: wangtianjiao19870821@yandex.com
- Yana Volkova* – Advanced PhD (Philology), Professor, Department of Theory and Practice of Foreign Languages, Institute of Foreign Languages, People's Friendship University of Russia. E-mail: yana.a.volkova@gmail.com
- Yuliya Mesheryakova* – PhD (Philology), Associate Professor, Department of English Philology, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: julmesh@gmail.com
- Zhang Shui* – Assistant, Department of Russian Language as a Foreign Language, Volgograd State Socio-Pedagogical University. E-mail: 1377527581@qq.com



СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

Зам. главного редактора:

К.И. Декатова, д-р филол. наук, доц.

Редакционная коллегия:

Е.В. Брысина, д-р филол. наук, проф.

С.Г. Воркачѳв, д-р филол. наук, проф. (Краснодар)

А.Х. Гольденберг, д-р филол. наук, проф.

Л.В. Жаравина, д-р филол. наук, проф.

В.И. Карасик, д-р филол. наук, проф. (Москва)

А.А. Кораблев, д-р филол. наук, проф. (Донецк)

О.А. Кравченко, д-р филол. наук, доц. (Донецк)

Л.П. Крысин, д-р филол. наук, проф. (Москва)

М.Ч. Ларионова, д-р филол. наук, доц. (Ростов-на-Дону)

О.А. Леонтович, д-р филол. наук, проф.

Г.Б. Мадиева, д-р филол. наук, проф. (Алматы, Казахстан)

В.М. Мокиенко, д-р филол. наук, проф. (Санкт-Петербург)

Н.Н. Панченко, д-р филол. наук, проф.

С.В. Перевалова, д-р филол. наук, доц.

Л.Н. Савина, д-р филол. наук, доц.

В.И. Супрун, д-р филол. наук, проф.

Н.Е. Тропкина, д-р филол. наук, проф.

А.А. Фокин, д-р филол. наук, доц. (Ставрополь)

Цзиньлин Ван, д-р филол. наук, проф. (Чанчунь, КНР)

Э.Ф. Шафранская, д-р филол. наук, доц. (Москва)

СОСТАВ НАУЧНО-РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А.М. Коротков, председатель совета, член-корр. РАО, ректор ВГСПУ, д-р пед. наук, проф.

Н.А. Красавский, д-р филол. наук, проф.

М.В. Великанов, отв. секретарь редколлегии